

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИ- ЧЕСКИХ ФОРМАЦИЙ В СТРАНАХ БАЛТИКИ

Entwicklungsprobleme der
sozialökonomischen
Formationen im Ostseegebiet

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК ЭССР

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ФОРМАЦИЙ В СТРАНАХ БАЛТИКИ

Доклады исторической конференции
(28-30 ноября 1978 г.)

ТАРТУ 1978

В.М. ЮГИНИС

**ЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В ЛИТВЕ
В XV-XVIII ВЕКАХ**

В середине XVI века Литва, будучи в составе Речи Посполитой, вступила в период экономического и политического упадка, который с временным оживлением или, точнее говоря, с восстановлением хозяйства продолжался до последней четверти XVIII века, когда появилось товарное производство, основанное на наемном труде. Причины такого застоя обычно объясняются войнами и другими бедствиями,¹ а также усилением политического беспорядка внутри страны, широко известного под названием шляхетской демократии. Все это, конечно, верно, но на мой взгляд, при поисках причин этого явления следует обратить внимание на эволюцию форм собственности на землю, которая являлась основным средством производства. Обычно в литературе землевладение сопоставляется с землепользованием. Первое относится к феодалам, второе — к крестьянам, которые были лишены не только каких-либо политических, но и гражданских прав. Аграрная реформа, проведенная по уставу 1557 г.,² и Литовский Статут 1588 г. были актами окончательного их закрепощения. Тогда установилось правило, что властителем и судьей крестьянина является тот землевладелец, на земле которого крестьянин живет. Государственной власти подчинялись горожане и шляхта, собственники земли, а соб-

ственность являлась высшей формой владения, и поэтому целесообразно изучать изменение форм землевладения в различных этапах развития феодального строя.

При развитии феодализма по восходящей линии происходил процесс превращения владения, т.е. поместья или бенефиции в вотчину, в неограниченную собственность дворянина, по литовской терминологии — боярина. Бенефиции в Литве появились в конце XIV века в связи с введением христианства. В языческой Литве крестьяне превращались в крепостных боярина или князя из-за имущественных отношений, следствием которых являлось экономическое принуждение. Между тем, бенефиции являлись результатом правового, внеэкономического принуждения.³ Князья были собственниками замков и сел с челядью и тяглыми людьми и одновременно властителями территориальных общин — волостей. Князь отличался от боярина своей властью над земледельцами-общинниками. Великий князь литовский, став христианским монархом, начал жаловать общинников-волостян боярам за военную службу. Тогда в источниках, составленных на русском или польском языках, появилось литовское слово велдамас, что означало подданного или подвластного человека с его хозяйством.⁴

Великокняжеская запись первоначально означала только перемену местной власти. Жалуемый волостянин освобождался от подчинения волостному тивуну и передавался лично боярину. Он был обязан давать даякло и платить серебрину великому князю, боярин же довольствовался теми доходами, которые раньше получают волостной тивун. Велдамы составляли владение или бенефицию боярина. В XV веке велдамы постепенно были освобождены от повинностей великому князю или государству, весь доход и судебно-админи-

стративное право перешло боярам. Владение боярина превратилось в его вотчину. В XVI веке пожалования за военную службу прекратились. I-й Литовский Статут 1529 г. (I, 22) установил, что простые люди, подданные бояр, "полностью освобождены от уплаты всякой дани и подати, называемой серебрщиной, а также от дьяки и от всех повинностей по перевозкам, которые называют подводами, от возки камня, дерева или дров для обжига кирпича и извести на наши замки, от кошения сена и от других неустановленных работ". Каждый боярин получил право третью часть своего имения "отдать, продать, подарить и по своему усмотрению извлекать из него пользу" (I, 15). Зато каждый, имеющий земское имение, обязан нести военную службу и снаряжать столько людей, сколько будет признано нужным, согласно числу людей, как отпичей, так и похожих, имеющих право выхода.

Превращение владения в вотчину меняло отношение боярина с его подданными-велдамами. Боярин не мог, не имел права, распоряжаться землей крестьянина, так как владение великий князь мог от него отнять и отдать другому. Вотчина - вечное владение по наследству с правом отчуждения и свободного распоряжения крестьянской землей.

Великий князь был земледельцам вотчинником своих доменных дворов, а для волостных или государственных крестьян - владельцем. В чем заключалась разница, явствует из подготовки и проведения аграрной реформы в середине XVI века. Вступительным актом к реформе был устав для управляющих замками и дворами. Существенным делом, касающимся крестьян, в этом уставе был запрет покупки и продажи земли. Сказано весьма определенно: "Дер-

жавцам и управляющим нашим приказываю строго осмотреть, чтобы наши подданные свои земли не продавали, не закладывали мняхте и околичным боярам, а также своим соседям, чтобы в связи с этим одна земля не расширялась, а другая не уменьшалась к большому и вечному убытку нам и нашей казне и не причинялось трудностей соседству".⁵ Далее в том же уставе объясняется, что крестьяне (холопы) выдают себя за вотчинников, поссорившись с начальством и не желая отдавать дань или платить налоги, "уходят за милью или еще дальше, проживают год, два и больше, а остальные зная, что ушедшие живы, их земли за службу не берут, считая их вотчинниками оставленной земли; начальство их раньше из таких земель прогоняло и отдавало вернувшимся, считая их вотчинниками".⁶ Приказывается в будущем не признавать вотчинных прав за крестьянами, брошенную землю отдавать другому за службу, а вернувшемуся дать в другом месте, чтобы сидел на нем и не гулял.

Аграрная реформа по уставу 1557 года окончательно лишила крестьян земельной собственности и превратила их земли в наде-лы.⁷ Великий князь и бояре из владельцев волостных людей окончательно превратились в собственников их земель. Но это отнюдь не означало, что землевладение как бенефиция, феодал или поместье в Литве перестало существовать. В официальных источниках они начали называться дигниториями или магнаторскими, а обладающие ими лица — магнатами. Высшие должностные лица — воеводы, каштеланы, старосты в качестве вознаграждения за государственную службу и дальше получали во владение по несколько волостей, весь доход от которых шел в пользу магнатов. Следовательно, магнаты отличались от бояр и великих князей тем, что

они, кроме вотчинных имений, являлись властителями обширных владений, которые стали наследственными по должностям.

Вознаграждение высших должностных лиц владениями вызвало прежде всего недовольство бояр, которые по первому Литовскому Статуту государственную земскую службу были обязаны нести не только без всякого вознаграждения, но даже на свои собственные средства. Кроме того, права их, как вотчинников, оказались ограниченными. Отчуждать они могли только третью часть своего имения. Усиливались противоречия между боярами, магнатами и великим князем, который одновременно являлся и королем Польши. Результатом этих противоречий явилось издание II-го Литовского Статута 1566 года, который стал основным законом боярской демократии. Ограничение прав на вотчинные имения устраняется (Ш, 2). Боярин может им свободно распоряжаться. Зато в этом же Статуте (Ш, 20) постановляется, что шляхтич, продав или лишившись другим путем своего имения, переселившись в город и начав заниматься торговлей или ремеслом, теряет свои дворянские права. Его дети могут эти права получить обратно только в том случае, если они будут заниматься сельским хозяйством и будут соблюдать рыцарские обычаи своих предков.

Во втором Статуте (II, 2) также сказано, что великий князь обязуется "во всем воеводо и каждому засобно на учтивости достоинства влады на имения на людех на грунты и на што кольвек данных, и што еще будут даваны вперед, непорушне, неотменно (вечными часы) ховати". По второму Статуту бояре получили обширные политические права как в отдельных поветах, так и в общих сеймах, но главное, о чем бояре беспокоились, — владения магнатов остались нетронутыми (Ш, 10).

Литовские бояре не только из-за военных неудач, но и из-за оппозиции магнатам требовали немедленного заключения унии с Польшей. Их привлекало движение польской шляхты за "экзекуцию", что означало ревизию владения магнатов с целью распределения земли или доходов. Споры на сейме в Люблине между представителями Литвы и Польши происходили из-за некоторых артикулов второго Литовского Статута.⁸

Король и польские представители не согласились подтвердить неприкосновенность статута, ибо в Статуте сказано (Ш, 3), что король будет защищать территориальную неприкосновенность и вернет великому княжеству то, что выпросила Польша, Мозурия, Пруссия и Ливония. Должности и владения в великом княжестве могут достать только литовцы и русские, бояре местного происхождения (Ш, 9). С этим ни король, ни представители польских феодалов не согласились и только после самовольного присоединения Украины к Польше уния была объявлена, но вражда из-за владельческих прав продолжалась. Литовские магнаты не могли согласиться с тем, что говорилось в акте унии. Там было сказано: всякие постановления, направленные против поляков относительно приобретения поляком имений в Литве и владения ими, каким бы образом ни приобретались эти имения - по жене или за выслугу, покупкой, по дару, по замене или другим, каким бы то ни было способом, согласным с законом и обычаем, теряют какую-либо силу "как противные правде, общей братской любви и взаимному единению или унии".⁹

Так как Литовский Статут 1566 г. из-за несоответствия содержанию акта унии остался неутвержденным, готовилась новая редакция, которую в 1588 г. утвердил король Речи Посполи-

той Сигизмунд Ваза. На общем сейме в Варшаве 19 апреля 1573 г. была достигнута договоренность, текст которой был включен в третий Статут (Ш, 3).

Относительно высших светских должностей остался в силе соответствующий параграф (Ш, 9) II-го Статута. В III-й Статут (Ш, 12) он включен без изменения. Должности и владения король Речи Посполитой будет давать гражданам великого княжества литовского и русского (белорусского) происхождения. Акт унии гласил, что вечные пожалования, или ленные владения (дигнитарства), всякие заложные имения остаются в силе. Если бы оказалось, что кто-либо владеет какой землей, имением, полученным от предков, но не имеет на владения ими грамот и согласно старому и новому статуту и давним обычаям может владеть той землей и имением и без грамот. О введении в Литве эвизекции по отношению к выслуженным и другим имениям не может быть и речи. Почетные и служебные должности, которые в Литве не заняты и в будущем окажутся незанятыми, король будет раздавать не иначе, как тем лицам, которые принесут присягу польскому, коронованному королю и Польскому королевству.

Люблинская уния и III-й Литовский Статут утвердили магнатское землевладение, лишив великого князя политического союза с дворянством при его стремлении к централизации власти, что имело место в России. Характерной особенностью развития феодальных отношений в России периода образования и укрепления единого государства являлось развитие наряду с вотчинным, помещичьим землевладением. Помещики видели защитника своих интересов только в монархе. В этом же были заинтересованы и горожане.

В Литве как бояре-вотчинники, так и горожане не стали союзниками великого князя литовского и короля польского на их пути к абсолютизму. Дело в том, что к моменту заключения унии горожане лишились прав земельной собственности и тем самым потеряли гражданские права вне пределов города. Во всех Литовских статутах (1529, 1566, 1588) при определении военной повинности (земской службы) затрагиваются и мещане. В Статуте 1529 г. (П, I) сказано, что каждый, у кого есть земское имение, обязан нести военную службу. Требование военной повинности повторяется в соответствующих разделах и параграфах Статуты 1566 и 1588 годов. Между тем в Статуте 1588 г. имеются параграфы (артикулы), исключающие возможность для всех, кто не принадлежит к дворянскому (шляхетскому) сословию, приобрести землю в собственность (Ш, 26).

Что горожане причислялись к простым людям, не имеющим гражданских прав, явствует из установления головщины (выкупа) по сословной принадлежности. По I-му Статуту (XI, 2) при перечислении головщины за убийство или ранение простых людей ремесленники поставлены рядом со слугами путными, мужиками и челядниками. Во II-м Статуте о ремесленниках говорится в разделе "О головщинах и навязках людей посполитых" (XII, 3). В этих двух первых Статутах название мещанина или горожанина отсутствует. Можно полагать, что они не касались купцов, так как обычно они, а не ремесленники назывались мещанами, которые в городах составляли социальную верхушку и являлись членами магистратов. III-й Статут внес полную ясность. В разделе XII-том, названном "О головщинах и о наязках людей простых" после ремесленников следуют мещане "мест управляемых и менших" (арт.6).

Выкуп устанавливается для войтов, бургомистров, писарей, лавников и мящан тех городов, которые имеют магдебургское право и отдельно для жителей местечек, которые таким правом не располагают. Им сумма денежного выкупа ниже.

Литовские Статуты свидетельствуют о том, как горожане лишались прав на земельную собственность и по своему правовому положению приравнивались к той категории сельских жителей, которые имели право переселения, и в источниках назывались покорными или вольными людьми. В процессе превращения земельной собственности в сословную, магдебургские города оказались коллективными землевладельцами, которых олицетворяли магистраты. Отчуждение домов и участков земли оформлялось в ратушах.

Но в таких привилегированных городах появились и расширялись феодальные, преимущественно церковные владения - юрдики. Они расчленяли города на отдельные судебно-административные части и препятствовали развитию городского хозяйства. Горожане, особенно Вильнюс, неоднократно жаловались князю и делались попытки объявить некоторые юрдики незаконными. В 1629 г. в Вильнюсе был объявлен незаконным юрдик монастыря францисканцев, а в 1636 г. была сделана попытка упразднить юрдик монахов-кармелитов, но энергично заступился Виленский епископ, и юрдик не только продолжал существовать, но и значительно увеличивался. Он опирался на нерушимое право феодального землевладения. Города не развивались, столица Вильнюс настолько обеднела, что оказалась не в состоянии содержать свой магистрат. Из-за этого Вильнюс пользовался трудом крестьян двух фольварков, а Каунас - одного. Горожане Литвы не стали сословием, на

которое опираясь бы монарх, стремясь к абсолютизму, как это имело место в некоторых странах Западной Европы.

Главной причиной экономического застоя и политического упадка Литвы с середины XVII века являлось исключительное право дворян (шляхты) на земельную собственность в форме вотчины, наличие таких прав горожан и утверждение актом Люблинской унии и Литовским Статутом 1588 г. иммунитета землевладения магнатов, превративших дворянскую демократию в орудие своего соперничества.

¹ Lietuvos TSR istorija, t. I. Nuo seniausiu laikų iki 1861 m. Vilnius, 1957, p. 255-270.

² Литовская Метрика. Книги публичных дел. - Русская Историческая Библиотека, т. XIX. Врьев, 1914, с. 542-622.

³ Jurginis, J. Baudžiavos isigalejimas Lietuvoje. Vilnius, 1962, p. 159, 215.

⁴ Там же, с. 203-215.

⁵ Литовская Метрика, с. 604.

⁶ Там же, с. 603-604.

⁷ Там же, с. 570.

⁸ Дневник Люблинского сейма 1569 г. Петербург, 1869, с. 15.

⁹ Там же, с. 727.

И.М. ЛИГИ

ФОРМИРОВАНИЕ ФЕОДАЛЬНОЙ РЕНТЫ В ЭСТОНИИ

Характерной чертой феодальной формации является эксплуатация зависимого крестьянства господствующим классом — феодалами-землевладельцами. Прибавочный продукт непосредственного производителя — феодально зависимого крестьянства — полностью или частично присваивалась в виде феодальной земельной ренты, представляющей собой сумму повинностей, взимаемых с крестьян в пользу феодала.

Исследованиями советских историков установлено, что процесс феодализации на территории Эстонии начался задолго до покорения страны немецко-датскими феодалами в начале XIII века.¹ Одним из основных компонентов феодализации было возникновение феодальных повинностей. Эта проблема рассматривалась в последнее десятилетие несколькими нашими историками.² Но до сих пор некоторые вопросы, например роль дани и полюдья в формировании феодальной ренты являются дискуссионными.

Какими повинностями были обременены свободные крестьяне-общинники в Эстонии в период, непосредственно предшествовавший немецко-датскому завоеванию?

На первом месте стояли, по-видимому, обязанности военного характера, появившиеся еще в недрах родового строя. Прежде всего само собой разумеющимся считалось, что каждый свободный муж-

чина, способный носить оружие, в случае вторжения неприятеля должен явиться с оружием в ряды ополчения. Естественно, что приходилось участвовать также в строительстве укреплений и нести сторожевую службу. К этому же типу повинностей следует отнести контрибуции, которую платили либо осаждающим как выкуп за снятие осады с городища, либо превосходящим по силе неприятельским войскам с тем, чтобы они приостановили опустошение земли. Таким образом откупались от новгородцев защитники городища Варбола в 1212 году.³ Регулярной дани эстонцы в начале XII в. и, вероятно, также в XII в. не платили ни одному из правителей соседних стран.⁴ Во второй четверти XI века население юго-восточной Эстонии (Уганди) находилось в даннических отношениях с князем Киевской Руси, с которыми, возможно, подобные же отношения начали складываться и у соседних эстонских земель. Но после захвата Тарту (Трьева) эстонцами ("сосолами") в 1061 году Новгороду если и удавалось собирать дань с эстонских земель, то только с помощью военной силы. По своему характеру к дани приближались и приношения правителям других земель, сопутствовавшие переговорам о заключении военного союза. Так, например, сакаласцы, добываясь союза с Новгородом, отправили туда послов со "многими дарами".⁵

Такие общественные повинности не имели явного феодального характера. Но по мере того как старейшины начинали подчинять себе прежние коллективные укрепления, такие обязанности, в особенности в условиях частых тогда войн по существу уже мало чем отличались от феодальных повинностей.

Раскладка указанных повинностей по деревням и далее по отдельным дворам производилась на основании числа гаков (адрамаа), выражавших экономическую мощь деревень и дворов. Однако погаковый принцип обложения сам по себе еще не свидетельствует о господстве феодальных отношений, так как и в последующие столетия гак выступает в роли единицы раскладки не только владельческих, но и государственных, в том числе и военных налогов.

Уже до немецко-датского вторжения у эстонцев существовал институт полюдья, называвшийся у эстонцев вакус (*vakus*). Позже словом "вакус" стали обозначать как сроки уплаты податей, так и округ, с которого собирались подати в установленные сроки и в определенном месте. Во время вакусов разбирались и судебные тяжбы, а также выполнялись культовые обряды. В случае необходимости вакусы устраивались также для сбора средств, необходимых для выплаты дани или для преподнесения подарков соседям в случае заключения с ними мирных или союзных договоров.

Кроме денежных и других средств, шедших на подобие подарка или выплату дани, участники полюдья приносили небольшое, определенное традицией или соглашением количество продовольствия, предназначенного для взаимного угощения. Как у многих первобытных народностей, так, по-видимому и у эстонцев, существовал обычай, по которому участники полюдья сверх обязательного продовольствия приносили и подарки старейшине или старейшинам своего округа.

Первое прямое упоминание о ваковом праве мы встречаем в грамоте, относящейся к 1341 г.,⁶ но следы его можно найти уже в

соглашении, заключенном в 1241 г. между старейшинами Сааремаа и Орденом меченосцев. Согласно одному из пунктов этого соглашения сааремаасцы обязывались один раз в год принимать у себя фогта ландесгерра (созерена), приезжавшего для сбора чинша и рассмотрения вместе со старейшинами светских судебных дел. В соглашении таким образом упоминается два известных нам с более позднего времени основных компонента вакуса: уплата податей и судопроизводство. А так как "новокрещеным" приходилось, естественно, позаботиться о содержании уполномоченного ландесгерра - фогта, то ясно, что обязанность угощения входила уже в само понятие "приема". Итак, сам термин "вакус" в соглашении не упоминается, но по существу мы имеем здесь дело с этим же явлением.

На основании соглашения 1241 г. в судопроизводстве принимали участие старейшины земли (*seniores terrae*).⁷ Сбор зернового чинша производился не немцами, а "самими сааремаасцами", они же переправляли собранный хлеб на корабль ландесгерра, а если у него кораблей не было, то прямо в Ригу или в Лазнемаа. Надо полагать, что сбор чиншевого зерна на первых порах входил в обязанности сааремааских старейшин.

В податной системе последующих столетий можно выделить два типа податей: одни из них ведут свое начало от канонической церковной десятины, другие же коренятся в ваковом праве и возникли, стало быть, уже до завоевания. В соглашении 1241 года о них не говорится, должно быть, лишь по той причине, что никаких изменений эти подати непосредственно после завоевания не претерпели и поступали они попрежнему в распоряжение старей-

шин. Потребовалось еще некоторое время, пока ваксовые подати стали присваиваться немецкими феодалами и их должностными лицами. По материковой части Эстонии не сохранилось документов, подобных соглашениям сааремаасцев с Орденом меченосцев. Но, судя по источникам XVI в., можно утверждать, что как пути развития, так и истоки института вакуса здесь и на острове Сааремаа полностью совпадали.

Итак, институт полюдья (вакус) к началу XIII века у эстонцев уже сформировался как продукт внутреннего, в основном развития. На вакусах собирали подати, из которых часть шла на общественные нужды, другая же часть присваивалась старейшинами, которые становились все более похожими на феодальных князьков. В то же время некоторые черты феодальных повинностей стали появляться и у ваксовых податей. Но еще в период завоевания этот процесс находился лишь в начальной стадии и в значительной мере ваксовые повинности сохраняли пока свой патриархальный характер. Это явственно обнаруживается в указе сааре-ляэнского епископа от 1284 г., фиксировавшем повинности крестьян материковой части епископства. В нем, между прочим, говорится: "... Если кроме положенного /эстонцы/ захотят добавить господам что-либо по своей доброй воле, они сие делать вольны."⁸

Ведущая роль, принадлежавшая католической церкви при завоевании Эстонии, наложили сильный отпечаток на формировании феодальной ренты. Покоренному населению навязали т. наз. право христианства (*ius christianitatis*), важнейшей составной частью которого были обязанность платить церкви десятую часть из доходов с сельского хозяйства. Церковная десятина стала

главной правовой основой обложения эстонских крестьян повинностями, прежде всего зерновой податью. Реализация десятинного права осуществлялась на практике двояко: в виде твердого платежа - чинша (сensus) или же в виде платежа, размеры которого из года в год устанавливались заново, - десятины. Последняя не всегда составляла десятую часть урожая; отсутствовало также определенное соотношение между размерами десятины и чинша. По сравнению с зерновой податью поборы с прочих продуктов полеводства и животноводства играли второстепенную роль. Большинство из них восходит к десятинному праву, но некоторая часть, как мы уже видели, к полусакральным ваковым пиршествам времени, предшествовавшего завоеванию. Источники не дают возможности проследить подробнее их трансформацию в феодальные повинности. Но можно полагать, что обычай, согласно которому неизрасходованные на пиршестве ваковые подати поступали в распоряжение феодала, укоренился уже в XII веке.

Обособь группу податей, не связанных с десятинным правом, представляют собой поставляемые крестьянами феодалу лесные материалы - дрова, бревна, доски, древесный уголь и т.д. Такого рода подати берут свое начало от отработочной повинности, от обязательства служить феодалу (servitium), возложенного на коренное население одновременно с христианизацией страны. Первое прямое упоминание поставки феодалу дров относится к 1284 году, когда крестьян материковой части Сааре-Ляненского епископства обязали давать с каждого гака по одной сажени дров.

Первое упоминание барщины относится также к 1284 году. Крестьяне Сааре-Ляненского епископа должны были один день пахать

господское поле своими волами и на своих харчах, два дня жать господский хлеб.⁹ Но было бы неправильно полагать, что отработочные повинности этим и ограничивались. Во-первых, согласно тому же указу крестьяне должны были доставлять десятинный хлеб в пределах епископства туда, куда укажет господин. Во-вторых, крестьяне обязаны были строить и содержать в порядке замки епископа, жилища феодалов, церкви и постройки пасторов. Но вряд ли и работа на господском поле ограничивалась тремя днями с гакка в году: к этим дням добавлялись еще толоки и другие работы, производимые "на господских харчах".

Хотя первое упоминание барщины и относится к 1284 году, не подлежит сомнению, что возникла она намного раньше. Ведь упомянутым указом обновлялся какой-то более ранний указ такого же характера. Веским доводом в пользу более раннего возникновения барщины служит появление мызной запашки. Правда, в XIII-XIV веках мызные поля были небольшими, и значительная часть хозяйственных работ выполнялась дреллами (холопами), но, по-видимому, к возделыванию мызной пашни с самого начала стали привлекать и крестьян. Развитие товарно-денежных отношений в общероссийском масштабе привело к тому, что отработочная рента стала возрастать и в XVI-XVII вв. она стала основной формой феодальной ренты.

Подведем некоторые итоги.

До завоевания Эстонии в начале XIII века крестьяне-общинники не несли еще прямых повинностей в пользу феодализирующейся знати. В феодальную ренту не успела еще трансформироваться и дань, время от времени взимаемая русскими князьями. Она сохраняла свой первоначальный характер и представляла собой военную контрибуцию.

С завоеванием прекратилось органическое развитие эстонского общества. Поскольку организатором завоевания являлась католическая церковь, правовой основой большей части повинностей стала церковная десятина. В феодальные повинности трансформировались и ваковые подати. Возложенный завоевателями на крестьян *servitium* — а корни этого обязательства, как и корни вакового права, восходят, в свою очередь, к первобытно-общинному строю — является отправным пунктом развития отработочных повинностей.

¹ История Эстонской ССР. Том I. Под редакцией А. Вассара и Г. Наана. Таллин, 1961; Моора Х., Лиги Х. Хозяйство и общественный строй народов Прибалтики в начале XIII века. Таллин, 1969; Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. М., 1972.

² Ligi, H. Talupoegade koormised Eestis 13. sajandist 19. sajandi alguseni. Tallinn, 1968. Юргинис Ю.М. О формировании феодальной ренты в Прибалтике. — В кн.: Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969, с. 156-163.

³ Новгородская первая летопись, с. 52 и 251. *Heinrichs livländische Chronik, bearbeitet von L. Arbusow und A. Bauer.* Hannover, 1955 (в дальнейшем ГЛ), 15:8.

⁴ ГЛ 20:3.

⁵ ГЛ 21:2.

⁶ Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch nebst Regesten
(в дальнейшем LUB), Bd. III, 805a.

⁷ LUB I, 255.

⁸ LUB I, 490. О существовании этого обычая во владениях
Ордена имеются сведения еще и с конца IV в. (Arbusow, L. Die
altlivländischen Bauerrechte. "Mitteilungen aus dem Gebiete
der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands", Bd. 23, 1924-1926).

⁹ LUB I, 490.

М. ЮЧАС

ПОНЯТИЕ СВОБОДЫ В КРЕПОСТНИЧЕСКОЙ ЛИТВЕ

Привилегированное дворянское сословие получило основные свои права и свободы еще до Люблинской унии 1569 г. Оно получило исключительное право распоряжения землей (вотчинной и бенефицией) - дополнение к Статуту 1566 г. летом того же года (разд. III, 9, 14 и разд. УП, 1-2) с ограничением прав иностранцев для получения имений и должностей (III, 9), право свободного завещания имущества (УШ, 6) и ограничение передвижения крестьян, в том числе и установление земской давности (III, 29 и XII, 8).

Дворянство получило собственный выборный поветовый земский суд (IV, 1-3, 7-8, II и др.) и апелляционный, также выборный, суд (1581 г.), право личной безопасности (III, 7), право участия в сеймиках (III, 5) и посылания своих представителей на сейм. С точки зрения хозяйственных свобод - право свободного вывоза своих продуктов на внешний рынок (I, 26). Эти положения второго Литовского Статута 1566 г. были включены в основном с сеймовых постановлений середины XVI в.¹ Окончательное разделение общества на сословия было оформлено третьим Литовским Статутом 1588 г.

В XVI в. происходило и разграничение дворянского сословия от простых людей. Уже Статут 1529 г. запретил (III, 10) прирав-

нивать простых людей шляхте. В середине XVI в. люди, не получившие подтверждения шляхетства, остались за пределами этого сословия. Статут 1566 г. всех бояр, не получивших прав шляхетства, причислил к "простому стану" (XII, I). Бояре были также воины, но не великого князя, а панов, т.е. воины, которых паны посылали в войско великого князя со своих владений. Шляхта — это были воины, бояре, которых сам великий князь признавал на войну и давал им за это вознаграждение земель и людьми — вельдонами. Только таких бояр, именуемых шляхтой, в середине XVI в. касались все привилегии и они были оформлены в шляхетское сословие. С середины XVI в. ни один, хотя и беднейший шляхтич, не называл себя бояром, ибо бояре стали синонимом чиншевого — подданского населения.² Доказать свое шляхетство можно было только в том случае, если деды и прадеды получали от великих князей земли и вельдомы. Тезис, что бояре и после середины XVI в. остались похожими людьми, еще требуется доказать, ибо в XVI—XVIII веках очень часты случаи, когда чиншевых бояр превращали в тягловых людей.

Консолидация низшего слоя шляхты, которая составляла около 75% всего сословия, происходило позже, чем средней и высшей части. Судебные акты конца XVI и начала XVII вв. свидетельствуют об отсутствии твердой границы между нижним слоем дворянства и крестьянами. Пестрят случаи, когда шляхта сдавалась в крепостные и отказывалась от прав шляхетства. Причины таких фактов разные: отсутствие средств для исполнения военной обязанности, задолженность, бедствия. Шляхта — земские нередко сдавали свои небольшие имения в залог, а сами шли в крепостные. С другой стороны, крупные паны давали в ленное владение земли

крестьянам за исполнение военной обязанности. Лишь с 1601 и 1607 гг. нобилитация должна была совершаться на сейме по представлению панов или гетманов. Однако на практике было иначе, ибо еще закон 1775 г. запрещал нобилитацию в воеводствах и требовал провести ее на сейме и единогласно.³ В политическом смысле шляхта именovala себя гражданами (*obywatele*) государства, "вольным народом". Основой ее вольности было пресловутое "liberum veto", утвержденное законами. Шляхта защищала "республиканскую форму правления", при которой свободный голос ее в условиях господства магнатории нередко бывал фикцией. Литовская шляхта, юридически оформленная по образцу польской, по своей культуре была ополяченной. Но польской шляхты в литовской провинции почти не было. Шляхта была местной по происхождению и защищала интересы литовской провинции. Шляхта репрезентовала высшую монархическую власть. Это означало, что ни один внутренний или внешнеполитический вопрос не мог быть решен без ее согласия. А это согласие всегда приходило слишком длительным путем: король с согласия сената обращался к шляхте посредством универсала, которого она обсуждала на сеймиках и давала ответ на сейме через своих делегатов.

Были ли какие-либо ограничения свобод у этого могущественного и всевластного сословия? Бесконечные войны требовали больших средств. Шляхта еще до унии 1569 г. была освобождена от государственных налогов, в том числе за своих подданных. Но жаточенные государственные земли не могли покрыть долгов. Шляхта - "вольный народ" обязывала себя на сеймах 1717, 1764 и 1780 г. платить государству налоги со своих подданных. Правда, она это делала высокомерно, называя налоги "жертвой". Она была

обязана делиться с государством и доходами, получаемыми с реализации пропинационного права. Налоги государству она считала временной мерой. Единственной ее обязанностью была военная, но и этой с середины ХУП в. часто избегала.

Господствующей религией в стране была римско-католическая. Это означало, что король, сенат, сейм и государственные должности со второй половины ХУП в. принадлежали только католикам. Законы 1717, 1733 и 1736 гг. сильно ограничивали православных, дисунитам, кальвинам и лютеранам право вероисповедания.

Основой юридического разделения феодального общества на сословия была феодальная собственность на землю. Оно исчезло только тогда, когда возникла частная собственность. Понятие сословного разделения является шире классового разделения. Безземельная шляхта и шляхта, имевшая землю, но не имевшая подданных - дворяне, были за пределами класса феодалов. Землевладельческая шляхта называла себя земянами, а шляхта без земли - просто шляхтой. Но в конце ХУП в. высший слой феодально зависимых людей стал называть себя земянами. Шляхта же тогда имела себя панями, а бывшие пань - вельможными панями. От рядового шляхтича до воєводы все назывались панями.

А как было с сословием крестьян?

Рост крепостнической зависимости крестьян был результатом растущего дворского хозяйства.⁴ Завершение закрепощения крестьян произошло проведением волючной реформы 1557 г. и Литовскими Статутами 1566 и 1588 гг. Устава на волюки, а затем и помещики объявили, что "kmet i jeho wsia majetnost nasza jest."⁵ Эта формула означала, что помещик мог распоряжаться личностью

крестьянина и его имуществом. Правда, Литовский Статут 1588 г. осуждал шляхту за умышленное убийство крестьянина (ХП, I). Отнятие у крестьян личной свободы означало, что они, несмотря на свои способности и склонности, не могли заняться ремеслом и торговлей в городе, стать воинами, учиться или даже быть хорошими земледельцами. Крестьяне не имели собственности и тем самым личной инициативы, которую могла обеспечивать хотя бы личная свобода и добровольный договор об аренде земли. Было только принуждение крепостного, т.е. отдача своего труда за бесценок, порожденное потребностями феодалочного хозяйства. Землевладелец мог по своему усмотрению увеличить повинности, отдать крестьян со своим имуществом арендатору. За бегство крестьян отвечало сельское общество круговой порукой, а законы усиливали возможности сыска беглых людей. Крепостное право достигло своего апогея в ХУП в., когда оно приравнивалось к рабству. Подданство было объявлено не только для главы хозяйства, но и для всех членов его семьи. Пан мог продать, дарить, менять людей раздельно, а не только всей семьей. Безземельные люди потеряли право перемены места жительства.

Публицисты ХУП в. как в Польше, так и в Литве выступали против превращения крепостничества в рабство. Рабство порицали как реформаты, так и католики.⁶ П. Скарга, выступая против рабства, спрашивал: "Почему их как рабов, а не как наемных людей не можем использовать?"⁷

Несколько лучше обстояло дело в государственных имениях - старостах. Там крестьяне, хотя и крепостные и подлежали сыску, однако проживали под опекой закона (установленного двст-

рацией и инвентарем) и могли жаловаться на временных владельцев в королевский суд. Государство сохраняло для них "supremum dominium" и суд над крестьянами.

В районах чиншевого хозяйства, особенно в Жемайтии, в течение всего крепостнического периода, сохранились вольные люди. Данные о числе вольных в конце ХУШ в. в Литве опубликовал Л. Житкович.⁸ Районы чиншевого (по подымной переписи 1790 г.) и вольного (по ревизии 1795 г.) населения в основном совпадают по районам. В целом по Литве в 1795 г. (сводная таблица) по 9 уездам отмечено 203 610 м.п. крепостных и 100 228 м.п. вольных или 33% вольных людей. Однако в Жемайтии, особенно в Тельшайском уезде (северо-западная часть Жемайтии) вольных людей по ревизии 1795 г. отмечено 96,5%. В Шауляйском уезде их оказалось 60,8%. Царские чиновники не поняли природы столь многих вольных людей и они объявили их иностранцами, т.е. выходцами из Австрии и Пруссии.⁹ Столь нелепое объяснение попало и в историческую литературу и даже в советскую. Кого же на самом деле представляли вольные люди, в основном в Жемайтии? К сожалению, до сих пор нам не удалось найти приходские списки этой ревизии (1795 г.) по Жемайтии. Они имеются только по трем уездам восточной части Литвы Виленской губернии.¹⁰ Списки приходов (88), по которым составлены таблицы, показывают, что в число вольных людей попала часть безземельных, козьева, проживающие по контрактам (около 2% всех вольных), чиншевики и часть земли и бояр.

Судебные акты ХУП-ХУШ вв. свидетельствуют о том, что вольные - похожие люди - проживали в имениях наследственно как не-

закрепощенные или отпущенные на свободу люди. Литовский Статут 1588 г. (Ш, 41 и XIV, 12) предусматривал случаи личной свободы людей. Освобождение крепостных обычно и было со ссылкой на указанные параграфы Статута или просто со ссылкой на статутное право распоряжения собственностью. Поэтому в данном случае не было необходимости ссылаться на немецкое право. Освобождались крестьяне единично, и редко когда свобода крестьянам предоставлялась в целом имении. II

Понятие свободы крестьян рассматривалось прежде всего как отсутствие собственного пана и право крепостных покинуть место жительства. Вольные люди, подобно тому как "вольный народ", выбирали себе пана. Свобода - это "распоряжение самими собой". С точки зрения землевладельца это означала выписку из инвентаря и освобождение от крепостнических прав края, крепостнических работ, свобода от подданства и власти вотчинника. Вольный человек мог уходить в город, под магдебургским правом обеспечить себе свободу заниматься ремеслом и торговлей, купить дом и землю, наняться на службу или, оставаясь в шляхетском праве имения, по договору арендовать усадьбу и землю.

Вольный - похожий человек всегда проживал в имении временно, по контракту, возобновляемому обычно в каждые 3 года. Он мог получить кэпитацию с расплате с владельцем и уходить. Однако договор его с землевладельцем не защищал государство. Вольный крестьянин, как и вольный горожанин, хотя проживающий в городе на немецком праве, но на земле феодала, были под доминантной властью феодала ("Supremus nostro dominio et sociis vesalatio") равно относились как к городскому, так и

вольному сельскому жителю. Задолженность, нищета, бедность ставили вольного человека в зависимость и вели к потере свободы. Мы имеем многочисленные акты XVI-XVII вв. отдачи вольных людей в крепостные.

Вольный человек, в отличие от крепостного, имел собственность движимого имущества, но ему не принадлежали постройки и земля. Контракт вольного мы склонны считать арендным договором, а проживание вольного горожанина в магдебургском городе - на условиях т.н. вечного чина.

В обоих случаях вольные люди не имели права отчуждения ("alienationis") владельческой собственности и платили за нее феодальную ренту, которая отличалась лишь по форме.

В Жемайтии, где было подавляющее большинство вольного населения, вольность была несколько ограниченной и условной. Там требовалось при уходе с места жительства оставить на своем месте другого хозяина. Эта мера была объявлена официально сеймиком постановлением Жемайтии от 1711 г.¹² Подобное требование упоминалось и в актах освобождения крестьян. Но откуда это было взято - с общего или чужого права. В немецком праве, которое попало в Статут Польши (1347 г.), крестьянин мог покинуть место жительства, оставив на своем месте другого. В 1557 г. закон реформы на волюки (§ 33) также знал о том, что крестьянин может продать свои постройки и на своей волюке оставить другого, а сам выйти в город или брать пустую (без усадьбы) волюку. Как бы то ни было, но когда в 1784 г. ассессория потребовала, чтобы в государственных землях крестьяне могли друг друга продавать землю и постройки (конечно, не в собственность) и

даже прихожим людям, то неизвестный ревизор, побывавший в 1791 г., в северо-западной Жемайтии, отметил, что он нашел там это требование, "дословно выполняемое".¹³ Современник Багинский писал: "Подданство в Жемайтии вольное, ибо ему разрешается переходить от одного к другому пану с условием, что он на своем месте оставил бы другое".¹⁴ Суть этого явления лучше всего сформулировал в пятидесятых годах XIX в. И. Огиньский, заявив, что его крестьяне в Жемайтии "...не имея прав собственности, приобретали эту собственность в капитале. Защиточные хозяйства увеличивали этот капитал промыслом и торговлею, а беднейшие покупали другое, соразмерные с их способом хозяйства. Между тем, участки земли, переходя из рук в руки, никогда не оставались без обработки и следующий мне доход за оные уплачивался верно".¹⁵

Наконец, в ревизионные списки 1795 г. попала в число вольных и часть безземельных людей. На этот счет губернские власти давали такое разъяснение: "По поводу многочисленности вольных людей, как-то: огородников, кутников, наемных и жебраков при отсутствии в таблице отдельной рубрики для них, вписывать в рубрику для вольных, ибо они все по своей природе и являлись вольными".¹⁶ Как было в актах более раннего периода? Безземельные рассматривались по-разному. Далеко не все безземельные люди пользовались свободной передвижения.¹⁷

Как относились крестьяне к личной свободе? Крестьяне покупали свободу, платя оумму, примерно равную десятилетней ренте. Они боролись за свободу, сохраняли ее потомственно, дорожили ею.

В конце XVIII и начале XIX в. просветители, идеологи буржуазии, возвеличили свободу и в обширной публицистической литературе порицали крепостное право с точки зрения морали, естественного права и физиократических идей.

Итак, увеличение числа вольных в крепостнической Литве, особенно со второй половины XVIII в., и появление большой полемической литературы свидетельствовало, что крепостнические порядки уходили в прошлое и что общество и государство не потеряли жизнеспособности. Социальные отношения оказались очень живучими и вовсе не были бесконечного упадка.

¹ Рауделис В. Сеймовые постановления как источник второго (1566) Литовского статута. - "Труды АН Литовской ССР", сер. А.

² Gudavičius, E. Šlektu atsiskyrimas nuo bajoru Lietuvoje XVI s. - "Lietuvos TSR Mokslu akademijos darbai". A ser., 1975, t. 3, p. 72-73.

³ Volumina legum, t. VIII, p. 293.

⁴ Jurginis, J. Baudžiavos isigalejimas Lietuvoje. Vilnius, 1962, p. 235.

⁵ ЦГИА Лит. ССР, ф. ДА, д. I4793, лл. 820-821.

⁶ Lukšaitė, I. Lietuvos publicistai valstiečių klausimu XVI-XVII a. Vilnius, 1976, p. 96; Šreniowski, S. Kwestia chlopska w Polsce w XVII wieku, Warszawa, 1955; Polska XVII

wieku, Warszawa, 1977, s. 132, 234.

⁷ Skarga, P. Kazania sejmowe, opr. S. Kot. Krakow, 1925, s. 169.

⁸ Zytkowicz, L. Rzady Repnina na Litwie w latach 1794-7. Wilno, 1938, s. 395. Сту таблицу по сноске автора проверил: ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, 1799, д. 2, ч. 2, лл. 1069-1070.

⁹ РСЗ, т. 25, № 18871; Смирнов Н.С. Вольные люди западных губерний, живущие на владельческих землях, узаконения, относящиеся до устройства. Ковно, 1885.

¹⁰ ЦГИА Лит. ССР, ф. 515, оп. 15, д. 1-77.

¹¹ Jucas, M. Baudziavos ivimas Lietuvoje. Vilnius, 1972 p.197

¹² ЦГИА Лит. ССР, ф. ДА, д. 14503, л. 657.

¹³ VUB D 1419

¹⁴ Biblioteka Narodowa. Rekopis Baginskiego, Nr. 840.

¹⁵ ЦГИА Лит. ССР, ф. 1177, оп. I, д. 1175, лл. 1-2.

¹⁶ ЦГИА Лит. ССР, ф. 515, оп. 15, д. 58, 62, лл. 26-38.

¹⁷ Там же, ф. ДА, д. 14529, л. 71. Инструкция 1735 г. по-слам Жемайтии; МАВ, ф. К-75. Универсал Скарбовой комиссии 1789 г. ЦГИА Лит. ССР, ф. ДА, д. 14570, л. 8129.

Б.Н. МИРОНОВ

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ
РУССКОГО КРЕПОСТНОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Система социально-политических отношений, политический строй царской России XIX в., являясь главными факторами, определявшими положение и статус миллионных масс крестьянства в условиях кризиса феодальной системы и развивавшегося в сельском хозяйстве капитализма, порождали ряд субъективных факторов, которые, в свою очередь, оказывали заметное влияние на различные стороны жизни крестьян. К числу наиболее значимых факторов субъективного характера относилась социальная психология крестьянских масс, формировавшаяся под влиянием таких явлений, как культурная отсталость крестьян, господство религиозных верований, широкое распространение суеверий, "магических" представлений о мире и жизни.

Особенности социальной психологии крестьянства приобрели и самостоятельное значение, ощутимо дополняя и углубляя воздействие на крестьян России всей системы политического бесправия, экономической придавленности и хозяйственной отсталости крестьян - как в дореформенную эпоху, так и в пореформенный период.

Каковы же были особенности социальной психологии русского крестьянства в первой половине XIX века? В чем состояло ошутимое влияние социальной психологии на жизнь крестьянства, в

чем и каким образом проявлялись ее роль и значение в общем ряде явлений, свидетельствовавших о дальнейшем углублении кризиса феодальной системы в стране?

Исторические особенности сознания крестьянства, его социальной психологии откладывают существенный отпечаток на все его действия, и многие явления в истории крестьянских масс можно уяснить, лишь учитывая своеобразие восприятия и мышления крестьянина, тип его сознания, особенности психологии. Русский крестьянин первой половины XIX в., как это показывается ниже, обладал традиционным типом сознания и его политическое и социальное поведение вполне соответствовало этому типу сознания.^I

Так, например, проблема самозванчества и так называемого "наивного монархизма" находит дополнительное объяснение, если учесть, что крестьянин в крепостническую эпоху вследствие недостатка индивидуального самосознания не чувствовал себя субъектом своих действий, а воспринимал себя и окружающих людей как объект воздействия потусторонних сил. Поднимаясь на борьбу против своих угнетателей, крестьянство нуждалось хотя бы в иллюзорном руководстве и санкции "сверху". И совершенно естественно, что и руководство, и санкцию сверху крестьянство, как правило, "получало" от помазанника божьего — царя. Последний "становился" во главе социального движения потому, что по представлениям крестьян только царь был настоящим руководителем, субъектом действий, поскольку за всеми его поступками стоит непосредственно бог. И не потому ли в большинстве крупных крестьянских движений обязательно встречались либо самозванные руководители, действовавшие именем или от имени царя, или под-

метные письма, указы, слухи, так или иначе связанные с царем и оправдывавшие данное социальное движение?! Эту особенность крестьянского сознания феодальной эпохи, как известно, отметил и блестяще объяснил К. Маркс: "Поскольку между парцелярными крестьянами существует лишь местная связь, поскольку тождество их интересов не создает между ними никакой общности, никакой национальной связи, никакой политической организации, — они не образуют класса. Они поэтому не способны защищать свои классовые интересы от своего собственного имени. Они не могут представлять себя, их должны представлять другие. Их представитель должен вместе с тем являться их господином, авторитетом, стоящим над ними, неограниченной властью, защищающей их от других классов и посылающий им свыше дождь и солнечный свет".²

В представлении крестьян бог и царь были их союзниками, их защитниками от всех и всяких "они". "Законность" своих выступлений крестьяне всегда стремились обосновать нормами религиозной морали или ссылками на царские указы. На тех же основаниях действия помещиков, направленные против интересов земледельцев, объявлялись "незаконными", нарушающими "волю царя".³

Психологическая потребность в санкциях "сверху" помогает отчасти объяснить и другой феномен классовой борьбы крестьянства в крепостное время: то, что обычно локальные движения начинались с подачи прошения на высочайшее имя. С точки зрения крестьян это являлось и оправданием и обоснованием неповиновения помещику. Отдельные, редкие случаи благоприятного для крестьян решения царя или правительственных ведомств еще более способствовали заблуждению крестьян.⁴ Как и в случае самозван-

чества в этом проявлялась историческая неразвитость крестьянской личности, не поднявшейся до осознания того, что сам человек — субъект своих действий. Здесь, очевидно, заключалась психологическая причина того, что в понятие "мы" крестьянин феодальной поры включал не только общину, "мир", но царя и бога.

"Русский народ... устраивал, правда, бесчисленные разрозненные крестьянские восстания против дворянства и против отдельных чиновников, но против царя — никогда, кроме тех случаев, когда во главе народа становился самозванец и требовал себе трона, — указывал Ф. Энгельс. — Наоборот, царь представлялся крестьянину земным богом..."⁵

Исследователи идеологии крестьянства крепостной эпохи постоянно отмечают противоречивость его мировоззрения.⁶ В политических и социальных воззрениях крестьянства отдельные идеи логически не были увязаны. Это, видимо, было одной из причин того, что крестьянство феодальной эпохи и психологически не было в состоянии выдвинуть оригинальные политические концепции, не могло осознать свои классовые цели и необходимость политической борьбы за изменение социального устройства и государственного строя. Формулируя причины поражения первого крупного крестьянского движения уже в пролетарский период освободительной борьбы, В.И. Ленин среди прочих причин указывал и на то, что "крестьяне не видели связи помещиков и правительства. Крестьяне хотели, чтобы жизнь была по справедливости, по божьи, не зная, как это сделать".⁷

Узость кругозора, психологическая невозможность оторваться от своего маленького личного или деревенского практического

опыта, увидеть смысл в событиях, происходивших за околицей села, приводили к тому, что крестьянин не только пропускал мимо себя великие исторические события,⁸ но вообще порою не интересовался тем, что делается в стране. "Неустанный труженик не знал, куда, кому и зачем он платит, не имея никакого понятия о земстве, о выборах в гласные и т.д.", - писал о крестьянах 1880-х гг. Г.И. Успенский.⁹

Есть основание полагать, что практическое, "ситуационное", "некатегориальное" мышление крестьянина затрудняло четкое понимание им руководящих принципов в своей собственной жизни. "Из-за отсутствия привычки к отвлечению мужик не может объяснить основ своей жизни, например, что такое передел и как он производится?".¹⁰ Это же, вероятно, нередко служило психологическим основанием для туманных, иллюзорных желаний и надежд крестьян. Так, ожидание после отмены крепостного права "чистой воли" (то есть перехода всей земли без выкупа к крестьянам) было рождено именно этим обстоятельством, послужив даже одной из причин роста крестьянских недовольств.¹¹

Только длительный опыт, опыт классовой борьбы в пореформенный период стал подводить крестьян к пониманию того, что все помещики - это антипод всему крестьянству: "Мужик начинает уяснять себе такое абстрактное понятие о помещике-дворянине, как целом сословии со всеми привилегиями, принадлежащими дворянству", - констатировал известный русский фольклорист в начале 1900-х гг.¹² Неразвитость чувства классового самосознания крестьянства России неоднократно отмечалась и советскими историками.¹³

Возникает и такое предположение: не служит ли недостаток самосознания в отдельной личности и потребность в санкциях "сверху" в крепостную эпоху психологической основой для подчинения детей родительской воле, женщин — мужчинам, мужчин — общине, общины — помещику и власть придержащим? Не лежал ли подобный "психологический механизм" в основе политического и социального поведения крепостного крестьянства, поведения, основанного на традиции, на вере в царя, бога? Ведь даже протест крестьян в первой половине XIX в. происходил, как правило, не из осознания ими своего положения в системе общественных отношений, не из сознательного стремления к улучшению своего положения, а порождался конкретными, нередко маленькими обидами, нанесенными помещиком, нарушениями привычных отношений, понижением жизненного уровня и т.п. Точно так же значительная часть выступлений крестьянства крепостной поры направлялась не против крепостного права как такового, а против злоупотреблений крепостным правом. И хотя в основе крестьянских движений находились социально-экономические причины, эти выступления оказывались бессознательными в том смысле, что причины эти не осознавались, а только ощущались и эмоционально переживались. По-видимому, этот смысл вкладывал В.И. Ленин в понятие "бессознательности и доверчивости" крестьян, когда писал об особенностях крестьянских выступлений.¹⁴ Подобные особенности мироощущения крестьянства, как пережиточное явление эпохи крепостничества, сохранялось долго после реформы 1861 г., и партия большевиков это обстоятельство учитывала в своей деятельности. Посредством пропаганды и агитации она развивала самосознание крестьян, вносила пролетарскую идеологию в их "миро-

созерцание". Классовая борьба, развертывавшаяся в стране с конца XIX - начала XX вв., закрепляла успехи революционной пропаганды, двигая дальше самосознание миллионных масс крестьянства. Как рабочий класс не мог собственными силами выработать социал-демократическую идеологию, так и крестьянство в феодальную эпоху не могло выработать антифеодальную идеологию. "Собственное его сознание не может подняться выше понимания необходимости борьбы против помещиков".¹⁵

Но по мере роста в крестьянине самосознания, укрепления чувства собственного достоинства, по мере ощущения себя личностью, усиливался протест против нарушения прав личности. Это, в частности, проявлялось в фактах крестьянского протеста против вмешательства помещика в семейную жизнь крепостных, против обращения с ними как с живым инвентарем и т.п. Сколько-нибудь заметный размах подобных форм протеста был отмечен только в середине XIX в., в канун отмены крепостного права.¹⁶ И не случайно. "Именно система "стародворянского" хозяйства, привязывавшая население к месту, раздроблявшая его на кучки подданных отдельных вотчинников, и создавала придавленность личности.., именно капитализм, оторвавший личность от всех крепостных уз, поставил ее в самостоятельное отношение к рынку, сделав ее товаровладельцем (и в качестве такового - равной всякому другому товаровладельцу) и создал подъем чувства личности".¹⁷

Имеющиеся данные позволяют думать, что слабо развитое чувство личности, "я", и как следствие этого потребность в руководящих указаниях и в признании "сверху" проявлялись не только в политическом и социальном поведении, но и в повседневной

жизни крепостных крестьян. Хорошо известна публичность не только всех важных, а и второстепенных событий крестьянской жизни — таких как свадьбы и похороны, уход в рекруты и рождение ребенка, крещение и сватовство и др. Психологически это объяснялось тем, что чем больше людей были свидетелями того или иного события, тем больше, значительнее санкция, тем весомее, значимее становилось и само событие для крестьянства.¹⁸

Освоение мира крестьянином только практически, "через окно чувств"¹⁹ накладывало отпечаток и на характер, содержание народных знаний. Они, по свидетельствам современников, были не только же разнообразны, насколько была широка народная жизнь. Но вместе с тем, знания эти отличались противоречивостью, сочетанием разумных начал и примитивности, невежества, порою — нелепости.²⁰ Это обуславливалось как низким культурным уровнем крестьянства, так и особенностями его познавательных процессов, в частности, недостаточной развитостью абстрактного мышления, слабостью его понятийного аппарата (отмечая это, не следует, конечно, забывать о том, что сельские труженники были "ограблены в смысле образования, света и знания"²¹ и что в этом состояла их беда, а не вина).

Видимо, поэтому не случайно, что, например, агротехническое творчество крестьян первой половины XIX в. не дало ни одного сколько-нибудь существенного нововведения в сельском хозяйстве.²² Неразвитость технического воображения, "категориального" мышления, интеллектуальной инициативы — всего того, чем в силу исторических причин русский крестьянин в достаточной мере тогда не обладал, — явились причиной подобного положения.

Возможно, что учет особенностей социальной психологии крепостного крестьянина, своеобразия его психического склада существенен и для уяснения того известного непонимания, которое в XIX в. имело место в отношении крестьянства, с одной стороны, и лучшими представителями образованной, демократической части общества, с другой. Глубокие различия в типе сознания составляли, возможно, столь серьезное препятствие для общения и взаимопонимания, преодолеть которое в тот период оказывалось невозможным. Неудача "хождения в народ", настороженное отношение крестьян ко всяким нововведениям, недоверчивость к медицинской помощи со стороны докторов-профессионалов, своеобразие демографического поведения крестьянства, полагавшегося в рождении и смерти своих детей в основном на бога, крестьянское понимание времени как категории, связанной главным образом с циклами сельскохозяйственных работ, и др. быть может тоже лежат в какой-то степени в плоскости существенных особенностей традиционного сознания крестьян.

Представляется, что высказанные выше соображения, несмотря на их преимущественно гипотетический характер, могут способствовать дальнейшей разработке таких вопросов, как связь традиционного сознания крестьянства с его политическим, социальным, экономическим, демографическим поведением, намечают некоторые возможные пути исследования особенностей социальной психологии крестьянства крепостнической эпохи, что имеет существенно важное значение для изучения кризиса феодальной системы в России первой половины XIX в.

¹ Об этом же говорит и известный советский психолог А.Р. Дурин (он изучал в начале 1930-х гг. с группой ученых во время специальных психологических экспедиций особенности традиционного сознания узбеков, проживавших в отдаленных кишлаках и горных пастбищах), пришедший в ходе своих многолетних исследований к выводу о том, что русские крестьяне, жившие в свое время в глубинных районах, в условиях натурального или полунатурального хозяйства, почти поголовной неграмотности и большого влияния религии, должны были обладать особенностями традиционного сознания. — См.: Дурин А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974, с. 3.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 208.

³ Литвак Б.Г. О некоторых чертах психологии русских крепостных первой половины XIX в. — В кн.: История и психология. М., 1971, с. 209.

⁴ Там же; Кавтарадзе Г.А. К истории крестьянского самосознания периода реформы 1861 г. — Вестник ЛГУ. 1969, № 14, с. 60-61.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 547.

⁶ Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVIII-XIX вв. М., 1967, с. 327-340.

⁷ Ленин В.И. ПСС, т. 7, с. 194.

⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 5, с. 508.

⁹ Успенский Г.И. Крестьянин и крестьянский труд. — В кн.: Избранное. М., 1953, с. 377.

- I0 Златовратский Н.Н. Собр. соч., т. 8. СПб., 1913, с. 107.
- I1 Скалдин. В захолустье и в столице. СПб., 1870, с. 52.
- I2 Кузнецов Я.О. Характеристика общественных классов по народным пословицам и поговоркам. - "Живая старина", 1903, вып. 3, с. 396-397.
- I3 Рахматуллин М.А. К вопросу об уровне общественного сознания крестьянства в России. - В кн.: Вопросы аграрной истории Центра и Северо-Запада РСФСР. Смоленск, 1972.
- I4 Ленин В.И. ПСС, т. 34, с. 128.
- I5 Литвак Б.Г. О некоторых чертах психологии русских крепостных, с. 200.
- I6 Там же, с. 202-205.
- I7 Ленин В.И. ПСС, т. I, с. 434.
- I8 Клибанов А.И. О методологии изучения религиозного сознания. - В кн.: Вопросы научного атеизма, вып. II. Психология и религия. М., 1971, с. 102-103.
- I9 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 211-212.
- 20 Щербина Ф. Передача и обращение народных знаний. - "Ус-той", 1882, № 5, с. II.
- 21 Ленин В.И. ПСС, т. 23, с. 127.
- 22 Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967, с. 75-80.

J. KAHK

ÜBER DIE TRIEBKRÄFTE DER SOZIALÖKONOMISCHEN
ENTWICKLUNG BEIM ÜBERGANG VOM FEUDALISMUS ZUM
KAPITALISMUS

Eines der zentralen Forschungsprobleme der Geschichtswissenschaft sind die Gesetzmäßigkeiten der sozialen Entwicklung und des Übergangs von einer sozialökonomischen Formation zur anderen. Für die Koordinierung der Forschungsarbeit dieses Themenkreises ist eine der acht geschichtswissenschaftlichen Problemkommissionen der Akademie der Wissenschaften der UdSSR zuständig.

Die Erforschung des inneren Triebmechanismus der kritischen Übergangsperioden in der Entwicklung der Menschheit dürfte von allgemeinem Interesse sein, nicht zufällig offenbart sich der Kampf der Konzeptionen und Ideologien auch in dieser Frage. Es handelt sich um einen weiten, alle Lebensgebiete umfassenden Problemenkreis, - im vorliegenden Fall soll nur die Agrarentwicklung behandelt werden in der die Kontraste zwischen alt und neu am deutlichsten zum Vorschein kommen.

Eine der Konzeptionen der zyklischen Entwicklung ist am deutlichsten in den Arbeiten des westdeutschen Historikers W. Abel und des Franzosen E. Le Roy Ladurie zum Ausdruck

gebracht. Ihre Auffassung ist an und für sich einfach und auf den ersten Blick sogar überzeugend: in einem gewissen Land, einer Region oder auf einem Kontinent wächst unaufhörlich die Zahl der Ackerbauern, zugleich werden die Felder erweitert. Da aber die Zunahme der Einwohnerzahl jedoch schneller vor sich geht, dominiert das Angebot an Arbeitskräften und die Nachfrage nach Lebensmitteln wird grösser. Infolgedessen sinken die Löhne und steigen die Preise der landwirtschaftlichen Produkte. Dabei wird aber die Grenze der Entwicklungsmöglichkeiten erreicht. Die vorhandene Technik ermöglicht es nicht mehr, den Ackerboden zu erweitern. Es entsteht Mangel an Lebensmitteln; Hungersnot und Seuchen sowie verheerende Kriege setzen ein. Das Ergebnis von alledem ist eine plötzliche Abnahme der Einwohnerzahl und die Verdünnung der Besiedelung (es entstehen die sog. Ödländereien oder Wüstungen, denen W. Abel ein spezielles Buch gewidmet hat).¹ Zugleich sind auch Voraussetzungen für den nächsten Entwicklungszyklus geschaffen - wieder wächst die Zahl der Menschen, der Ackerboden erweitert sich, bis sich eine neue Katastrophe ereignet und der Verfall eintritt. E. Le Roy Ladurie und J. Goy schlagen vor, die vom 14. bis zum 18. Jh. in Frankreich herrschende sozialökonomische Situation als eine Periode der "vereisten Ökonomik" zu nennen, wo freilich das Produktionsvolumen der Landwirtschaft mit weiter Amplitude schwankte, wirtschaftliche Aufschwünge aber "einer nach dem anderen an einer Decke abprallten, ... die immer sehr steif und fast undurchdringlich war..."²

Die Entstehung der Theorie über die vorkapitalistischen Zyklen mag zwar gewissermaßen von der marxistischen Theorie der zyklischen Überproduktionskrisen beeinflusst gewesen sein, jedoch stellt sie verkehrtes Bild der letzteren dar. Während die marxistische Theorie die Krisen dadurch erklärt, daß die Produktion der Waren die Kaufkraft der Bevölkerung übertrifft, so entstehen die Krisen laut der obenbeschriebenen Theorie durch die übermäßige Zunahme der Konsumenten, so daß die Konsumgüter nicht mehr ausreichen.

Auch die marxistischen Geschichtswissenschaftler bestätigen, daß die Entwicklung der Produktivkräfte im Feudalismus bedeutend langsamer war im Vergleich zu den nächsten Formationen. Zum Unterschied von den Autoren der obenbehandelten Auffassungen gehen aber die Marxisten von dem Grundsatz aus, daß auch diese Perioden gewisse Fortschritte aufzuweisen hatten, daß nicht der demographische Faktor entscheidend und sozusagen besisch war, sondern die Produktivkräfte.

Die obenbeschriebene Zyklentheorie läßt die Frage offen, auf welche Weise Fortschritte in Wirklichkeit zustandekommen und wie sich der Übergang von einer Formation zur anderen vollzieht.

Vom Standpunkt der Agrarentwicklung aus bedeutet der Übergang vom Feudalismus zum Kapitalismus die Einführung einer effektiveren neuen Technik und Ausnutzung neuer Ackerbaumethoden an Stelle von alter abgelebter und uneffektiv gewordenen Landwirtschaft.

Welche Hindernisse standen denn der Belebung der Landwirtschaft und Erhöhung ihrer Effektivität unter feudalen Bedingungen im Wege? Welche Triebkräfte und Faktoren haben später jedoch zur Durchsetzung der Erneuerungen geführt?

Es soll hier einerseits die Lage des Gutes und andererseits die des Bauernhofes betrachtet werden.

Uns steht an an Inhalt und Massenhaftigkeit geradezu unikales Belegmaterial zur Verfügung und zwar - die im Laufe der Einführung des Bauerngesetzes von 1804 in Südestland zusammengestellten "Wakkenbücher" (wo die zu leistenden Frohen und Angaben über den Bauernhof verzeichnet waren). In Zusammenarbeit mit Prof. Ligi ist uns gelungen (mit Hilfe des Rechenzentrums des Instituts für Kybernetik), Wackebücher von über 5000 Bauernhöfen zu analysieren.

Die Analyseergebnisse beweisen, daß die ganze Produktionstätigkeit des Gutes auf dem Bauernhof beruhte, der die nötige Arbeitskraft sowie Feldgeräte gab. Der Beitrag des Gutshofes in der landwirtschaftlichen Produktion war bis zum Äußersten gering. Die gesamte Produktion der feudalen Wirtschaft beruhte auf der Möglichkeit, die Arbeitskraft der Bauern unbezahlt zu benutzen; im entgegengesetzten Fall wäre - wie die von polnischen Historikern durchgeführten Analysen der Gutsbudgets zeigen - ein wirtschaftliches Paradoxon entstanden: die mit ständigem Verlust arbeitende Betriebe.³

In den letzten Jahren konnte die wirtschaftliche Tätigkeit von acht verschiedenen in der ersten Hälfte des 19. Jh.

auf dem Territorium Estlands existierten Gütern spezial erforscht werden⁴ (über andere Güter dieser Periode liegt in Archiven leider keine wirtschaftliche Dokumentation vor). Es galt immer eine Grundregel - die Güter konnten Reingewinne nur dadurch erzielen, daß die Gutsherren für die Arbeitskraft der Bauern nicht zu zahlen hatten. Hätten die Gutsherren die Arbeit der Bauern selbst nach den von ihnen festgelegten verhältnismäßig niedrigen Tarifsätzen entlohnen müssen, so hätte z. B. der Gutsbesitzer von Koigi Otto von Grünewaldt nach seiner eigenen Berechnung jährlich 12 600 Rubel an seine Fronbauern auszahlen müssen. Wenn die Getreideernte des Gutes ihm nur 10 080 Rubel eingebracht hätte, so wäre somit also ein Defizit von 2000 Rubeln entstanden.⁵

Auch die Erneuerungen zwecks bemerklicher Vergrößerung der notwendigen Arbeitskraft (wie z. B. die Einführung von Fruchtfolge und Kleeanbau) waren fürs Gut nicht annehmbar, weil die Erhöhung der Fronbesteuerungen der Bauern auf ihren scharfen Protest gestossen wäre. Bis zu den 1840-er Jahren, wo durch J. Liebig's Untersuchungen der Grundstein für die Kunstdüngerproduktion gelegt wurde, bestand der landwirtschaftliche Fortschritt vorwiegend darin, daß neue Mechanismen und Methoden zur Ökonomie der Arbeitskraft erfunden wurden (Dreschmaschine, Metallpflüge u. a. m.) Deswegen war der Gutsherr an der Ökonomie der kostenlosen Fronarbeit nicht interessiert.

Im folgenden soll die Lage des Bauernhofes eingehender betrachtet werden.

Die Abhandlungen zur Agrarentwicklung des Feudalismus lassen gewöhnlich den Grad der Ausbeutung und ihren Einfluß auf die Bauernwirtschaft nicht genau bestimmen. Die Analyse der Materialien der Wackebücher hat gezeigt, daß das Gehöft in Estland doch über gewisse Arbeitskraftreserven verfügte, obwohl hier die Lage der Bauern verhältnismäßig schwerer war als in so manchen Nachbarländern. Es handelte sich aber erstens um eine relative Reserve - wenn in mancher Woche ein Teil der Arbeitskraft unbenutzt blieb, so reichte sie in der Hochsaison nicht aus (in der Ernte- und Herbststurzperiode). Zum anderen war es eine durchaus notwendige Reserve, weil durch ungünstige Wetterverhältnisse ungefähr ein Drittel der Arbeitstage verlorengehen konnte, was dann brauchte man in der übrigen Zeit mehr Arbeitskraft. Gleichzeitig handelte es sich sozusagen um eine unmanövrierbare Reserve, d. h. in günstigen Jahren wurde die Reserve weder vom Gehöft noch vom Gut, benutzt; für die gesellschaftliche Produktion war es eine verlorene Reserve. In der historischen Wirklichkeit zeigte sich die Arbeitskräftebilanz des Gehöftes des öfteren als sehr gespannt.⁶

Das Schema kann präzisiert werden, wenn man sich auf der einen Seite ein großes Gehöft und auf der anderen ein kleines vorstellt. In mehr begüterten Gehöften konnte einerseits ein gewisser Getreideüberschuß aber andererseits eine kleinere als gewöhnlich Arbeitskraftreserve entstehen (an Stelle der letzten gab es in der Hochsaison bzw. wegen ungünstigen Wetterverhältnisse oft ein Arbeitskraftdefizit),

während es sich bei kleineren Höfen um relativ höhere Arbeitskraftreserven und gewöhnlich um ein Getreidedefizit handelte. Infolgedessen hatten sich schon im Feudalismus eigenartige gegenseitige Austauschbeziehungen zwischen großen und kleinen Gehöften herausgebildet: kleinere Gehöfte erhielten den Naturallohn für den Einsatz ihrer Arbeitskräfte in den größeren. Diesem wurde in der Endperiode des Feudalismus zur Akkumulationsquelle der aufkommenden Dorfbourgeoisie - es entstanden somit materielle Möglichkeiten und Erfahrungen zur Entwicklung eines neuzeitlichen, effektiveren Ackerbaus.

Mittels elektronischer Rechenautomate haben wir den Bauernbestand der Ersten Hälfte des 19. Jh. in drei Kirchspielen Estlands analysiert - insgesamt in über 1100 Höfen. Es hat sich herausgestellt, daß auf Festland bei 60-90% der Gehöfte bis Arbeitskraft der Familienmitglieder dominierte (fremde Arbeitskraft war nur bei 10-40% der Gehöfte überwiegend. Im Kirchspiel Anseküla auf der Insel Saaremaa war fremde Arbeitskraft in weniger als 1 % der Gehöfte vorherrschend. Also es ging nicht so um die Unterdrückung fremder wie um die Befreiung eigener Arbeitskraft. Es ist recht bedeutsam, wie der Schriftsteller Fr. Arvelius, der Ende des 18. und Anfang des 19. Jh. in Estland lebte und das Leben der Bauern gut kannte, die Wirtschaftsmaximen eines erfolgreichen Bauern wie folgt formuliert: "Daß er sich nicht mehr Land genommen als er mit seiner Frau und Kindern jederzeit anzubauen imstande war ohne daß es nötig gewesen wäre,

einen Knecht anzustellen."⁷

Das Streben, die Arbeitskraft zu sparen, die Arbeit besser und effektiver zu leisten, kennzeichnet auch im Feudalismus den Produzenten; und dies diente als Grundlage für freilich langsame und kleine, trotzdem aber ständige progressive Wandlungen in der Produktion, die sich bei mehr eingehende der lokalen Boden- und Klimabedingungen sowie in der allmählichen Vervollkommnung von Werkzeugen offenbarten. Beim Übergang vom Feudalismus zum Kapitalismus war aber eine qualitative Wandlung der Werkzeuge und Produktionsweisen wichtig.

Entscheidend beim Übergang zur neuen Produktionsweise war die Wandlung der Produktionsverhältnisse unter Einsatz neuer Technik und Ackerbaumethoden.

Kommen wir jetzt nochmals zu der Konzeption der zyklischen Entwicklung zurück. Laut dieser Konzeption hätte ein landwirtschaftlicher Aufschwung Mitte des 18. Jh. anfangen sollen und die am Ende des Jahrhunderts entstandenen Krisenerscheinungen hätten vom zweiten Viertel des 19. Jh. zur nächsten katastrophalen Rezession führen sollen. In Wirklichkeit vollzog sich in der Landwirtschaft eine qualitative Wandlung - der Übergang zu neuen Produktionsweisen und als Ergebnis dessen die Erweiterung der Quantität der landwirtschaftlichen Produktion. Den Übergang, zu dem die Konzeption der zyklischen Entwicklung keine Auslegung geben kann, erklärt die marxistische Theorie durch die entscheidende Rolle der Entwicklung der Produktivkräfte und das Abwechseln der sozialökonomischen Formationen.

Die Historiker haben auf qualitative Änderungen und die Rolle der Bauernschaft (sowie der aus ihrer Mitte oder parallel mit ihr heranwachsenden Bourgeoisie) aufmerksam gemacht. Der sowjetische Wissenschaftler V. Feodorov legt darüber in einem Buch von 1974 interessanten Stoff dar. Der französische marxistische Historiker G. Bois bemerkt über soziale Differenzierung der Bauern, daß für diese im 15. Jh. in Frankreich Verminderung der Bedeutung von kleinen und großen Höfen einerseits und Zunahme von mittleren andererseits charakteristisch war. Im 16. Jh. dagegen sieht man ein anderes Bild - der Kern der Bauern wird nicht stärker. "Pauperismus einerseits, Konzentration von anderer Seite - das sind neue Erscheinungen, die schon im ersten Drittel des 16. Jh. zutage treten und eindeutig Züge des aufkommenden Kapitalismus tragen", schreibt G. Bois.⁹

In England weist man auf den wirtschaftlichen Aufstieg begüterter Bauern und nichtadeliger Landbesitzer schon seit dem Ende des Mittelalters hin.¹⁰ Nach F. M. Thompson's Ansicht waren für den wirtschaftlichen Aufschwung des 18. Jh. in England quantitative Zunahme der sozialen Gruppierung von Farmern und ihre ökonomische Verstärkung entscheidend.¹¹

Es soll auch daran erinnert werden, daß V. I. Lenin noch im Jahre 1894 schrieb, daß die Grundlage der Entstehung der bürgerlichen Gesellschaftsordnung "sowohl im Westen als auch bei uns in Rußland der Landbesitz der Bauern war (der sich während der Feudalepoche herausgebildet hatte)...¹²

In folgenden verweilen wir - leider nur flüchtig - bei den von Formation zu Formation führenden Faktoren im Bereich des Überbaus der Gesellschaft.

In den meisten Staaten Europas - recht ausgeprägt auch im Baltikum - vollzog sich der Übergang vom Feudalismus zum Kapitalismus durch stufenweise Reformen. Der Hauptsinn dieser Reformen war die allmähliche Befreiung der Bauern und des Gehöftes von dem von den Großgrundbesitzern ausgeübten Fronsystem. Im Kampf um Reformen treten deutlich drei Hauptkräfte hervor: die zaristische Regierung, der Adel und die Bauern. Sämtliche Agrarreformen im Baltikum in der ersten Hälfte des 19. Jh. hatten zum Ziel die Lösung der Agrarfrage "irgendwie" und die Vorbeugung der weiteren Umgestaltungen. Auf jede Reform reagierten die Bauern mit spontanen Unruhen. Der sich stets wiederholende Protest zwang die herrschenden Klassen zu immer neuen Reformen.

Den historischen Anteil der Bauern macht vielleicht die Tatsache bedeutsamer, daß die Bauernschaft ohne ein benutztes Programm, ohne Führung von Revolutionstheoretikern bzw. einer avantgardischen Klasse kämpfen mußte (dies offenbarte sich besonders deutlich im zaristischen-Rußland, Baltikum mitgerechnet).

Beim Übergang von einer Formation zur anderen könnte der fortschrittliche Gedanke - wissenschaftlich-technische oder revolutionäre Ideen von Belang sein.

Fortschrittlich gesinnte Publizisten übten auf die Durchführung von Agrarreformen einen verhältnismäßig wichti-

gen positiven Einfluß aus. Kennzeichnend ist, daß dieser Faktor unabhängig vom Kampf der Bauern wirkte, d. h. unter den Bauern waren die damaligen fortschrittlichen Ideen nicht verbreitet; zugleich wäre allein dieser Faktor ohne den Klassenkampf der Bauern nicht zur Geltung gekommen. Die Aufrufe und Appellationen von G. Merkel, J. Chr. Petri, G. F. Parrot und J. Ph. G. Ewers an die zaristische Regierung hätten keinen Widerhalt gefunden, wenn die Regierung zu gleicher Zeit nicht laufend informiert gewesen wäre über die Unzufriedenheit (und Unruhen) der Bauern.

Wenn man den Klassenkampf der Bauern komplex und verbunden mit der Entwicklung der Produktivkräfte der Landwirtschaft betrachtet, stellt sich heraus, daß sowohl Unruhen als auch Reformen erst um die Mitte des 19. Jh. positive Änderungen zur Folge hatten, ungeachtet dessen, daß sie schon seit dem Ende des 18. Jh. stattfanden. Bis zur Mitte des 19. Jh. hatten sich auch materielle Voraussetzungen für den Übergang zu neuen Produktionsverhältnissen und -weise herausgebildet. In seinem berühmten Vorwort zur "Kritik der politischen Ökonomie" betont K. Marx, daß die Menschheit sich immer reale Ziele setzt. Dies bedeutet noch keinesfalls einen absoluten Synchronismus von Zielen und Bedingungen. Fortschrittliche Ideen und der Klassenkampf sind in gewissen Maße dem Heranreifen von materiellen Bedingungen voraus und beschleunigen bahnbrechend diesen Prozeß.

Vom vorliegenden Thema ausgehend können wir die Feststellung anmachen, daß die Bauern bisher noch immer als eine

einheitliche Kraft das feudale System angriffen.

Hierbei muß bemerkt werden, daß wir bei der Klärung des Charakters des antifeudalen Kampfes von der Geschichte der Sowjetunion ausgegangen sind, wobei unsere Analyse in erster Linie auf konkreten Forschungsergebnissen vom Territorium Estlands beruht. Auch die letzteren reichen nur bis in die 1850-er Jahre später verliert der antifeudale Kampf allmählich an Einheit.

In der allgemeinen Weltentwicklung spielte beim Übergang vom Feudalismus zum Kapitalismus die aufkommende Klasse der Bourgeoisie eine wesentliche Rolle, die ihrerseits in bedeutendem Maße aus begüterten Bauern stammte.

Den Übergang vom Feudalismus zum Kapitalismus beeinflussten weiter allgemeinere Faktoren, wie z. B. die Entwicklung des nichtagraren Sektors in der Wirtschaft, Warenaustausch und Weltmarkt; sogar außenpolitische Ereignisse wirkten mit (z. B. Niederlage des Zarismus im Krimkrieg). Im Rahmen des vorliegenden Vortrages wurde die Aufmerksamkeit bewußt auf die Rolle von Gehöft und Bauern in diesen Prozessen konzentriert.

- ¹ W. Abel. Die Wüstungen im Mittelalter. Stuttgart, 1955.
- ² Les Fluctuations du produit de la dîme. Conjuncture decimale et domaniale de la fin du Moyen Age au XVIII siècle. Communications et travaux rassemblés et présentés par Joseph Goy et Emmanuel Le Roy Ladurie. Paris, 1972, p. 24.
- ³ W. Kula. Teoria ekonomiczna ustroju feodalnego. Proba modelu. Warszawa, 1962, s. 27-46.
- ⁴ Д. Калк. Хозяйство имения Сангасте и некоторые проблемы развития помещичьего хозяйства в Эстонии в период позднего феодализма. - "ENSIV TA Toimetised. Ühiskonnateadused", 1978, Nr. 1, lk. 21-38.
- ⁵ O. v. Grünewaldt. Ueber die Benutzung der Bauerländereien im Betrieb der Est- und Livländischen Landwirtschaft überhaupt. - In: Livländische Jahrbücher der Landwirtschaft. Bd. 8, St. 1. Dorpat, 1833, S. 13.
- ⁶ Д. Калк, И. Лиги. Об экономическом потенциале крестьянского двора в Эстонии в начале XIX века. Таллин, 1975.
- ⁷ Fr. Arweling. Ramma Josepi Hädda-- ja Abbi-Ramat... Tallinn, 1790, lk. 197.
- ⁸ В.А. Федоров. Положение крестьянина центрально-промышленного района России конца XVIII - первой половины XIX в. М., 1974.
- ⁹ G. Bois. Crise du feodalisme. Paris, 1976, p. 143.

¹⁰ The Cambridge Economic History of Europe. Vol. 1,
p. 723, 726.

¹¹ F. H. L. Thompson. Landownership and economic growth
in England in the eighteenth century. - In: Agrarian Change
and Economic Development. The historical Problems, Ed. by
E. L. Jonas and S. J. Wolf. London, 1969, p. 60.

¹² V. I. Lenin. Teosed, 1. kd. Tallinn, 1960, lk. 243.

E. DONNERT

LUDWIG WILHELM KOENEMANN (1751-1794) UND DIE
VERBREITUNG REVOLUTIONÄR-DEMOKRATISCHER GESELL-
SCHAFTSLEHREN IN KURLAND UND POLEN IN DEN JAHREN
DER FRANZÖSISCHEN REVOLUTION

Die Ereignisse der Amerikanischen und der Französi-
schen Revolution fanden auch im Baltikum, in Polen und Ruß-
land breiten Widerhall.¹ Besonders spürbare Wirkungen zei-
tigten die Ideen der Amerikanischen und der Französischen
Revolution im Herzogtum Kurland. Darauf ist der allzu früh
verstorbene Rigaer Historiker Margers Stepermanis zuletzt
in seinem posthum in lettischer Sprache erschienenen Werk
"Lielās liesmas atblāzma" vom Jahre 1971 ausführlich ein-
gegangen. Stepermanis wies in seinem Buch auch mit Nach-
druck auf Ludwig Wilhelm Koenemann und dessen Gesellschafts-
und Staatsschrift vom Jahre 1789/90 hin, wobei er eine von
Koenemann beglaubigte handschriftliche Kopie des Werkes be-
nutzte, auf die er bei seinen Forschungen gestoßen war. An-
knüpfend an die Untersuchungen von M. Stepermanis, der nur
wenige Stellen aus Koenemanns Werk in lettischer Überset-
zung bekannt gemacht hatte, konnte ich unterdessen auch die
Originalhandschrift ausfindig machen und mich mit Koene-

manns Werk ausführlicher auseinandersetzen.²

Über Ludwig Wilhelm Koenemann (1751-1794) selbst ist nur wenig bekannt. Er wurde am 28. 9. 1751 in Schwerin als Sohn des Doktors der Rechte Erdmann Hinrich Ludwig Koenemann geboren. Nach dem Studium in Jena und Bützow, wo er sich 1774 immatrikulieren ließ, bewarb er sich der junge cand. jur. Ludwig Wilhelm Koenemann 1776, 1781 und 1784 um die Untergerichtsadvokatur von Walk in Livland, die er auch erhielt. Hier geriet er jedoch bald in Konflikt mit der livländischen Ritterschaft, die ihn nach kurzer Kerkerhaft des Landes verwies. Koenemann ging danach nach Kurland, wo er in Mitau eine neue Wirkungsstätte fand. Hier verfaßte er Ende 1789/Anfang 1790 sein Werk "Merkwürdige Betrachtungen über die untertänigste Adresse der gesamten polnischen Städte an Se. Majestät den König und die konföderierten Stände des Reiches, gewidmet den polnischen und kurländischen Bürgern".³ Koenemanns Schrift weist einen Umfang von achtzig handgeschriebenen Seiten auf. Koenemann hat seine "Merkwürdigen Betrachtungen" dem Mitauer Magistrat Anfang März 1790 vorgelegt.

Das Leitmotiv in Koenemanns "Merkwürdigen Betrachtungen" stellten die Forderungen der polnischen Städte⁴ dar, die diese im Jahre 1789 an den König und den Reichstag gerichtet hatten.

Auch in seinem Schreiben an den Magistrat zu Mitau vom 9. April 1790 empfahl er diesem, sorgfältig die Adresse der polnischen Städte zu studieren und wie diese beim Landes-

fürsten und der Ritterschaft die verlorenen und unterdrückten Rechte des Bürgerstands zu reklamieren. Die zentralen Postulate der polnischen Städte betrafen die Unantastbarkeit der Person und des Eigentums, den Schutz aller Staatsbürger durch des Gesetz und die Freiheit für alle Stände der polnischen Gesellschaft.

Koenemann beginnt seine "Merkwürdigen Betrachtungen" mit einer Erörterung des Begriffs der Nation, wobei er sich kritisch mit den Errungenschaften der Französischen Revolution von 1789 auseinandersetzt. Ausgehend davon, daß unter dem Ausdruck Nation alle Angehörigen eines Volkes zu verstehen seien, heißt es: "Aber jetzt, da ich höre, daß ein sehr kleiner Haufe von Menschen sich in Frankreich die ganze Nation nennet und neunzehn Millionen und fünfmal hunderttausend Menschen deshalb von sich ausschließet, weil sie arm sind, und durch diese Ausschließung ganz natürlich hilflos und im Elende verderben sollen jetzt sind meine Begriffe von allen diesen hohen Namen so verwirret, daß ich nichts fester und bestimmter zu denken mir getraue."

Aus seiner Ablehnung der Proklamation der Menschen- und Bürgerrechte von 1789 machte er ganz und gar kein Hehl. In Gestalt der neuen Rechte hätten die "Vorsteher der Nationalversammlung ... das Grab für sich und ihre Kinder erbauet."

Eine andere Entwicklungsrichtung ließen nach der Meinung Koenemanns die Verhältnisse in Polen erwarten. Wie deutlich wird, überschätzte Koenemann in erheblichem Maße die Möglichkeiten des polnischen Adelstaates, bürgerlichen

Entwicklungen und freiheitlichen Bestrebungen des Volkes Rechnung zu tragen.

Was den ersten Punkt, d. h. die allgemeine Sicherheit der Person und seines Vermögens anging, so verstand es sich nach Koenemann von selbst, "daß erst alle Bewohner der Republik ohne Unterschied des Standes und der Religion ... hinlänglich versorget und in einen bequemen Vermögenszustand gesetzt werden müssen."

In den bestehenden Staaten standen sich nach Koenemann bislang zwei "kontrahierende Parteien" gegenüber. Bei diesen handelt es sich um die personae imperantes et personae obediens, die Vertreter der herrschenden und der gehorchenden, der unterdrückten Klasse. Der Verfasser behandelt ausführlich die bisherige Gesetzgebung und Gesellschaftspraxis der personae imperantes und geißelt auf schärfste deren Herrschaftsmoral.

Um die bestehenden Verhältnisse zu verändern und die allgemeine Sicherheit der Person und des Vermögens zu gewährleisten, war es nach Koenemanns Ansicht notwendig, die Ursachen aufzudecken, "wodurch die vielfältige Zerstörung dieser Sicherheit" veranlaßt wurde. "Haben wir diese Ursachen in dem beschriebenen fundamentalen Kontrakt inter personae imperantes et obediens, welchen unsere Vorfahren in dem entferntesten Zeitalter errichtet haben, gefunden und allgemein erkannt, so wird eine weise Obrigkeit auf schickliche Mittel bedacht sein, diese Hindernisse aus dem Wege zu räumen, die allgemeine Sicherheit und Versorgung wiederherzustellen und fest zu gründen."

Also keine gewaltsame Auflehnung und soziale Revolution der personae oboedientes gegen die personae imperantes, sondern warten auf weise Gesetze aus der Feder der Juristen des von der Aufklärung erleuchteten Monarchen!

In Polen waren die Bauern ebenso wie in Kurland und Rußland unfrei. Unmißverständlich ist Koenemanns Forderung nach Aufhebung der Leibeigenschaft der polnischen Bauern. Er hielt es für die Pflicht aufgeklärter Politiker, "die Ausführung dieses großen Werkes zu beschleunigen und diese Sklaven in freie, glückliche und geehrte Staatsbürger umzuschaffen."

Auch von ökonomischen Gesichtspunkten her sei die Befreiung der Bauern unbedingt notwendig; "denn die Bauern sind unsere Väter und müssen uns täglich durch ihren Fleiß ernähren." Schließlich sei dieser Schritt auch erforderlich, um revolutionäre Erschütterungen zu vermeiden.

Jedoch Koenemann ging noch weiter. Er schlug vor, nicht nur die Bauern zu befreien, sondern auch alle in den Gefängnissen Eingekerkerten freizulassen. Nach seiner Ansicht glichen die bestehenden "reinlichen Rechte... Spinnweben, worin nur die kleinen und schwachen Tierchen hängen bleiben, die großen aber durchgehen und das Netz zerreißen."

Koenemanns Freiheitsbegriff ging weit über das Freiheitsverständnis hinaus, das die französischen Revolutionäre von 1789 entwickelten. Für den Mitauer Advokaten war klar, daß bei Fortbestehen von Unterschieden in den Eigentumsverhältnissen von einer wahren Freiheit nicht gesprochen werden könne.

Im Unterschied zu dem von Koenemann geforderten freihheitlichen Nationalstaat besteht das Staatswesen, in dem zu leben er genötigt war, "nicht aus lauter freien Menschen und vernünftig denkenden Wesen, sondern ist allemal mehr aus geldgierigen, hoffärtigen und dummen Sklaven zusammengesetzt, wo die Privatinteressen das Eigentum der ganzen Nation voneinander in so vielen ungleichen verschiedenen Teilen als Bewohner des Landes sind, trennen und durch namenlose Collisions diese Privateigentumsrechte sich beständig auseinanderreiben und zernichten."

In diesen Worten drückt sich vor allem eine massive Kritik an den bestehenden Verhältnissen von Koenemanns Wahlheimat Kurland aus. Jedoch beeilt sich der Verfasser, erneut hinzuzufügen, daß auch der neue Staat der Französischen Revolution keine Verwirklichung der wahren Freiheit für die Menschen darstelle. Dabei polemisierte er gegen Artikel 17, in dem es hieß: "Da das Eigentum ein geheiligtes und unverletzliches Recht ist, so kann niemand dessen beraubt werden; es wäre denn, daß die öffentliche, gesetzlich festgestellte Notwendigkeit es klar erforderte, und unter der Bedingung einer gerechten und vorsorglich festgesetzten Entschädigung."⁵

Was Kurland und Polen anbetraf, die von Koenemann nun auch direkt genannt werden, so ruft er mit Nachdruck vor allem den Priesterstand und die Juristen auf, "jetzt die schicklichste Gelegenheit" zu nutzen, um an der Veränderung der bestehenden Gesellschaftsordnung im Sinne der Freiheit

der Menschen mitzuwirken, "ihre Talente in Tätigkeit zu setzen und alle Einwohner der Republik zu überzeugen, wieviel Nutzen und Glückseligkeit sie durch ihre Betriebsamkeit dem Bürger und Bauern verschaffet haben und fortdauernd verschaffen werden. Die Juristen und Schriftgelehrten müssen aufräumen und dem Priesterstand die Hand reichen. Sie müssen durch alle Beweisarten das Unglück klar am Tage legen können, welches durch die menschlichen Gesetze über alle Stände verbreitet wird. Denn von Gerichtssachen können die Theologen keine Erkenntnis haben."

Als vorrangige Maßnahmen zur Aufrichtung der von ihm geforderten neuen Ordnung hält Koenemann nochmals in Schlagworten fest: Allgemeine echte Gerechtigkeit, Gesetze, die alle Bewohner der Republik ohne Unterschied beschirmen und beglücken können; wahre und allgemeine Freiheit; ungestörte Sicherheit der Person und des Eigentums. Dies waren zugleich die Postulate, die die polnischen Städte erhoben hatten. Was ihren Inhalt anging, so unterschieden sich die Auffassungen Koenemanns durch ihre Radikalität wesentlich von denen der Vertretung des Bürgerstandes in Polen. Denn der Verfasser wandte sich in seinen Thesen nicht nur gegen das Feudalregime, sondern ebenso gegen die reichen Stadtschichten und die entstehende Bourgeoisieklasse in Kurland und Polen.

Bestrebt, seinen Forderungen Nachdruck zu verleihen, verweist Koenemann immer wieder auf Stellen des Evangeliums, wo von Freiheit und Gerechtigkeit, Fürsorge für die Armen und Obdachlosen die Rede ist. Dabei beabsichtigt er auch,

die Priester und Prediger zu veranlassen, sich für die Durchführung der notwendigen Gesellschaftsveränderungen einzusetzen. Um seine Schilderungen zu beleben, streute Koenemann in seine Abhandlung erfundene Gespräche zwischen Bettlern, Soldaten, Bauern, Bürgern und dessen Seelsorgern ein, in denen erneut eine schonungslose Kritik der bestehenden Zustände gegeben wird.

In diesem Zusammenhang setzt sich Koenemann auch mit der Meinung auseinander, daß die Großen dieser Erde ihrem Stand und ihrer Würde gemäß leben müßten. Er antwortet darauf: "In Amerika kennt man keinen Edelmann, und der Priester gilt nicht mehr als der geringste Professionist. Die Handwerker und Kaufleute haben keine ausschließenden Privilegien. Jeder treibt das, wozu er Neigung hat. Redlichkeit, Geschicklichkeit und Verstand, diese Tugenden sind an die Stelle leerer Würden gesetzt." Die Nordamerikaner seien dabei, "alle Titel in Zivil- und Militärständen zu verbannen, damit die Gleichheit der Bürger des Staates untereinander desto mehr möge behauptet werden und Freundschaft mit einem guten sittlichen Charakter das einzige Band der Vereinigung und die Ursache gegenseitiger Hochachtung sein möge."

Am Schluß seiner "Merkwürdigen Betrachtungen" macht Koenemann nochmals deutlich, welchen Platz der Herrscher in der von ihm gezeichneten freiheitlichen Gesellschaft einnimmt: "Die Regenten haben gar kein Eigentum. Alle Güter, die sie besitzen, gehören der ganzen Nation. Sie sind nur Haushalter und verpflichtet, richtige Rechnung abzuliefern."

Koenemann war ein unversöhnlicher Gegner der bestehenden Ordnung. Als solcher weigerte er sich, irgendwelche Standesunterschiede anzuerkennen, und setzte sich für ein Gemeinwesen freier und gleichberechtigter Menschen ein. Seine Ideen enthielten weitreichende Gedanken, die den Verfasser als einen revolutionären Demokraten erscheinen lassen. Daran ändert auch nichts, daß Koenemann im Hinblick auf seine Gleichheitsforderungen sich in starkem Maße der Argumente des Evangeliums bediente.

Koenemanns "Merkwürdige Betrachtungen" stellen in ihrem Grundgehalt eine jakobinische Schrift dar, wurden doch in ihr die unterdrückten Volksmassen zum Widerstand gegen die herrschenden Klassen und zum Sturz der bestehenden Ausbeuterordnung aufgerufen. Koenemann forderte die völlige Freiheit und Gleichheit für alle Menschen, wobei er ausdrücklich die Bauern einbezog. Er selbst stand mit den unteren Volksklassen und den Ärmsten des Landes in engen Beziehungen. Der heruntergekommene Advokat, der mit den Herrschenden in Konflikt geraten war, kannte deren Elendsdasein aus eigenem Erleben. Ausgehend von den Ideen Rousseaus und Marats, entwickelte Koenemann Alternativen zum Gesellschaftsprogramm der Bourgeoisiklasse. Diese waren zu seiner Zeit jedoch nicht realisierbar. In dieser Hinsicht ging er in seinem Werk ideell bereits über die heraufkommende kapitalistische Ordnung hinaus und rief zur Erlösung des Menschengeschlechts auf. Dasselbe taten die Jakobiner.

Der Wesenszug der Gesellschaftsauffassung Koenemanns bestand in einem konsequenten Demokratismus, der das gesamte Werk durchzieht. Als Theoretiker war Koenemann zweifelsohne ein weitblickender Denker, der sich ideologisch bereits dem Frühkommunismus näherte. Er gelangte zu tieferen Einsichten als die bürgerlichen Wortführer, die sich gleich ihm in den sozialen Auseinandersetzungen zu Wort meldeten, von denen das geistige Leben erfüllt war. Freilich blieb auch Koenemann wie die meisten Jakobiner außerhalb Frankreichs bei der deklarierten Freiheit und Gleichheit stehen und vermochte nicht zur Konzipierung eines konkreten Programms der neuen Gesellschaft vorzustoßen. Dieses Unvermögen konnten auch die flammenden Worte nicht verdecken, mit denen er das elende Schicksal der Entrechteten und Geknechteten anprangerte. Auch Koenemanns Gesellschaftskatechismus erschöpfte sich in Allgemeinheiten. Die Vorstellung, wie nach der Erringung der vollständigen Freiheit und Gleichheit durch die Volksmassen die neue Gesellschaft funktionieren sollte, fehlte.

Angesichts der umstürzlerischen Ideen, von denen Koenemanns Schrift erfüllt war, nahm es nicht wunder, daß das Werk weder in Kurland noch in Polen gedruckt wurde. So sah sich der Verfasser, wie er selbst bemerkte, genötigt, seine Arbeit handschriftlich zu verbreiten.

Auf Grund des Umstands, daß Koenemanns Werk "Merkwürdige Betrachtungen" der Öffentlichkeit in Kurland und Polen nicht durch den Druck bekanntgemacht wurde, finden sich in den zeitgenössischen Quellen nur spärliche Hinweise darauf.

Sie erschöpfen sich im wesentlichen in der Nennung von Koenemanns Namen und einiger abwertender Bemerkungen.⁶ Eine Ausnahme bildet die Stellungnahme von Koenemanns Kontrahenten Johann Nikolaus Tiling, der eine Gegenschrift zu den "Merkwürdigen Betrachtungen" verfaßte. Dieser bezeichnete Koenemann als einen "Schwärmer von einer sonderbaren Art, der übrigens nicht ohne alle Kenntnisse war", als einen Mann voller "Eigensinn, Grillen und Unersättlichkeit".⁷

Daß Koenemann sich durch seine Schrift den Haß aller Herrschenden und Besitzenden zuzog und der Gefahr aussetzte, verfolgt zu werden, war nur allzu verständlich. Darüber war sich keiner mehr im klaren als Koenemann selbst. Er suchte eine Möglichkeit nach Nordamerika auszuwandern.

Dazu sollte es freilich nicht mehr kommen. Koenemann starb im Jahre 1794.

¹ Vgl. zum Gesamtzusammenhang mein demnächst erscheinendes Buch "Kurland im Ideenbereich der Französischen Revolution". Dort finden sich auch umfassende Quellen und Literaturnachweise. In der Folge werden nur die notwendigsten Belege angeführt.

² Vgl. meine demnächst erscheinenden Aufsätze: "Ludwig Wilhelm Koenemann (1751-1794) und die Revolution der Unterdrückten"; "Der Mitauer Volksaufstand von 1792".

³ Koenemanns Werk wird von mir demnächst veröffentlicht. Daher verzichte ich an dieser Stelle auf die Anführung der jeweiligen Seitenzahlen der Handschrift.

⁴ Der gesamten polnischen Städte untertänigste Adresse an Se. Majestät den König und die konföderierten Stände des Reiches. Mitau 1790.

⁵ F. Hartung, Die Entwicklung der Menschen- und Bürgerrechte. 2. Auflage, Göttingen, Frankfurt, Berlin (1954), S. 33.

⁶ Hierher gehört auch das Urteil Lessings, der im Jahre 1779 den mittellosen Koenemann, der sich zusammen mit einem halb verhungerten Hund bei ihm gemeldet hatte, für fünf Monate in sein Haus aufnahm. (Vgl. Johann Anton Leisewitz, Tagebücher. Hg. von H. Mack, J. Lochner, Bd. 1. Weimar, 1916, S. 82, 92, und K. Liebmann, Das Beispiel Lessing. Dresden, 1977, S. 23). Die Hinweise auf die Lessing-Stellen verdanke ich Helmut Graßhoff, Berlin.

A. TRAAAT

CARL GUSTAV JOCHMANN, DER ERSTE REVOLUTIONÄRE DENKER AUS ESTLAND

Der bis in die letzte Zeit fast völlig vergessene Publizist deutschbaltischen Ursprungs Carl Gustav Jochmann wurde am 10. (21.) Februar 1789 in der damals kleinen Hafenstadt Pärnu (Pernau) geboren. Nach der Schulbildung in seiner Heimatstadt und danach in Riga wählte er sich, dem Vorbilde seines Vaters, eines Kreisgerichtssekretärs und Advokaten,¹ folgend, eine juristische Laufbahn. Nach den Studienjahren in Leipzig, Göttingen und Heidelberg arbeitete Jochmann von 1810 bis 1819 als Advokat in Riga beim Stadtrat und Livländischen Hofgericht, wobei er sich in den Kriegsjahren 1812-1814 in England weiterbildete. Aus Gesundheitsrücksichten verließ er 1819 Riga, lebte in Deutschland, Frankreich und der Schweiz und ließ sich später in Karlsruhe nieder. Wegen der Verschlechterung seiner Gesundheit (er war schwindsüchtig) hoffte Jochmann in der Homöopathie, die Dr. S. Hahnemann in Köthen 1810 begründet hatte, ein Heilmittel zu finden. Unterwegs nach Köthen traf ihn aber in Naumburg ein schwerer Krankheitsanfall, wo er auch am 24. Juli 1830 verschied und sein Grabmal die Inschrift trug: "Vivitur ingenio, cetera mortis erunt". In seinem Tes-

tament bat er sein Herz in Riga im Garten seines Freundes, des Kaufmanns C. H. v. Sengbusch beizusetzen und stiftete einen Fond von 15000 Silberrubeln "zur Unterstützung und Einrichtung von Schulen für die Kinder des estnischen Landvolkes in meiner Vaterstadt Pernau und im Pernauschen Kreise".² Im Jahre 1871 wurde in Pärnu die "Privat-Knaben-Elementarschule der Jochmannschen Stiftung" eröffnet³ und sie wirkte während mehrerer Jahrzehnte nützlich für die Kinder der ärmsten Volksschichten.

Jochmanns Hoffnung auf das "Fortleben durch den Geist" ist bisher nur teilweise in Erfüllung gegangen. Daran sind schuld nicht nur die für sein Zeitalter allzu fortschrittlichen Ideen in seinen Schriften, sondern auch die Anonymität der letzteren. Bei seinen Lebzeiten hat Jochmann 4 Bücher veröffentlicht, von denen "Ueber die Sprache"⁴ das hervorragendste ist. Das heute für uns noch wichtigere, aber schon postume Werk ist "Carl Gustav Jochmann's, von Pernau, Reliquien", das aus seinem literarischen Nachlaß von seinem Schweizerischen Freunde Heinrich Zschokke herausgegeben wurde.⁵ Es ist ein dreibändiges Buch mit 914 Seiten und enthält auch Mitteilungen zu Jochmanns Lebensgeschichte vom Herausgeber (obwohl mit einigen ungenauen Angaben). Im Jahre 1863 bemerkte der zweite Biograph J. Eckardt, daß Jochmann, dessen "Reliquien" einst in Deutschland eine gute Aufnahme fanden, doch in Livland wenig gelesen wurde, "wenngleich dieses Mannes Talent und Gesinnung ihm vorzugsweise ein Anrecht auf die Aufmerksamkeit unserer Zeit verschaffen sollten".⁶ Aber

für die Lösung dieser Aufgabe hat weder Eckardt selbst noch andere Baltendeutsche weiter nichts bemerkenswertes getan und so geriet Jochmann in eine lange dauernde Vergessenheit.

Zum Wiederentdecker Jochmanns wurde der deutsche Kritiker, Essayist und Poet Werner Kraft (1896-1972). Er studierte die Lebensgeschichte Jochmanns, bereitete seine ausgewählten Aphorismen zum Druck vor und wollte sie im Frühjahr 1933 in einer Berliner Zeitschrift veröffentlichen. Unter den Drohungen der Nazis die Druckerei der Zeitschrift niederzubrennen wurde aber der schon fertige Satz auseinandergelegt.⁷ Erst 1939 erschien von dem Literaturwissenschaftler und Essayisten Walter Benjamin (1892-1940) eine "Einleitung" zu einem teilweisen Neudruck des Buches "Ueber die Sprache".⁸ Fast 30 Jahre später (1967) gelang es W. Kraft, eine kleine Auswahl von Schriften Jochmanns herauszugeben,⁹ und danach 1972 eine umfangreiche Monographie über Jochmann und seinen Kreis zu drucken.¹⁰ Im Jahr 1974 hat Prof. Dr. Wolfgang Heise (geb. 1925) einiges über Jochmann geschrieben.¹¹ Die bisher letzte Aphorismen- und Glossensammlung von Jochmann hat der Literaturwissenschaftler Eberhard Haufe 1976 herausgegeben.¹² Vor einigen Monaten hat Gerhard Wagner eine philologische Dissertation über die sozialen und ästhetischen Anschauungen Jochmanns der Humboldt-Universität Berlin vorgelegt.¹³ Derselbe Autor wird spätestens 1980 eine textkritische Sammlung der Reiseskizzen, Essays und Aphorismen von Jochmann herausgeben.¹⁴

In Estland (und wahrscheinlich auch in der ganzen UdSSR) ist Jochmann zuerst vom Autor des vorliegenden Vor-

trags im Jahr 1953 in einem Zeitungsartikel und 1971 in der sowjetestnischen Enzyklopädie zur Sprache gebracht worden.¹⁵ In Moskau interessiert sich für Jochmann der Schriftsteller und Kritiker Sergej Iwow.¹⁶

Beim Verfassen dieses Vortrags waren uns die obengenannten neuesten Bücher leider noch nicht zugänglich. Nach ihren Besprechungen und den Aufsätzen von Benjamin und Heise scheint es doch möglich zu behaupten, daß die bisherige Behandlung Jochmanns vorwiegend nur literaturgeschichtlichen und "geisteswissenschaftlichen" Charakters gewesen ist. Darum ist heutzutage vonnöten auch die politischen Anschauungen Jochmanns speziell ins Auge zu fassen. Dabei bildet natürlich den Kernpunkt die Frage nach den Prinzipien und wegen der Umwandlungen von Gesellschaftsordnungen und Staatsformen. Wie schon aus seinen "Stylübungen" (im Buche "Ueber die Sprache"), noch mehr aber aus seinen anderen Aphorismen und Aufsätzen in den "Reliquien" ("Robespierre", "Die französischen Staatsverwandlungen", "Centralisiren und Föderalisiren" u. a.) erhellt, hat Jochmann sich mit diesen Umwandlungsfragen seit seinem Aufenthalt in Paris fast ununterbrochen beschäftigt.

Die Denkungs- und Ausdrucksart Jochmanns ist dialektisch: "... die Gesetze der Natur sind unveränderlich ...; die Satzungen der Welt sind nur um ein Geringes weniger vergänglich, als der Mensch, dem sie ihre Entstehung verdanken. Sie sterben, wie dieser, und vergebens bemühen sich seine Nachfolger ihre entseelten Formen aufrecht zu erhalten..."

Im Kampfe zwischen dem Neuen und dem Alten "pflegen sich Folgen jenes unseligen Zwiespalts zu äußern, der das Ideal und die Wirklichkeit nicht etwa nur voneinander entfernte ..., sondern im grellest Widerspruche gegeneinander erhielt".¹⁷

Nach Jochmann gibt es zwei bewegende Kräfte für den Staatskörper: das Volk und die Regierung. Demgemäß gibt es auch Revolutionen von unten und von oben, d. h. Revolutionen im echten Sinne des Wortes und durchgreifende soziale Reformen. Da beide Arten von Veränderung, jede für sich allein, Unheil bringen, so wäre die dritte und beste Art die Zusammenarbeit der beiden bewegenden Kräfte, in welcher die öffentliche Meinung die Meinung der Regierung wird.¹⁸

Wie wird die Revolution von Jochmann selbst begrifflich bestimmt? "Alle Revolutionen lassen sich als notwendige Folgen eines früheren Stillstandes ansehen, als gewaltsamere Bewegungen, durch die ein langunterlassenes Fortschreiten wieder eingeholt werden muß". Gleich danach erläutert Jochmann, daß das protestantische Europa 300 Jahre früher (seit der lutherischen Reformation) als das katholische den revolutionären Weg betreten hat und daß jede Revolution "am Ende nur Ein Gutes, aber dieses gewiß" bringt.¹⁹

Die äußerst mannigfaltigen Ursachen der sozialen Revolutionen faßt Jochmann zusammen als die Verwundungen der Volksinteressen.²⁰ Unter dem Volk versteht er immer nur die arbeitenden Massen, deren besten und gebildetsten Teil der Bürgerstand bildet. Getrennt von diesen Massen und ihnen

gegenüber stehen die privilegierten Stände als eine aussaugende und herrschende Minderheit. Seit dem Mittelalter führte der Adel durch Fronen, Steuern und Abgaben seine Bauern oft zur Verzweiflung, deren Folgen in allen aristokratischen Ländern Europas die Bauernaufstände und -kriege waren. "Alle diese Stürme ... einer bis zum Tode erschöpften und gemarterten Menschenklasse wurden freilich überall, so schnell als grausam, gedämpft. Betrug und Gewalt erhielten einen leichten Sieg über ungeübte, übelbewaffnete Haufen ohne tüchtige Anführer, oder aber deren Anführer, wenn Zufall oder Zwang sie ihnen aus den Reihen des Adels zuführte, sich, wie Götz von Berlichingen, nur an ihre Spitze stellten, um sie zu veranlassen. Der offene Krieg der Unterdrückten gegen die Privilegierten hatte ein Ende; nicht der Krieg".²¹ Die zweite privilegierte Klasse - die Geistlichkeit - veranlaßt Revolutionen besonders in den katholischen Ländern durch ihre religiöse Intoleranz, durch den Kultus des Aberglaubens und der Bildungslosigkeit unter den Volksmassen und somit jeglichem gesellschaftlichen Fortschritte schroff widerstrebend. Wer aber dem natürlichen Gesetze des immerwährenden Fortschritts entgegenhandelt, "der ist der wahre Revolutionär im Staat, der Widersacher Gottes, der Verräter an der Menschheit, und trägt eine dreifache Krone auf dem Haupte".²² Der allgemeine Druck auf die Nation ruft den allgemeinen Gegendruck der Untertanen hervor, und also "Immer ist der Despot der größte Revolutionär; immer er, der Freiheit in's Leben ruft".²³

Jochmann ist überzeugt, daß in sozialen Krisen die Petitionen der Untertanen zu keiner Lösung führen und ihren Autoren nur Strafen zuziehen werden und daß man ebendarum zum bewaffneten Aufstand übergehen muß: "'Wer die Wahrheit fiedelt, dem schlägt man den Fiedelbogen um die Ohren"; das ist die Geschichte des Petitionswesens. Allerdings, nicht aber die ganze, wie einige Staatsmänner glauben. Die Fortsetzung folgt und lautet: bis der Fiedler, durch Erfahrung gewitzigt, seinen undankbaren Zuhörern zuvorkommen lernt, und ihnen, eh' er noch seine Melodie aufspielt, den Bogen um die Ohren schlägt. Dann petitioniert man ... mit Feuersbrünsten und mit gewaffneter Hand; und in der Stunde der Mitternacht, und im Schlafkabinette läßt sich die Wahrheit vernehmen, die am hellen Tage und in den Audienzsälen ein Verbrechen hieß".²⁴

Obwohl Jochmann das Fachwort "die revolutionäre Situation" nicht gebraucht, hat er doch von ihr eine Vorstellung gehabt als von einem besonderen, dem Ausbruch der Revolution unmittelbar vorangehenden Zeitabschnitte, wo alle Vorbedingungen zu einer solchen sozialen Explosion vollkommen gegeben und anders unlösbar geworden sind: "Revolutionen lassen sich so wenig machen, ehe die Umstände sie erzwingen, als Kinder sich gebären lassen, ehe sie gezeugt werden. Ist aber die Frucht reif, so kommt sie in beiden Fällen auch ohne Geburtshelfer zur Welt".²⁵ Jede Staatsumwälzung ist ein Bürgerkrieg, und wenn nicht nur Verschiedenheit der Interessen, sondern auch Trennung der Meinungen sie hervorbrachte,

ein Vernichtungskampf, denn die Leidenschaften versöhnen sich,,aber die Ideen niemals.²⁶ Doch reibt sich der Unge-
stüm aller Revolutionen auf, wenn er von Reaktionen nicht
aufs neue geweckt wird.²⁷ Die französische Revolution von
1789 siegte und schuf. Neues "nicht durch der Greuel, son-
dern ungeachtet der Greuel, die sie verunstalteten".²⁸ Das
wichtigste Resultat der Revolution für Frankreich findet
Jochmann in einem größeren Wohlstande und Arbeitsfleisse in
den niederen Ständen, besonders auf dem Lande, da seitdem
die Verwilderung und Verarmung der Volksmehrheit für lange
unmöglich gemacht sei.²⁹ Der amerikanische Unabhängigkeits-
krieg (1775-1783) ist die "reinste und verständigste" Revo-
lution, weil vermöge ihrer ein Volk sich zur Behauptung ei-
nes guten Rechts erhoben hatte.³⁰

Jochmann erforschte die Geschichte, um die Gegenwart
tiefer zu verstehen und ihre möglichen Entwicklungstendenzen
in der Zukunft zu erraten. Da er seine Gedanken im Zeitalter
des konterrevolutionären Heiligen Bundes und der Restaura-
tion der Bourbonen niederschrieb, so behandelt er auch das
Verhältnis von Revolution und Restauration. Da die Revolutio-
nen mehr zerstören als aufbauen, so ist ihr regelmäßiger
Ausgang die Restaurationen, deren positives Verdienst in der
Schöpfung neuer Einrichtungen besteht. Nur Revolutionen der
Meinungen sind die allein bleibenden, bei ihnen findet keine
Restauration statt, denn abgestorbene Vorurteile und Gewohn-
heiten lassen sich nicht wiederherstellen. Ebendarum ist die
Restauration der alten Fehler und Mißbräuche nur die Vor-

gängerin einer zweiten Revolution. "Jede Restauration, die ihren Triumph durch Reaktionen unterstützt, baut ihren Tanzsaal auf dem Eise eines zugefrorenen Sees. Eine Veränderung des Wetters, das Eis bricht, der Tanzsaal ist verschlungen und die Wellen der Revolution schlagen wieder über ihn zusammen".³¹ In diesem schönen Gleichnis ist das künftige Schicksal der Beschlüsse des "tanzenden" Wiener Kongresses und die Entthronung der Bourbonen in der Julirevolution von 1830 bündig vorausgesagt.

Der gesunde Menschenverstand, dem Jochmann lebenslänglich unermüdet nachstrebte, ermöglichte ihm aber noch ferner in die Zukunft zu blicken. Schon in seinen Reisenotizen "Armut in England" betont er, daß bei aufgeklärten und gewerbigen Nationen das Mißverhältnis des Besitztums verderbenvoll und unhaltbar ist und daß das neben der Üppigkeit vorhandene Elend an der öffentlichen Ordnung stark rüttelt.³² In einer Skizze über die Entwicklungsepochen der Zivilisation charakterisiert Jochmann zuletzt auch den Kapitalismus (obwohl er dieses Fachwort noch nicht kennt). Aber er sieht ganz klar die schnelle soziale Differenzierung, die Vermehrung der Produktionszweige, den tiefgreifenden Einfluß der Geldzirkulation und die freieren gesellschaftlichen Formen. Der Mensch hört auf Maschine und Automat zu sein, an die Stelle seiner noch tierartigen Dienstleistung tritt das Maschinenwegen. "Die Erwerbungsart durch dasselbe verbreitet den Genuß, welcher sonst nur einzelnen zustatten kam, über alle Familien der Nation und wird zur Quelle einer überschweng-

lichen Produktion des Reichtums. Damit aber dieser /Reichtum/ nicht durch seine immer ungleichere Verteilung das Unglück der Mehrzahl werde, wird abermalige Umgestaltung der gesellschaftlichen Formen naturnotwendig. Ihre Auffindung ist die Aufgabe der Zeit"³³ (gesperret von mir - A. T.).

Diese frühe Voraussage des unvermeidlichen Untergangs des Kapitalismus ist kein Zukunftstraum eines Utopisten, sondern die streng logische Folgerung und höchste Verallgemeinerung aller sozialen Entwicklungstendenzen zur Zeit Jochmanns. Schade nur, daß er die künftigen Formen der Gesellschaft und den Weg zu ihnen nicht sofort angedeutet hat. Aber aus dem schon im Zitat angeführten und im nächstfolgenden Text unterstrichenen Prinzip der ebenmäßigen Verteilung aller Güter kann man folgern, daß Jochmann die sozialistische Gesellschaftsordnung vorausgesehen hat. Noch einlauchtender wird diese Behauptung aus einer anderen Belegstelle: "Der Blick in die Zukunft zeigt eine Kapitalisierung des Grundeigentums mit höherer Bestimmung, nämlich zum Dienste der Gesellschaft. - In noch grösserer Entfernung, jetzt fast noch unkenntlich, erscheint jedes physische oder materielle Vermögen sowohl als jedes geistige, je umfassender in seinem Wesen und je allgemeiner in seiner Verbreitung, um so unfähiger, gemeinen und selbstsüchtigen Zwecken Einzelner allein dienstbar zu werden, und wo endlich niemandem ein höheres Maß von Glück beschieden sein kann, als sein Anteil am weitverbreiteten Glück Aller gewährt".³⁴

Obzwar Jochmann aus seiner tiefen Humanität persönlich Parteigänger der Reformen gewesen sein mochte, mußte er auf

Grund seiner Geschichtsstudien doch eingesehen haben, daß der hauptsächlichste Weg zu solchen größten gesellschaftlichen Umwälzungen eine entsprechende Revolution sein wird. Sagt ja er selbst, daß keiner jedem Besitzer eines guten Rockes gefährlicher ist, als der kein Hemd auf dem Leibe hat.³⁵ Außerdem ist das Endziel aller Revolutionen "Teilnahme des Glückes, das bis dahin auf Kosten der Mehrheit einer Minderheit gehört hatte, allen zu schaffen".³⁶

Wenn wir nun schließlich diese revolutionäre Grundgedanken Jochmanns mit denen seines bekannten Landsmanns und Freundes Garlieb Merkel (1769-1850) und auch des Johann Christoph Petri (1762-1851) vergleichen, so ergibt sich zwischen ihnen ein prinzipieller Unterschied. Die beiden letztgenannten Publizisten behandeln überhaupt nicht näher die Revolution und wenden bloß dieses Wort als drohendes Schreckgespenst an, um den deutschbaltischen Adel zu Reformen anzusporhen, somit sich zu ihr einseitig negativ verhaltend. Jochmann dagegen sieht in der Revolution einen berechtigten, wirksamen und den letzten Modus der Selbsthilfe eines schwer unterdrückten Volkes, mittels dessen ein langunterbundener Fortschritt der Gesellschaft wieder eingeholt werden kann und muß.

So hat Jochmann die positive Rolle der Revolutionen in der Geschichte (und Zukunft) ganz klar erkannt. Daher müssen wir ihn als den ersten, frühesten aus Estland gebürtigen wahrhaft revolutionären Denker betrachten und ihm einen gebührenden Platz auch in der Geschichte Sowjetestlands ein-

räumen (obzwar nach seiner eigenen Ansicht der Geschichte anzugehören kaum ein Lob sei, da sie bisher nur Helden und Verbrecher genannt und die Wohltäter unseres Geschlechts verschwiegen habe). Einer der ersten Schritte in dieser Richtung wäre die Herausgabe seiner wichtigsten Werke in estnischer Sprache, wobei die vorerwähnten deutschen Neuausgaben eine dankenswerte Beihilfe dazu leisten würden.

¹ Staatliches Historisches Zentralarchiv der Estnischen SSR (=SHZE), Fond 3339, Reg. 1, Aufbewahrungseinheit 5288, Bl. 1 und 8.

² J. Eckardt, Carl Gustav Jochmann. - "Baltische Monatsschrift", Bd. 7 (1863), H. 4, S. 340 (= Eckardt, Jochmann).

³ SHZE, F. 3569, Reg. 1, Aufbew. 565, Bl. 5.

⁴ C. G. Jochmann, / Ueber die Sprache. Heidelberg, bei C. F. Winter, 1828. /VI/, 360 S. (= Jochmann, ÜdSprache).

⁵ Carl Gustav Jochmann's, von Pernau, Reliquien. Aus seinen nachgelassenen Papieren. Gesammelt von Heinrich Zschokke. Hechingen, Verlag der F. X. Ribler'schen Hofbuchhandlung. 1. Bd. 1836. VIII, 340 S.; 2. Bd. 1837, 324 S.; 3. Bd. 1838. 244 S. (=Jochmann, Reliquien, I, II, III).

⁶ Eckardt, Jochmann, S. 296.

⁷ "Современная художественная литература за рубежом", 1978, № I - I27, с. II9.

⁸ W. Benjamin, "Die Rückschritte der Poesie" von Carl Gustav Jochmann. Einleitung. "Zeitschrift für Sozialforschung./ Studies in Philosophy and Social Science", 8. Bd. (1939), Nr. 1/2, S. 92-114. Neudruck: W. Benjamin, Lesen-zeichnen. Schriften zur deutschsprachigen Literatur, hrsg. von Gerhard Seidel. Leipzig, 1970, S. 62-76 (Reclams Universal-Bibliothek, Bd. 476). - Diese Hinweise, wie auch andere Angaben über die folgenden, in der DDR und im BRD erschienenen Werke verdankt der Autor dieses Vortrags den freundlichen Mitteilungen des Herrn Gerhard Wagner an der Humboldt-Universität Berlin.

⁹ C. G. Jochmann, "Die Rückschritte der Poesie" und andere Schriften. Hrsg. von Werner Kraft. Frankfurt a. M., 1967. 207 S. (sammlung in sel 26).

¹⁰ W. Kraft, Carl Gustav Jochmann und sein Kreis. Zur deutschen Geistesgeschichte zwischen Aufklärung und Vormärz. München, 1972. 413 S. - Rez. in: Referatedienst zur Literaturwissenschaft. Hrsg. von Zentralinstitut für Literaturgeschichte der Akademie der Wissenschaften der DDR. Jg. 6. 1974. Nr. 4, S. 478-480 (W. Heise).

¹¹ W. Heise, Zur Krise des Klassizismus in Deutschland /Schlußteil/. - In: Hellenische Poleis. Krise - Wandlung - Wirkung. Hrsg. von Elisabeth Charlotte Welskopf. Bd. 3. Berlin, 1974. S. 1717-1724. - Siehe auch in der vorigen Anmerkung.

¹² Carl Gustav Jochmann, Die unzeitige Wahrheit. Aphorismen, Glossen und der Essay "Über die Öffentlichkeit". Hrsg. und erläutert von Eberhard Haufe. Weimar, 1976. 292 S. - Rez.: G. Wagner, Nach 150 Jahren neu entdeckt. - "Humboldt-Universität", 1977, Nr. 5-77/78, S. 7; "Современная художественная литература за рубежом", 1978, № I - 127, с. 118-120 (Сергей Львов).

¹³ G. Wagner, Die sozialen und ästhetischen Anschauungen von Carl Gustav Jochmann (1789-1830). Ein Beitrag zur Erforschung der Geschichte der sozialen Fragestellung zwischen 1789 und 1848. Phil. Diss. Berlin, Humboldt-Universität / Gesellschaftswissenschaftliche Fakultät, 1978, ca. 200 S. Masch.-schrift.

¹⁴ C. G. Jochmann, Erfahrungsfrüchte. Reiseskizzen, Essays, Aphorismen. Hrsg. und eingeleitet von Gerhard Wagner. Berlin, Rütten & Loening, (1980), ca. 600 S., ca 20 Abbildungen.

¹⁵ A. Traat, Carl Gustav Jochmann - 19. sajandi silmapaistev poliitiline mõtleja Eestis. (... - ein hervorragender politischer Denker aus Estland). - "Edasi" (Tartu), 2. Sept. 1953; /derselbe,/ Jochmann, Carl Gustav. In: Eesti nõukogude entsüklopeedia (Estnische sowjetische Enzyklopädie), 3. Bd., Tallinn, 1971, S. 270.

¹⁶ Siehe die Anmerkung Nr. 12.

¹⁷ Jochmann, Reliquien, I, S. 291.

¹⁸ Jochmann, Reliquien, II, S. 271-272.

- 19 Jochmann, ÜdSprache, S. 340/Reliquien, III, S. 228.
Vgl. Reliquien, II, S. 280.
- 20 Jochmann, Reliquien, II, S. 271.
- 21 Jochmann, Reliquien, III, S. 108.
- 22 Ebenda, S. 150-151.
- 23 Ebenda, S. 57.
- 24 Jochmann, ÜdSprache, S. 358 / Reliquien, III, S.
238-239.
- 25 Jochmann, ÜdSprache, S. 338-339 / Reliquien, III,
S. 227.
- 26 Jochmann, Reliquien, I, S. 265.
- 27 Jochmann, Reliquien, II, S. 82.
- 28 Jochmann, Reliquien, I, S. 282.
- 29 Jochmann, Reliquien, II, S. 274-275.
- 30 Jochmann, Reliquien, I, S. 293.
- 31 Jochmann, Reliquien, II, S. 79.
- 32 Jochmann, Reliquien, I, S. 96.
- 33 Jochmann, Reliquien, II, S. 93.
- 34 Jochmann, Reliquien, III, S. 149.
- 35 Jochmann, ÜdSprache, S. 338 / Reliquien, III, S. 227.
- 36 Jochmann, Reliquien, II, S. 277.

K. WAJDA

DIE WANDERUNGEN DER LANDBEVÖLKERUNG VON NORDPOLEN
IN DER EPOCHE DER KAPITALISMUS (BIS 1914)

In meinem Vortrag will ich die wichtigsten Ergebnisse meiner Forschungen zur Frage der Wanderungen von Landbevölkerung Nordpolens (im Rahmen der damaligen Verwaltungsgrenzen also in den preußischen Provinzen - Ostpreußen und Westpreußen) in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts darlegen. * Diese Forschungsbegrenzung ist nicht zufällig, weil

* Diese Frage wurde in weiterem Umfange vom Verfasser dieses Vortrags in seinem Buche: *Migracje ludności wiejskiej Pomorza Wschodniego w latach 1850-1914* (Die Wanderungen der ost- und westpreußischen Landbevölkerung 1850-1914). Wrocław, 1969, und in seinen Aufsätzen: *Robotnicy zakordonowi w rolnictwie Prus Wschodnich*. (Die aus ländischen Arbeiter in der Landwirtschaft Ostpreußens). - In: *Komunikaty Mazursko-Warmińskie* 1969, s. 525-540, weiter in: *Junkierstwo wschodniopruskie wobec odpływu z rolnictwa na przełomie XIX i XX w.* (Das ostpreußische Junkertum und die Abwanderung der Arbeiter aus der Landwirtschaft am Wend des 19 und 20 Jahrhunderts). - In: *Komunikaty Mazursko-Warmińskie* 1968 s. 573-588, wie auch in: *Die Saisonarbeiter aus Kongreßpolen und Galizien in der Landwirtschaft Ostpreußens 1891 bis 1914.* -

in dieser Zeitperiode die Abwanderung vom Lande die Hauptform der Binnenwanderungen innerhalb von Nordpolen wie auch der Abwanderung von diesem Gebiete bildete.

Mein Forschungsziel war aber nicht zu einer lokalgeschichtlichen Beschreibung beschränkt worden und ich versuchte immer auch dem Beispiele dieses Gebiets die Regelmäßigkeiten wie auch die Tendenzen von allgemeinerem Charakter zu erforschen, die auch für die anderen Gebiete mit ähnlicher Wirtschafts- und Sozialstruktur gelten konnten.

Ich versuchte die Wanderungen der ost- und westpreussischen Landbevölkerung in ihrer ganzen Totalität zu fassen. Ein Wichtiges Forschungsziel war die Feststellung der quantitativen Aspekte wie auch der Beweggründe der Bevölkerungsabwanderung vom Lande und aus der Landwirtschaft im Ganzen und im Rahmen der einzelnen Abwanderungsrichtungen. In dieser Hinsicht ging es auch um die Erforschung der expulsiven wie impulsiven Beweggründe dieser Abwanderung. Ebenfalls von entscheidender Bedeutung war die Frage, ob die Agrarstruktur wirklich einen so großen Einfluß auf die Stärke der Abwanderung vom Lande und aus der Landwirtschaft ausgeübt hatte, wie es von einigen deutschen Forscher (Theodor v. Goltz und Max Sering) vor 1918 angenommen wurde. Ich versuchte auch die Relevanz des nationalen Faktors für die Stärke der Bevölkerungsabwanderung festzustellen. Schließlich war es auch sehr wichtig, die Wechselbeziehungen zwischen der Ab-

In: Deutscher Imperialismus und die polnische Arbeiter in Deutschland 1900-1945. Rostock, 1977, S. 67-83.

wanderung vom Lande und dem Arbeitsangebot in der nordpolnischen Landwirtschaft zu erforschen.

Die Quellengrundlage meiner Forschungen bilden die Archivmaterialien aus den Zentralarchiven der DDR und aus den polnischen Archive, sowie statistische Quellen und auch die Berichte verschiedener landwirtschaftlichen Vereine und Körperschaften.

In der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts, einschließlich der fünfziger Jahre, fand in einigen ost- und westpreußischen Landbezirken, wie zum Beispiel in Weichselwerder (Zuławy) - die Mennoniten - oder in masurischen Grenzkreisen eine ihren Ausmaß nach beschränkte Auswanderung nach Südrußland oder nach Kongreßpolen statt.

Die Massenabwanderung vom Lande und aus der Landwirtschaft in Nordpolen dagegen hat erst mit der Mitte der sechziger Jahre des 19. Jahrhunderts begonnen. Die Nettoabwanderung aus den ost- und westpreußischen ländlichen Bezirke hat in den Jahren 1865-1910 etwa 1 Million 640 Tausend und in den Jahren 1867-1910 etwa 1 Million 605 Tausend Personen betragen. Das entsprach 93 Prozent der natürlichen Bevölkerungszunahme in den ländlichen Bezirken dieses Gebiets. In den einzelnen Jahrfünfteln nach dem Jahre 1880 war die Nettoabwanderung aus den ländlichen Bezirken manchmal größer als der Geburtenüberschuß. Infolgedessen hat in den Jahren 1880-1910 die Bevölkerung der ländlichen Bezirke Ost- und Westpreußens um etwa 2 Prozent abgenommen. Noch deutlicher war diese Entwicklung bei der hauptberuflich landwirtschaftlichen Bevölkerung sichtbar, da diese sich in diesen zwei

Provinzen in den Jahren 1882-1907 um etwa 9 Prozent verringert hatte.

Das Auftreten einer so massenhaften und kontinuierlichen Abwanderung, welche sich nach Übersee und die mittleren und westlichen Reichsgebiete richtete, war mit der Erweiterung der Aufnahmemöglichkeiten in den Zuwanderungsgebieten sowie mit dem Ausbau des Eisenbahnnetzes in West- und Ostpreußen in den sechziger Jahren verbunden. Selbstverständlich würde diese Bevölkerungsbewegung ohne die obenerwähnten Begleitbedingungen nicht auftreten können, da die letzten eine notwendige Voraussetzung der Abwanderung vom Lande gebildet hatten, jedoch sind die Quellen dieser Massenabwanderung in der landwirtschaftlichen Überbevölkerung zu suchen. Diese landwirtschaftliche Überbevölkerung ist dadurch entstanden, daß im Laufe der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts die relativ starke natürliche Vermehrung der Land - sowie der Landwirtschaftsbevölkerung von einem Rückgang, einer Stagnation oder bestenfalls einem relativ schwachen Anstieg der Nachfrage nach landwirtschaftlichen Arbeitskräften in Nordpolen begleitet wurde. Hinzu kam in dem gleichen Zeitraum eine immer steigende Diskrepanz in der Höhe des Arbeitsbedarfs zwischen der Sommer- und der Winterzeit.

In den ländlichen Bezirken West- und Ostpreußens betrug der Geburtenüberschuß in den Jahren 1867-1910 87 und 61 Prozent der Anfangsbevölkerung. Es ist selbstverständlich, daß im intensiven Stadium der kapitalistischen Entwicklung der Landwirtschaft, für welches die technische Ver-

vollkommen immer mehr eine ausschlaggebende Rolle spielte, dieser Wirtschaftszweig selbst keinesfalls einen so großen Bevölkerungszuwachs aufnehmen könnte.

Schon in den sechziger Jahren sind in der Landwirtschaft Nordpolens die Möglichkeiten der extensiven Entwicklung, die mit einer Erweiterung der landwirtschaftlichen Nutzfläche verbunden sind, fast vollständig erschöpft. Auf der anderen Seite hat die immer steigende Benutzung von arbeitssparenden landwirtschaftlichen Geräten und Maschinen, insbesondere im Großbetrieb, die Tendenz einer Erweiterung der Nachfrage nach Arbeitskräften, welche mit dem Übergang von der Dreifeldwirtschaft bis zur verbesserten Vielfeldwirtschaft und in einigen Bezirken auch zur Zuckerrübenwirtschaft verbunden war, abgeschwächt oder auch vollständig abgeschafft. Diese Intensivierung der Getreideerzeugung in den fünfziger bis siebziger Jahren, besonders aber die Entwicklung des Zuckerrübenbaues in den achtziger und neunziger Jahren führten zu einer verstärkten Saisonnachfrage nach landwirtschaftlichen Arbeitskräften. Andererseits aber wurde diese zeit- und auch raumbeschränkte Erscheinung von einer weiteren Nachfragesenkung in der Herbst- und Winterperiode infolge ansteigender Mechanisierung der Drescharbeiten im Großbetrieb (in Großgütern, später auch in Großbauernwirtschaften) begleitet. Infolgedessen hat sich in diesen Gebieten, in denen eine intensiv betriebene Landwirtschaft vorherrschte (Weichselwerder - Zuławy, Weichselniederung - Dolina Wiśły und Kulmer Land - Ziemia Chełmińska-

ka) der Stamm der ständigen landwirtschaftlichen Arbeiter bedeutend verringert, weil die Saisonarbeiter, die aus der Kaschubei, der Tucheler Heide und nach dem Jahre 1890 auch aus der Kongreßpolen stammten, nicht nur die Feldarbeiten in der Zeit von der Frühling bis zum Herbst verrichteten, aber auch unmittelbar nach den Ernten die Drescharbeiten ausführten.

Die Abnahme der landwirtschaftlichen Bevölkerung in Nordpolen stand in den achtziger Jahren, also in einer Zeitperiode in der auch in den Zuwanderungsgebieten außerhalb von preußischen Ostprovinzen die Aufnahmefähigkeiten für den Überschuß der landwirtschaftlichen Bevölkerung aus West- und Ostpreußen sich bedeutend erweitert hatten, im engen Zusammenhange mit der Intensivierung der ost- und westpreussischen Landwirtschaft. Diese Abnahme war umso größer, je weiter der Intensivierungsgrad in der Landwirtschaft einzelner Gebiete in West- und Ostpreußen fortgeschritten war. Wenn wir diese Provinzen in acht Kreisgruppen aufteilen und sie in Reihenfolge ihres Intensivierungsgrades der Landwirtschaft ordnen, dann erhalten wir eine unanfechtbare Rangkorrelation zwischen dem Intensivierungsgrad der Landwirtschaft und der Abnahme der landwirtschaftlichen Bevölkerung von einzelnen Gebieten in den Jahren 1895-1907. Diese Abnahme belief sich vom 12,1 Prozent in Weichselwerder (Zuławy) mit dem höchsten landwirtschaftlichen Intensivierungsgrad, bis auf 6,6 prozent in den masurischen Kreisen. In elf westpreussischen Kreisen westlich der Weichsel, also

in der Kaschubei und in Tucheler Heide mit Umgebung, wo die Landwirtschaft am extensivsten betrieben wurde, fand dagegen eine unbedeutende Zunahme der landwirtschaftlichen Bevölkerung um 1,7 Prozent statt. Die einzige Ausnahme in der oben-erwähnten Rangkorrelation zwischen dem Intensivierungsgrad der Landwirtschaft und Entwicklungsdynamik der landwirtschaftlichen Bevölkerung bildete das Kulmer Land, das heißt die Kreise Graudenz (Grudziądz), Kulm (Chełmno), Thorn (Toruń), und Briesen (Wąbrzeźno), wo die Landwirtschaft sehr intensiv betrieben wurde, andererseits aber die besonders hier stark konzentrierte Parzellierungstätigkeit der preußischen Ansiedlungskommission eine relativ starke Verschiebung in der Agrarstruktur zugunsten der bäuerlichen Mittel- und Großbetriebe und dadurch eine zeitweise Vergrößerung der Bevölkerungskapazität in der Landwirtschaft dieses Gebiets zur Folge hatte.

Diese Verschiebungen der Agrarstruktur zugunsten der Mittel- und Kleinbauernbetriebe und nicht die statisch betrachtete Agrarstruktur selbst, bildeten einen Faktor, der die allgemeine Tendenz zur Verminderung der landwirtschaftlichen sowie ländlichen Bevölkerung schwächte. Diese Erscheinung konnte man besonders in den westlich der Weichsel gelegenen westpreußischen Kreisen beobachten, in denen infolge der relativ niedrigen Rentabilität des landwirtschaftlichen Großbetriebes (sehr schlechte Böden) sowie der starken Nachfrage nach Boden seitens der dort sesshaften Saisonarbeiter, die für die Zeit von der Frühling bis zum Herbst nach die Zuckerrübenbaugelände in mittleren Reichsgebieten

abwanderteten, eine relativ starke Parzellierung der Großgüter im Ganzen oder ihrer Außenländereien erfolgte.

Die statistische Analyse weist dagegen für die einzelnen Kreise im Rahmen aller Teilgebieten Nordpolens keine Rangkorrelation zwischen der Anteil des Großbetriebes in der landwirtschaftlichen Nutzfläche und der Entwicklungsdynamik der landwirtschaftlichen und ländlichen Bevölkerung auf. Das beweist, daß die statisch betrachtete Agrarstruktur selbst keinen aufschlaggebenden Einfluß auf die Stärke der Abwanderung aus der Landwirtschaft ausgeübt hat.

Eine sehr große Rolle als Triebkraft für die Abwanderung von überschüssigen Landbevölkerung spielte die wirtschaftliche und soziale Lage der hiesigen Landarbeiterschaft, die den Hauptstrom der Abwanderer aus der Landwirtschaft und vom Lande in diesem Gebiete bildete. Das Überangebot an Arbeitskräften, das mit diesem Bevölkerungsüberschüß verbunden wurde, ermöglichte der Großgrundbesitzern und Großbauern die Erhaltung des relativ niedrigen Lohnniveaus in der Landwirtschaft und andererseits auch die Arbeitslosigkeit der Landarbeiter zur Folge hatte. Das war besonders bis in die siebziger Jahre sichtbar, als die Abwanderung der Landbevölkerung noch relativ schwach war und infolgedessen ein starker Überangebot an landwirtschaftlichen Arbeitskräften selbst in der Zeit der intensivsten Feldarbeiten, auch in der Erntezeit, vorhanden war. Seit den achtziger Jahren wurde dieses Überangebot hauptsächlich in der Zeit der verminderten Nachfrage an landwirtschaftlichen Arbeitskräften, insbesondere im Winter also, bemerkbar. In

dieser Jahreszeit war die Hauptmasse der nichtständigen Tagelöhner, der sogenannten freien Arbeiter monatelang arbeitslos.

Die nationale Zusammensetzung der Landbevölkerung beeinflusste ihrerseits die Entwicklungsdynamik dieser Bevölkerung nicht auf eine autonome Art, sondern gerade im engen Zusammenhang mit den Faktoren, welche die Verschiebungen in der Agrarstruktur zugunsten der Klein- und Mittelbauernbetriebe begünstigten, daß heißt in denjenigen Gebieten, wo die Intensivierung der Landwirtschaft erst die unterste Stufe erreicht hatte, insbesondere in den westlich von der Weichsel gelegenen westpreußischen Kreisen. Hier in der Kaschubei (Kaszuby) und im Gebiete der Tucheler Heide (Bory Tucholskie) mit Umgebung wäsen die Kreise mit überwiegend polnischer Bevölkerung einen Zuwachs der landwirtschaftlichen, sowie überhaupt der Landbevölkerung auf, wobei in den Kreisen mit überwiegend oder ausschließlich deutscher Bevölkerung, wie Schlochau (Człuchów) und Deutsch-Krone (Wałcz), die Anzahl der landwirtschaftlichen, sowie Landbevölkerung bedeutend zurückging. Andererseits aber zum Beispiel zwei Nachbarkreise - Birschau (Tczew) und Berent (Kościerzyna) - von denen der erste zum Gebiet der hochintensivsten Landwirtschaft und der zweite mit zehn anderen westpreußischen westlich von der Weichsel gelegenen Kreisen zum Gebiet relativ am extensivsten betriebenen Landwirtschaft gehörten, weisen jedoch bei demselben Prozentsatz der polnischen Bevölkerung vollkommen entgegengesetzte Tendenzen der Bevölkerungsentwicklung auf. In den Jahren 1895-1907 hat die land-

wirtschaftliche Bevölkerung im Kreise Dirschau um 13 Prozent abgenommen, im Kreise Berent dagegen hat der Zuwachs dieser Bevölkerung etwa 12 Prozent betragen.

Die Stärke der Landbevölkerungsabwanderung war bedeutenden Schwankungen unterworfen. Nach einem Anstieg am Anfang der siebziger Jahre hat diese Abwanderung bedeutend abgenommen. Die nächste Zeitperiode einer verstärkten Abwanderungsbewegung in Nordpolen begann mit dem Ende der achtziger Jahren und setzte sich mit kurzer Unterbrechung in einigen Krisen- Depressionjahren fast bis zum Jahre 1914 fort. Diese Fluktuation in der Stärke der Abwanderungsbewegung hing eng mit den konjunkturbedingten Schwankungen der Aufnahmefähigkeiten in den Zuwanderungsgebieten zusammen, gemeint sind die westlichen und mittleren Reichsgebiete, sowie bis Anfang der neunziger Jahre die Vereinigten Staaten von Amerika.

Die Wanderungen der Landbevölkerung von Nordpolen innerhalb der Heimatprovinzen umfaßten die Migrationen innerhalb Landwirtschaft, darunter die Saisonabwanderungen in die Gebiete mit intensiver Wirtschaft, insbesondere in die Gebiete Weichselwerder, Weichselniederung und Kulmer Land, sowie die Abwanderung in die Großstädte und Industriezentren Ost- und Westpreußens. Die letztgenannte Art der Abwanderung spielte aber nur eine unbedeutende Rolle im Rahmen der gesamten Abwanderung der Landbevölkerung. Es wurde durch die relativ schwache Entwicklung der Industrie und anderer Außerlandwirtschaftlicher Bereiche in West- und Ostpreußen verursacht. Auch die Beschleunigung im Entwicklungstempo der

west- und ostpreußischen Industrie an der Jahrhundertwende spielte in dieser Hinsicht keine relevante Rolle, weil diese Entwicklung nicht genügend die Aufnahmefähigkeiten für die überschüssige landwirtschaftliche Bevölkerung erweitert hatte. Die Nettozuwanderung der nichtlandwirtschaftlichen Bevölkerung West- und Ostpreußens betrug in den Jahren 1880-1895 4 Prozent und in den Jahren 1895-1910 nur 12 Prozent der Nettoabwanderung der landwirtschaftlichen Bevölkerung dieses Gebiets. In dieser Lage konzentrierte sich die Abwanderung der landwirtschaftlichen und Landbevölkerung Nordpolens hauptsächlich auf Übersee und auf die Industriegebiete und Großstädte in westlichen und mittleren Reichsgebieten.

Die Abwanderung nach Übersee, im Grunde genommen, die Auswanderung nach Vereinigten Staaten Nordamerikas, die größere Ausmaß bereits seit den fünfziger Jahren des 19. Jahrhunderts angenommen hatte, bildete die Hauptform der Abwanderung der ost- und westpreußischen Landbevölkerung über die Grenzen des Deutschen Reichs hinaus. Die Auswanderung nach dem Königreich Polen und nach Rußland spielte jedoch schon in den sechziger Jahren eine unbedeutende Rolle. Die Stärke der überseeischen Auswanderung aus Nordpolen war durch die Konjunkturschwankungen in der Wirtschaft der Vereinigten Staaten bedingt. Die Zunahme der überseeischen Auswanderung aus Nordpolen fiel mit dem Beginn der siebziger und der ersten Hälfte der achtziger Jahren wie dem Beginn der neunziger Jahren zusammen. In der überseeischen Auswan-

derung aus Nordpolen war der Anteil der Landarbeiterfamilien und einzelner Landarbeiter am größten. Einen weiteren selektiven Faktor bei dieser Auswanderung bildete auch die nationale Zusammensetzung der Bevölkerung wenigstens bei Auswanderung aus Westpreußen. Hierüber legt der stärkere Anteil von Deutschen unter den Auswanderern Zeugnis ab.

Im Rahmen der Abwanderungen in die mittlere und westliche Reichsgebiete kann man zwei verschiedene Type dieser Bewegungen feststellen. Eine nach ihrer Stärke untergeordnete Rolle spielten die Saisonwanderungen in die Zuckerrübenbaugebiete. Diese landwirtschaftlichen Wanderarbeiter kamen hauptsächlich aus jenen Gebieten West- und Ostpreußens, in denen spezifische Verhältnisse die Aufrechterhaltung dieser Wanderungsform begünstigten. Solche Gebiete waren die Kaschubei (Kaszuby), Tucheler Heide (Bory Tucholskie) mit Randdörfern und das westliche Masuren (Mazury). Dort waren relativ viel Zwerg- und Kleinbauernbetriebe im Besitze von Wanderarbeitern oder ihrer Eltern. Diese Wanderarbeiter waren also mit ihrer heimatlichen Scholle verbunden und andererseits die Waldarbeiten sowie die Holzindustrie gaben dort die größeren Möglichkeiten, im Winterzeit eine Beschäftigung zu finden, als anderswo auf dem Lande der Fall wäre. Diese Winterarbeiten bildeten eine saisonartige Ergänzung zu der Beschäftigung in der Landwirtschaft der mittleren Reichsgebieten. Eine grundsätzliche Bedeutung für die Wanderungen der Landbevölkerung Nordpolens in die mittlere und westlichen Reichsgebiete hatten jedoch die ständige Abwanderung, die

Zeit- sowie teilweise auch die Saisonwanderungen in die Städte und Industriezonen dieser Gebiete, die seit den siebziger Jahren bedeutendere Ausmaße angenommen hatten. Diese Wanderungen bildeten die Hauptform des Bevölkerungsabganges aus der Landwirtschaft und vom Lande in Ostpreußen, wobei sie in Westpreußen erst in den neunziger Jahren einen derartigen Charakter angenommen haben. Für die letztgenannte Provinz nahm in der gesamten erforschten Periode Berlin und seine Vororten den ersten Platz ein, während das Ruhrgebiet erst nach der zweiten Stelle lag. Für Ostpreußen, insbesondere für Masuren (Mazury) hat die Abwanderung nach Rheinland-Westfalen eine grundsätzliche Bedeutung seit den neunziger Jahren des neunzehnten Jahrhunderts gewonnen. Zwischen der Stärke der Abwanderung in die mittleren und westlichen Reichsgebiete und den Konjunkturzyklen in der deutschen Wirtschaft läßt sich ein deutlicher Zusammenhang aufzeigen. Der Hauptstrom der Abwanderer in diese Gebiete bildeten die ländliche Arbeiter beiderlei Geschlechts.

Die Abwanderung der Landbevölkerung wirkte erheblich auf die Lage in der Landwirtschaft Nordpolens. Diese Abwanderung in Verbindung mit der wachsenden Diskrepanz im Ausmaße der Sommer- und Winterarbeitsbedarfs, hatte eine Erscheinung zur Folge, die als relativer Arbeitermangel bezeichnet werden muß. Dieser Mangel an Arbeitskräften in der Landwirtschaft Nordpolens kam in der Zeit verstärkter Feldarbeiten ganz allgemein zum Vorschein. Ferner ergaben sich wachsende Schwierigkeiten, den Bedarf an solchen Kategorien von Landarbeitern zu

decken, wie ländliches Gesinde und jugendliche Gutsarbeiter - die sogenannten Hofgänger. Das hing mit einem besonders starken Anteil der Jugendlichen an der Abwanderung aus der Landwirtschaft und vom Lande Nordpolens zusammen. Dieser relativer Mangel an jugendlichen Arbeiter im Zusammenhange mit der steigenden Intensivierung der Landwirtschaft hatte die bedeutende Umschichtung der Landarbeiterschaft in Nordpolen zur Folge. In den Jahren 1882-1907 ist der Anteil der unterheirateten ständigen landwirtschaftlichen Arbeiter von 36 auf 30 Prozent der gesamten hauptberuflich erwerbstätigen Landarbeiterschaft West- und Ostpreußens gesunken. Die Gesamtheit der obererwähnten Landarbeiterschaft hat sich in dieser Zeitperiode von 574 auf 431 Tausend Personen, also um ein Viertel verringert. Es führte auch zur starken Abminderung des Anteils von Landarbeiterschaft in der gesamten hauptberuflich landwirtschaftlichen Bevölkerung dieser Gebiete. Die landwirtschaftliche Arbeiterbevölkerung hat in den Jahren 1882-1907 von 1 248 Tausend auf 916 Tausend Personen und die gesamte landwirtschaftliche Bevölkerung West- und Ostpreußens von 2 026 auf 1 812 Tausend Personen verringert, was bedeutete, daß der Anteil der Arbeiterbevölkerung von 62 auf 51 Prozent der Gesamtheit gesunken hat.

EINIGE UMRISSE DES GRUNDBESITZES UND DER LANDWIRTSCHAFT IN ESTLAND AM ENDE DES 19. UND AM ANFANG DES 20. JAHRHUNDERTS

Jaan Konks

Einleitung

Von der Mitte des 19. Jahrhunderts an mit dem Übergang zur kapitalistischen Produktionsweise finden ziemlich wesentliche Veränderungen in der Landwirtschaft von Estland statt. Die wichtigste Veränderung war vielleicht der Verkauf des Bauer- und Hoflandes, wodurch die Güter zusätzliche Ressourcen für die Reorganisierung der Gutswirtschaft auf neuen Grundlagen bekommen sollten. Neben dem Großlandeigentum entstand nun das sogenannte Kleinlandeigentum, das hauptsächlich den Bauern gehörte. Die Entstehung des neuen Landeigentums war mit der allmählichen Verselbständigung vieler und vieler Bauernwirte eng verbunden. Doch der Weg dazu war ziemlich schwer, denn der Weg des Kapitalismus in der hiesigen Landwirtschaft war der von V.I. Lenin bezeichnete preussische Weg.¹ Die Güter bekamen zusätzliche Ressourcen auch durch die Verpachtung ihrer Länder. Nach dem Jahre 1868 begann hier die Geldpacht zu dominieren. Doch die Fron und andere Pachtformen hatten auch weiterhin gewisse Bedeutung für die Hofswirtschaft. Die Gutsherren exploitierten auch weiterhin schwer die Bauernschaft, nur die Exploitationsformen veränderten sich.

Gleichzeitig mit den Veränderungen in dem Grundbesitz, im Zusammenhang mit der Entwicklung der neuen Produktionsweise verstärkte sich, auch die ganze landwirtschaftliche Produktion und erreichte vor dem ersten Weltkrieg ein beträchtliches Niveau. Die Kriegsjahre brachten aber einen Rückschlag.

Die in diesem zusammenfassenden Artikel behandelten Probleme sind in verschiedenen Werken berührt worden. Eine

ausführliche Behandlung des Verkaufs der Bauer- und Hofsländereien in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts stammt von E.v. Bodisco². Seine Angaben sind auch in diesen Artikel benutzt worden. Ausführliche Angaben über den Grundbesitz in Estland in den Jahren 1900 - 1917 gibt nur das Staatliche Historische Zentralarchiv in Tartu³, bis zum Jahre 1919 aber verschiedene statistische Materialien. Die im Zusammenhang mit der folgenden Agrarreform publiziert wurden. In diesem Artikel hat man sich hauptsächlich auf die von J. Öisman gegebenen Angaben gestützt.⁴ Über die landwirtschaftliche Produktion ist Wertvolles und Interessantes in verschiedenen Werken⁵ angeführt.

Doch in diesem Artikel stützte man sich hauptsächlich auf die noch nicht benutzten Angaben, die man in manchen älteren statistischen Publikationen⁶ finden kann.

1. Der Verkauf des Bauer- und des Hofslandes

Die abgeteilten und verkauften Gesindestellen bestanden nur aus dem Bauerlande oder hauptsächlich aus dem Bauerlande. Im letzten Fall enthielten sie auch einen gewissen Teil des Hofslandes. Die veräußerten Gesindestellen konnten auch aus purem Hofsland oder hauptsächlich aus dem Hofsland bestehen. Im letzten Fall enthielten sie auch etwas von dem Bauerlande.

In Estland begann die Abteilung und der Verkauf der Gesindestellen auf dem Bauerlande im Jahre 1854. Bis zum Jahre 1899 waren 10 372 Gesindestellen mit dem Areal von 370 70403 Dessätinen abgeteilt und hauptsächlich durch den Verkauf zu neuen Eigentümern übergegangen. Davon waren 368 530,32 Dessätinen Bauerland. Da das gesamte Bauerland in diesem Jahre auf 706 911,98 Dessätinen berechnet war, machte das veräußerte Bauerland davon 52,12 % aus.⁷

Auf dem Hofslande begann die Abteilung und die Veräußerung des Landes schon im Jahre 1806. Am Ende des Jahrhunderts waren schon 1367 Gesindestellen mit dem Areal von

24 829,36 Dessätinen abgeteilt und veräußert worden. Davon waren 121,62 Dessätinen Bauerland. Da aber bei der Abteiling der Parzellen auf dem Bauerlande diesen 2304,69 Dessätinen des Hofslandes übergegangen waren, so waren summarisch 27 012,43 Dessätinen des Hofslandes abgeteilt.⁸ Die Preise des Landes stiegen mit den Jahren. Durchschnittlich waren sie auf dem Hofslande höher als auf dem Bauerlande. Der ganze Verkaufspreis des Bauerlandes mit dem zusätzlichen Hofslande war 24 314 395 Rbl. 36 Kop.⁹ Der ganze Geldwert des verkauften Hofslandes zusammen mit dem zusätzlichen Bauerlande betrug 1979626 Rbl. 81 Kop.¹⁰ In den ersten Decennien des 20-ten Jahrhunderts machte die Veräußerung des Landes neue Fortschritte. In den Jahren 1900 - 1917 gingen auf dem Bauerlande 7998 Gesindestellen mit dem Areale von 230 049,94 Dessätinen zum Privateigentum über.¹¹ Dazu gehörten 228 368,12 Dessätinen des eigentlichen Bauerlandes, d.h. 32,31 % von dem im Jahre 1899 berechneten Bauerlande. Im ganzen waren von der Mitte des 19. Jahrhunderts an 18 370 Gesindestellen auf dem Bauerlande abgeteilt. Zusammen mit dem zusätzlichen Hofslande gehörten ihnen 600 753,97 Dessätinen. Das eigentliche Bauerland machte darin 596 898,44 Dessätinen aus, d.h. 84,44 % von dem im Jahre 1899 berechneten Bauerlande.

Die Abteilung und der Verkauf des Hofslandes in den Jahren 1900 - 1917 vollzog sich in größerem Maße als früher. Veräußert wurden überhaupt 3309 Parzellen mit dem Areale von 53 690,23 Dessätinen.¹² Dazu gehörten 1145,10 Dessätinen des Bauerlandes. In diesem Zeitraume waren aber 2826,92 Dessätinen des Hofslandes zu den abgeteilten Gesindestellen auf dem Bauerlande übergegangen. Überhaupt waren 55 372,05 Dessätinen des Hofslandes zu den Gesindestellen abgeteilt worden. Es ist bemerkenswert, daß sich die Abteilung und die Veräußerung des Gesindestellen auf dem Bauerlande in größerem Maße in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts vollzog, auf dem Hofslande aber in den Jahren 1900 - 1917. Der Verkaufspreis des Hofslandes war auch diesmal höher als der des

Bauerlandes und in den ersten Dezennien des 20-sten Jahrhunderts höher als im 19. Jahrhundert.

Der Geldwert der verkauften Gesindestellen auf dem Bauerlande betrug von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis zum Jahre 1917 insgesamt 43 940 094 Rbl. 66 Kop. Davon fielen 19 625 699 Rbl. 30 Kop. auf die Jahre 1900 - 1917. Der Durchschnittspreis einer Dessätine für die ganze Periode betrug 73 Rbl. 34 Kop. Der Gesamtpreis des Hofslandes mit dem zusätzlichen Bauerlande betrug 5 930 294 Rbl. 19. Kop., somit etwas mehr als im 19. Jahrhundert. Der Gesamtwert der verkauften Parzellen auf dem Hofslande mit dem zusätzlichen Bauerlande betrug für die ganze Verkaufsperiode 7 909 926 Rbl., und der durchschnittliche Preis einer Dessätine war 100 Rbl. 73 Kop.

Die Bauern konnten gewöhnlich nicht die ganze Verkaufssumme, sondern nur einen Teil davon in barem Gelde auszahlen. Im Jahre 1911, als der Verkauf des Bauerlandes überhaupt am intensivsten betrieben wurde, bezahlte der Bauer in Estland in barem Gelde durchschnittlich 15,83 % des Gesindewertes, dem Gutsherren blieb man schuldig 30,62 %.¹³ Für den übrigen Teil der Kaufssumme wurde den Bauern Kredit gewährt durch die Estländische Adlige Kreditkasse oder durch die Bauernbank und Donbank.

2. Der Groß- und Kleingrundbesitz, die Groß- und Kleinlandwirtschaft in Estland

Wie schon früher erwähnt, entstand in Estland mit den Jahren neben dem Großgrundbesitz auch Kleingrundbesitz, der hauptsächlich den Bauern gehörte. Das Größenverhältnis zwischen den beiden Grundbesitzformen veränderte sich mit der Zeit. Um die Mitte des 19. Jahrhunderts dominierte der Großgrundbesitz fast vollständig.

Im Jahre 1899, beim landwirtschaftlichen Areal von 1 758 271,02 Dessätinen, gehörten dem Großgrundbesitz 1 365 813,87 Dessätinen, d.h. 77,7 % des Bodenbestandes, und

dem Kleingrundbesitz 392 457,87 Dessätinen, d.h. 22,3 % des Bodenbestandes.¹⁴ Im Jahre 1918, am Vorabend der im nächsten Jahre beginnenden Agrarreform, gehörten von dem damaligen auf 1 768 672 Dessätinen berechneten landwirtschaftlichen Areal dem Großgrundbesitz 1 093 425 Dessätinen, d.h. 61,82 %, dem Kleingrundbesitz 675 247 Dessätinen, d. h. 38,18 %.¹⁵ Somit war der Großgrundbesitz etwas zurückgegangen, doch war er immerhin dominierend.

Die wirtschaftliche Benutzung des Großgrundbesitzes vollzog sich hauptsächlich in Form der Großlandwirtschaft. Ein Teil des Großgrundbesitzes wurde doch verpachtet. Mit der Zeit, mit der Veräußerung des Landes verringerte sich der Anteil des verpachteten Landes. Im Jahre 1899 wurde von den dem Großgrundbesitz gehörenden 1 365 813,87 Dessätinen als Großlandwirtschaft 884 285,33 Dessätinen,¹⁶ d.h. 64,74%, benutzt. Der nichtabgeteilten Kleinlandwirtschaft gehörten 481 528,54 Dessätinen, d. h. 35,26 %. Der ganzen Kleinwirtschaft gehörten 873 985,69 Dessätinen. Davon gehörten 392 457,¹⁵ Dessätine dem Kleingrundbesitz, d.h. 44,90 %, und 481 528,54 Dessätinen, d. h. 55,10 %, der nichtabgeteilten Kleinlandwirtschaft. Von dem ganzen Grundbesitz gehörten 50,29 % der Großlandwirtschaft und 49,71 % der Kleinlandwirtschaft. Im Jahre 1918 wurde von den dem Großgrundbesitz gehörenden 1 093 425 Dessätinen 846 946 Dessätinen als Großlandwirtschaft benutzt, d. h. 77,4 %. Verpachtet waren 246 478 Dessätinen, d. h. 22,6 %. Nach der Zahl der Dessätinen war die Großlandwirtschaft zurückgegangen, doch im Großgrundbesitz war ihr Anteil prozentmäßig gestiegen. Der ganzen Großlandwirtschaft gehörten am Vorabend der Agrarreform 47,8 %, der Kleinwirtschaft aber 52,2 % von dem gesamten landwirtschaftlichen Areal. Somit war die Position der Kleinlandwirtschaft im Vergleich mit dem Jahre 1899 etwas stärker geworden. Ihr gehörte mit 921 721 Dessätinen das Übergewicht. Von diesen Dessätinen gehörten 675 247, d. h. 73,25 %, dem Kleingrundbesitz, 246 476 Dessätinen gehörten aber den Pachtstellen.

Wie verteilte sich das landwirtschaftliche Areal zwischen der Groß- und Kleinlandwirtschaft hinsichtlich der wirtschaftlichen Benutzung oder Nichtbenutzung, das zeigen die folgenden Angaben in Prozenten.

	Der Acker	Die Wiese	Die Weide	Zusammen	Der Wald	Das untaugliche Land
Großlandwirtschaft	38,95	27,64	25,06	30,07	84,55	76,54
Kleinlandwirtschaft	61,05	72,36	74,94	69,93	15,45	23,46

Daraus ist zu ersehen, daß der Acker, die Wiese und die Weide vorwiegend der Kleinlandwirtschaft, der Wald und das untaugliche Land aber Großlandwirtschaft gehörten.

3. Die landwirtschaftliche Produktion

Der Übergang zum Kapitalismus brachte eine Intensivierung der Landwirtschaft mit sich. Sowohl die Gutsbesitzer, wie auch die Bauernwirte strebten nach größerem Einkommen. Um das zu erreichen, mußte man gewisse Veränderungen in der Produktion durchführen. Es ist bemerkenswert, daß die Milchwirtschaft immer größere Bedeutung neben der Getreideproduktion gewann. Das forderten die Marktbedingungen. In der Agrotechnik versuchte man die neuen Forderungen zu beachten und die nötigen Verbesserungen durchzuführen. Als Grundstein für Weitergehen diente aber die Steigerung der Effektivität der Arbeit. Ohne landwirtschaftliche Maschinen war aber hier nicht viel zu erreichen. Wie die folgenden Angaben zeigen, war auf diesem Gebiet Merkwürdiges erreicht worden. Im Jahre 1867 gab es in Estland überhaupt 1147 landwirtschaftliche

Maschinen,¹⁷ im Jahre 1910 aber schon 15 661. So war die Zahl der Dreschmaschinen von 453 auf 7793, die Zahl der Sämaschinen von 451 auf 2905, die Zahl der Schnitter von 21 auf 2455, die Zahl der Mäher von 53 auf 2857 gestiegen. 10 550 Maschinen oder 67,36 % von der Gesamtzahl gehörten den Bauernhöfen, 5511 Maschinen oder 32,64 % gehörten den Gütern.¹⁸ Vergleicht man aber die Zahl der Maschinen mit der Saatfläche (berücksichtigt ist die Saatfläche des Roggens, des Weizens, der Gerste und des Hafers), so sind die Güter in besserer Lage als die Bauernhöfe. Die Saatfläche pro eine Maschine war in den Bauernhöfen größer als in den Gütern. Auch besaßen die Güter gewöhnlich größere Maschine. So dominierten in den Gütern vollständig die Dampfdreschmaschinen, in den Bauernhöfen aber die Pferdedreschmaschinen.

Als Zeichen für das Wachstum der landwirtschaftlichen Produktion ist die Erhöhung der Ergiebigkeit der landwirtschaftlichen Kulturen. Vor dem ersten Weltkrieg gehörte Estland zu denjenigen Gouvernements des Europäischen Rußlands, wo die Ergiebigkeit höher war, als der Durchschnitt der 50 Gouvernements. Das zeigen die folgenden Angaben über den Ertrag der Hauptkulturen von einer Dessätine in Puden.¹⁹

In Estland

Kulturen	Die Jahre 1901-1910		Die Jahre 1911-1915	
	Beim Bauern	In Gütern	Beim Bauern	In Gütern
Winterroggen	68	76	81	86
Winterweizen	76	82	85	93
Hafer	53	61	58	67
Gerste	64	69	67	72
Kartoffel	668	648	694	731

In 50 Gouvernements des Europäischen Rußlands

Kulturen	Die Jahre 1901-1911		Die Jahre 1911-1915	
	Beim Bauern	In Gütern	Beim Bauern	In Gütern
Winterroggen	50	61	59	70
Winterweizen	57	64	70	78
Hafer	50	58	55	65
Gerste	51	57	56	62
Kartoffel	410	455	495	554

Aus den in der Tabelle angeführten Daten ist zu sehen, daß die Ergiebigkeit sowohl in Gütern als auch bei den Bauern gestiegen ist. Die Ergiebigkeit in Gütern war etwas höher als in Bauernhöfen. Es ist bemerkenswert, daß man in Estland im Jahre 1915 in Gütern durchschnittlich 1028 Puden, in Bauernhöfen aber 1023 Puden von einer Dessätine erntete. Im Jahre 1912 wurde in einem Gute in Estland sogar 225,9 Puden Weizen von einer Dessätine geerntet.²⁰

Beachtenswert entwickelte sich in Estland der Kartoffelbau. Das geschah im Zusammenhang mit der Branntweinerzeugung. In Branntweinerzeugung stand Estland unter den Gouvernements des russischen Imperiums an der ersten Stelle. Mit der Zeit wurden die Gesamternten in den Bauernhöfen größer, als sie in den Gütern waren. Im Jahre 1913, z. B. erreichte die Gesamternte in Bauernhöfen 2 118 879, in Gütern - 1 468 659 Tschetwerten.²¹ In der Entwicklung der Milchviehwirtschaft waren natürlich die Güter an der Spitze. Großer Wert wurde auf die Vergrößerung der reinen Rassenherden gelegt. Nach der Enquête des Jahres 1912 gab es in 396 Gütern überhaupt 42 732 Milchkühe. Davon waren 46 % reinblutige, 37 % halbreinblutige Zuchttiere, 13 % veredeltes und 4 % gewöhnliches Landvieh. Der Milchertrag von den Kühen war verschieden. Nach der genannten Enquête war der durch-

schnittliche Jahresertrag an Milch für eine Kuh in 16 Gutswirtschaften bis 1000 Stof, in 79 Gutswirtschaften 1000 - 1500 Stof, in 182 Gutswirtschaften 1500 - 2000 Stof, in 96 Gutswirtschaften 2000 - 2500 Stof, in 23 Gutswirtschaften über 2500 Stof. In einem Gute war aber der Jahresertrag an Milch pro Kuh 3300 - 3400 Stof, in einem anderen 3100 - 3200, im dritten - 2400 - 3000 Stof.²² Mit den Jahren wuchs auch die Zahl der Molkereien. In den sechziger Jahren gab es in Estland nur eine Molkerei, im Jahre 1912 aber schon 144. Für sie hatte man 24 407 639 Stof von 2157 Wirtschaften,²³ unter denen es auch Bauernwirtschaften gab, gebracht. Mit der Entwicklung der Viehwirtschaft brauchte man mehr Kraftfutter und auch mehr Füttergras und Futterwurzelfrüchte. Ihr Anbau wurde erweitert. Die Güter gingen hier voran. Im Jahre 1912 war der Ertrag des Feldgrases in den Gütern 2 617 173, in den Bauernhöfen 1 953 669 Pud, der Ertrag der Futterwurzelfrüchte in den Gütern 1 278 891, in den Bauernhöfen aber 1 149 514 Pud.²⁴

x

Die Veränderungen in der estländischen Landwirtschaft beseitigten nicht den Kampf der Bauernschaft gegen die Gutsherren. Verschiedene Schichten der Bauernschaft wurden von den Großgrundbesitzern verschieden exploitiert, und deswegen waren auch ihre Kampfziele ziemlich verschieden.

Der erste erschütternde Schlag auf die Gutsbesitzer kam mit der Revolution von 1905 - 1907. Entscheidend gewaltiger war aber der Schlag von der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution. Lenins Agrardekret machte dem Großlandbesitz und der Machtposition des Adels ein Ende. Da aber die Sowjetmacht in Estland nur provisorisch existierte, so wurde auch die vollständige Verwirklichung des genannten Dekrets unterbrochen. Doch die Zeit des gutherrlichen Großgrundbesitzes war vorüber. Die bürgerliche Estnische Republik restaurierte das Privateigentum des Landes. Doch mit dem vor der Konstituierenden Versammlung im Jahre 1919 angenommenen

Agrargesetz wurde den verschiedenen Gütern, der Kirche usw. gehörender Großgrundbesitz liquidiert.

- 1 V.I. Lenin. Teosed, 13. köide, lk. 211.
- 2 E.v. Bodisco. Das Bauerland Verkauf in Estland und Materialien zur Agrar-Statistik Estlands. Reval 1902. (Weiterhin: E.v. Bodisco).
- 3 Staatliches Historisches Zentralarchiv der Estnischen SSR (Weiterhin: SHZ). Fond 854, Verzeichnis 5. Archiveinheiten 268, 269, F. 1185, Verz. 2, Arch. 149, F. 40, Verz. 1, Arch. 407, usw.
- 4 J. Öisman. Maareformi teostamine Eestis. (Die Verwirklichung der Agrarreform in Eesti.) "Eesti Statistika", 1922, nr. 6 - 8 (Weiterhin: "Eesti Statistika").
- 5 Eesti ajalugu II köide. (Die Geschichte der Estnischen SSR. Bd. II) Tallinn 1963.
A. Kõörna. Suure Sotsialistliku Oktoobrirevolutsiooni majanduslikud eeldused Eestis. (Die Wirtschaftlichen Voraussetzungen der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution in Estland.) Tallinn 1961.
K. Siilivask. Veebruarist Oktoobrini 1917. (Von Februar bis Oktober 1917.) Tallinn 1972.
Revolutsioon, kodusõda ja välisriikide interventsioon Eestis. I köide. (Revolution, Bürgerkrieg und Intervention der ausländischen Staaten in Estland. Bd. I) Tallinn 1977 usw.
- 6 Обзор Эстляндской губернии за 1912 и 1913 гг.
Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Петроград 1917 (Weiterhin: Сборник статистико-экономических сведений).
Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 году. С.-Петербург, 1913.
(Weiterhin: Сельскохозяйственные машины) usw.
- 7 E.v. Bodisco. Tabelle I,e und SHZ F. 854, Vert. 5. Arch. 268, Bl. 414.
- 8 E.v. Bodisco. Tabelle IV,e.
- 9 Ibidem. Tabelle II,e.
- 10 E.v. Bodisco. Tabelle V,e.
- 11 Die Angaben - SHZ. F. 854, Verz. 5, Arch. 268, Bl. 410 - 419.

- 12 Die Angaben - SHZ. F. 854. Verz. 5, Arch. 268. Bl. 424-427.
- 13 Die Angaben - SHZ. F. 40, Verz. 1, Arch. 407, Bl. 222-227.
- 14 E.v. Bodisco. S. 196.
- 15 "Eesti Statistika", lk. 49.
- 16 E.v. Bodisco. S. 196.
- 17 Die landwirtschaftliche Statistik von Ehstland im Jahre 1867. nach Kirchspielen zusammengestellt. Reval 1871. S. 69.
- 18 Die Angaben für Zusammenfassung - Сельскохозяйственные машины.
- 19 Die Angaben - Сборник статистико-экономических сведений.
- 20 SHZ. F. 1185, Verz. 2. Arch. 149, Bl. 2.
- 21 Обзор Эстляндской губернии за 1913 г.
22. E.v. Bodisco. Rindviehzuchtenquête des Estländischen Landwirtschaftlichen Vereins vom Jahre 1912. Reval 1913, S. 110 - 112.
- 23 Обзор Эстляндской губернии за 1912 г. Таб. 22.
- 24 Ibidem.

Т. РОЗЕНБЕРГ

СОСТАВ МЫЗНЫХ РАБОЧИХ ЮЖНОЙ ЭСТОНИИ В
КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В конце XIX - начале XX века Прибалтийские губернии принадлежали к тем районам Российской империи, где капитализм в сельском хозяйстве был наиболее развит. В то же время в сельском хозяйстве Прибалтики огромную роль играло мизное хозяйство. Накануне первой мировой войны в Лифляндской губернии в руках помещиков находилась третья часть сельскохозяйственных угодий и столько же посевных площадей, а произведенная имениями продукция составляла примерно треть продукции сельского хозяйства губернии.¹ Наличие сильного мизного хозяйства во многом определило всю систему производственных и социальных отношений.

В Южной Эстонии (Тартуский, Вырусский, Вильяндиский и Пярнуский уезды), как и во всей Лифляндской губернии, имения были крупными и представляли собой многоотраслевые хозяйства, сочетание сельскохозяйственного производства с промышленной переработкой продуктов сельского хозяйства и местного минерального сырья. В структуре мизного хозяйства в конце XIX - начале XX века произошли заметные изменения. Характерные для мизного хозяйства того времени расширение и интенсификация производства определили изменения и в составе мизных рабочих.

Так же, как имения, являвшиеся в хозяйственном отношении

многоотраслевым организмом, весьма многообразной была и мыз-
ная рабочая сила. Среди рабочего и служащего населения именней,
по положению, роду занятий и вознаграждению этого населения,
можно выделить несколько групп.

Подробнее о составе мызных рабочих позволяют судить архивные
материалы отдельных сохранившихся мызных фондов. Данные 13 име-
ний, извлеченные из хозяйственных книг, отчетов, рабочих журна-
лов и договоров, представлены в таблице I. Более общими, не ох-
ватывающими всех групп мызных рабочих, являются официальные
(поездные) данные о составе служащего в 1897 году в мызных хо-
зяйствах Лифляндской губернии рабочего населения, собранные гу-
бернским статистическим комитетом (табл. 2).

Администрация

Для управления все усложнявшимся хозяйством необходим был хо-
рошо организованный аппарат. В состав мызной администрации вош-
ли управляющие, бухгалтеры, надсмотрщики, лесничие и специалис-
ты — управляющие мызными предприятиями. Эту высокооплачиваемую
и привилегированную по сравнению с другими работниками прослой-
ку в составе мызного пролетариата учитывать нельзя. В общем же
числе всего занятого в мызном хозяйстве рабочего населения эта
прослойка составляла около 5%.

Прислуга

Понятие мызная прислуга является довольно широким. По ста-
рой традиции под прислугой понимались все люди, занятые управ-
лением и обслуживанием господского дома и всего мызного хозяй-
ства, в том числе также и администрация и мызные ремесленники

Таблица I

Состав мнзних работников 13 имений вжной Эстонии в конце XIX - начале XX века (число и %)^x

Администрация	Прислуга	Ремесленники	Рабочие в животноводстве	Полевые рабочие		Сезонные рабочие		Лесники и садоводы	Рабочие мнзных предприятий	Всего
				Депутаты	Ланд-кнехты	Покет-кнехты	и др.			
66	90	68	189	320	92	315	62	72	43	1317
5,0	6,8	5,2	14,3	24,3	7,0	23,9	4,7	5,5	3,3	100,0

^x Имения Куремаа, Пала, Кезри, Сангасте, Уус-Камбья, Таммисте, Саатъярве, Рапина, Вана-Пылтсамаа, Выйзигу, Тарвасту, Пагкяла, Уус-Кариште.

Таблица составлена по данным ЦГИА ЭССР, ф. II86, оп. 2, д. 9, 10, 20, 24, 25; ф. I348, оп. I, д. 393; ф. I349, оп. 2, д. I38; I362, оп. I, д. I2; ф. I370, оп. I, д. 23; ф. I388, оп. I, д. 550; ф. I392, оп. I, д. 250; ф. I809, оп. 2, д. 22j; ф. I874, оп. I, д. 3009.

Таблица 2

Состав служащего в мызных хозяйствах Лифляндской губернии
в 1897 г. рабочего населения (число и %)¹

Часть губер- нии	Число мызных хозяйств		Прислуга		Годовые рабочие		Личн- кнхтн зерннх работнх		Сезонные рабочие		Личн- кнхтн	
	в коих име-											
	вообще	полн- кнхтн	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Всего												
Дужная Земля	421	69	238	1764	1973	6581	3998	3978	680	595	636	1035
	100,0	16,4	56,6	8,3	9,3	31,0	18,8	18,7	3,2	2,8	3,0	4,9
Видеи	501	259	187	2057	2387	3790	2943	3611	2623	598	933	958
	100,0	51,7	37,3	10,3	12,0	19,0	14,8	18,1	13,2	3,0	4,7	4,8

¹ Таблица составлена по: Материалам для статистики Лифляндской губернии, 29 изд.,
вып. 3, Рига 1899, табл. 25.

(табл. 2), которых мы выделяем отдельно. К прислуге в прямом смысле принадлежали экономки, повара, кухарки, лакеи, горничные (по сравнению с первой половиной XIX века всех вышеперечисленных встречалось меньше), кучера, садовники, сторожа и др. Мызная прислуга, составляла около 5-10% постоянных работников, являлась самой пестрой их частью как по положению, так и по зарплате.

Ремесленники

Из мызных мастеров в имениях чаще встречались кузнецы (с распространением применения машин значение кузнецов все возрастало), плотники, столяры, каретники, портники и др. Появились и машинисты. Как правило, ремесленникам не разрешали работать на других заказчиков, кроме имения, которое платило им обычно твердо установленную годовую плату и требовало в случае надобности исполнения также и других работ. Мызные мастера составляли около 5% рабочих и были больше наемными рабочими-специалистами, чем мелкотоварными производителями, как основная часть сельских ремесленников. Зарплата мызных мастеров значительно превышала зарплату основной массы рабочих, занятых в животноводстве и полеводстве.

В целом в имениях насчитывалось немало специализированных рабочих и служащих, доля которых достигала около 20% всех постоянных работников.

Рабочие в животноводстве

В конце XIX - начале XX века имения превращались из хозяйств, производящих зерно, в хозяйства, в которых ведущей отрас-

лью являлось животноводство. Особенно быстро росли мызные стада, состоявшие, как правило, из высокопродуктивных пород скота, требующего особо тщательного ухода.

В имениях с хорошо поставленным молочным хозяйством, где стадо насчитывало около 200 голов, нанимали специального "скотекормщика" (Futtermeister), который отвечал за правильный прокорм, уход за стадом, своевременную отправку качественных молочных продуктов на продажу, вел журналы учета скота, корма и дойки и определял жирномолочность. Отчасти эти же обязанности выполняли скотники (или скотницы), которые имелись в каждой мызе и подмызке. Под их руководством работали разнорабочие скотного двора, пастухи и доярки. Обычно на 20-30 дойных коров мызного стада имелся один скотник или рабочий, не считая доярок. Доярками были, как правило, жены мызных рабочих. Их нанимали на год, на несколько месяцев, случалось, что и поженно. Зарплата рабочих скотного двора была несколько выше чем у полевых рабочих, главным образом вследствие круглогодичного характера работы без выходных дней (4 свободных дня в год).

Задачей коневодства было обеспечение хозяйства тягловой силой. К началу XIX века имения были хорошо обеспечены рабочим скотом. Если в выборке из 21 имений в 1866 году на одну лошадь приходилось в среднем 12,6 десятин мызной пашни, то к 1907 году обеспеченность возросла почти на одну треть (8,6 десятины).² За рабочими лошадьми ухаживали конюхи с помощниками. В имении было в среднем 2-3 конюха, с приблизительным расчетом - один конюх на 20 лошадей. Конюхи следили также за исправностью сбруи, телег и саней, часто выполняли и шорные работы. Рабо-

чие, занятые в животноводстве, составляли вслед за полевыми рабочими вторую по численности группу мызных рабочих, и их значение постоянно росло.

Полевые рабочие

Хотя полеводство, где на первое место выдвинулось производство кормов, было подчинено интересам высокотоварного молочного животноводства, оно осталось по валовой стоимости продукции и по числу занятых рабочих основной отраслью в имениях. Самой многочисленной группой годовых полевых рабочих являлись депутаты и ландкнехты.³ Самой типичной фигурой среди мызных рабочих к началу XIX в. остались депутатисты, которые имелись почти в каждом имении. Зато редко встречались в мызах холостые батраки. По данным рабочих договоров и расчетных книжек, к началу XIX в. наблюдались попытки повысить в имениях трудовую занятость и интенсифицировать труд депутатистов: распространялись подневная и сдельная формы оплаты последних. Некоторые изменения намечались и в положении ландкнехтов. Если в 1860-х гг. почти повсеместно от них требовали 3-х дневной работы на мызе в неделю в течение всего года, то на рубеже столетий во многих имениях от них стали требовать выполнения точно определенных работ, так что большая часть отработываемых на мызе дней совпадала у них со страдной порой. Однако в общем капиталистически развитом мызном хозяйстве Прибалтики к началу XIX в. существовали еще отработки первого вида как прямой пережиток барщины, когда мызные работы выполнял крестьянин - хозяин, используя свой инвентарь и рабочий скот. В некоторых имениях значительную часть из общей суммы рабочих дней, нужных для выполнения полевых работ,

все еще давали крестьянские хозяйства на мызной и квотной земле.⁴ Более определенно об отработках позволяют судить данные об использовании (табл. 2). По сравнению с 1860-ми годами число имений, применявших труд полузерников, к концу века значительно увеличилось, как будто компенсируя потерю отработок крестьян — дворохозяев, которые становились собственниками.⁵ Больше, чем в Южной Эстонии, отработочные формы найма были распространены в латышских уездах Лифляндской губернии. Каждое второе видземское имение имело полузерников, и в более чем в одной трети имелись ландкинехты. Из всех полезных работников мужского пола, не считая прислуги и лесных сторожей, оплачивались:

	деньгами и депутатом	землей	испольно
в Южной Эстонии	58,5%	35,4%	6,1%
в Видземе	41,3%	34,0%	24,7%

Применявшиеся формы найма показывают, что в Южной Эстонии помещичье хозяйство велось более интенсивно, чем в Видземе. Часть мызных рабочих, численность которой трудно установить и о деле которой наименее известно, являлись поденщиками (табл. 2 они не отражены). Интенсификация и расширение производства требовали дополнительной рабочей силы. Имения нуждались прежде всего в поденной работе. В первую очередь старались привлечь к мызной работе за поденную оплату всех трудоспособных членов семей мызных рабочих —депутатистов, ландкинехтов, ремесленников и др. Для этого часто при заключении договоров использовали прямой нажим.⁶ Однако в основном поденщиками являлись бобыли. Это был пестрый народ, живший на разных правах

на окраинных землях мизы или на крестьянской земле.⁷ Многие из боковых были наняты мизой заранее и связаны особыми условиями. Кроме них, имелись еще и свободные поденщики. Местами скопления таких рабочих рук стали города и местечковые поселения. Имена, находившиеся вблизи таких центров, могли всегда рассчитывать, что найдутся люди, готовые прийти на мизу даже в отрадную пору.⁸ На базе поденщины при полевых работах стал распространяться подрядный или артельный наем, который ранее использовался главным образом на строительных работах. Встречались случаи, когда между мизным управлением и подрядчиком заключались контракты на выполнение целого комплекта полевых работ.⁹

Постараемся теперь хоть приблизительно, на примере нескольких имений определить, каков был удельный вес каждой категории полевых рабочих в реальном рабочем процессе (табл. 3). Хотя в каждом имении это было по-разному, некоторые выводы сделать можно.

В составе рабочей силы самой отличительной чертой является рост поденщины. Доля поденщиков увеличилась в несколько раз, и в начале XIX в. они выполняли еще более 20% всех полевых работ. Более чем вдвое возросло применение рабочей силы членов семей постоянных рабочих, жены и дети которых являлись по существу тоже поденщиками (хотя были наняты заранее, на договорных основах). На их долю приходилось тоже около 20% работ. Итак, на плечи годовых рабочих в общем легло около 60% полевых работ.

При сравнении данных 21 имения 1880 и 1907 гг. (к сожалению, мы были вынуждены сделать выборку по разным имениям),¹⁰ броса-

Таблица 3

Распределение рабочих дней на полевых работах между
разными группами рабочих

Число ло- жи- ний	Год	Депутаты				Их жены				Ландельгиты				Их жены				Поденщики				Крестьянский арендаторы				Всего дней			
		дней	%	дней	%	дней	%	дней	%	дней	%	дней	%	дней	%	дней	%	дней	%	дней	%	дней	%	дней	%	дней	%	дней	%

20 ^х	1980	106640	60,4	13850	7,8	40744	23,1			6316	3,6	8900	5,1	176450															
6 ^{хх}	конец 1890-х годов	28473	49,1	9417	16,2	5382	9,3	2141	3,7	12578	21,7	-	-	58827															

Имени Каротна, Рийдаа, Каруби, Вильянди, Перя, Пароти, Пуяту, Карула, Лакхусе, Сьрга-
вере, Каркои, Поили, Куриста, Парси, Тапику, Нйзу, Варди, Хейнтали, Курессааре, Вана-Ка-
ристе. - Подсчитано по данным анкет Парну-Вильяндского сельского хозяйства:
ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, д. 602.

Имени Куремаа, Вийзюку, Кээрй, Сангасте, Таммисте, Пала: - Подсчитано по данным ра-
бочих журналов: ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 2, д. 24; ф. 1349, оп. 2, д. 157; ф. 1362, оп. 1,
д. 60; ф. 1388, оп. 1, д. 550; ф. 1389, оп. 2, д. 19; ф. 1374, оп. 1, д. 2986, 2982.

ется в глаза некоторое уменьшение обеспеченности имений постоянной рабочей силой. Если в 1880 году на одного годового полевого рабочего приходилось в среднем около 11,5 десятины мизной земли, то в 1907 году соответствующий показатель был равен 14,1 десятине. С одной стороны, это объясняется расширением площади мизных полей. С другой стороны, можно предполагать уменьшение абсолютного числа годовых рабочих.^{II} В то же время, несмотря на интенсификацию труда и применение машин, потребности мизного хозяйства в рабочей силе все росли.

Сезонные рабочие

В конце XIX - начале XX в. в мизном хозяйстве встречалось все больше работ, которые были связаны с расширением хозяйства и разными нововведениями. Много внимания стали уделять земельным улучшениям. Совершенно новой отраслью производства в имениях являлась добыча торфа - как для отопления, так и для подстилки скоту.¹² Как правило, все эти работы имели сезонный характер и выполнялись сдельно. На эти работы нанимались главным образом бобыли. К сезонным рабочим относились и строительные рабочие. В конце XIX - начале XX в. во многих имениях велось широкое строительство, вызванное прежде всего нуждами быстро развивающегося животноводства.

Рабочие в лесном хозяйстве

В рассматриваемый период одним из важнейших источников доходов крупных частных и казенных хозяйств стали леса. В некоторых крупных хозяйствах леса выделялись даже в самостоятельные хозяйственные единицы, со своим управлением и кассой. Развитие лесоводства и лесопромышленности сопровождалось ростом

лесорубов. Вопрос об обеспечении лесничества рабочей силой поднимался уже в 1878 г. на собрании Лифляндского лесного общества в Риге, где решили создать контингент постоянных лесорубов.¹³

Рабочие мызных предприятий

В состав мызных рабочих следует отнести и тех рабочих, которые были заняты на лесопильных, на винокуренных, пивоваренных, кирпичных и маслозаводах. По своему характеру эти предприятия являлись сельскохозяйственными, и многие из них работали сезонно. Рабочий состав мызных предприятий в течение года был весьма различен как по численности, так и персонально, и рабочим приходилось нередко часть прожиточного минимума зарабатывать на других работах.

Вместе взятые, рабочие, занятые в вышепересмотренных вспомогательного и промышленного характера отраслях мызного хозяйства, составляли около 10-15% всего мызного пролетариата.

Вопрос рабочей силы

Развитию капиталистического мызного хозяйства и росту различных работ в нем сопутствовал рост мызного пролетариата, прежде всего за счет поденных и сезонных рабочих. В конце XIX - начале XX в. значительно расширился свободный рынок рабочей силы, где спрос стал постоянно превышать предложение, так что мызное хозяйство попадало во все большую зависимость от рынка.

В вопросе рабочей силы можно отметить несколько кризисных моментов. В 1860-70-х гг. в связи с переходом на наемный труд трудности были связаны с созданием нового контингента мызных рабочих. Как помещики, так и рабочие должны были привыкать к

новым условиям: первые покупать, вторые -- продавать рабочую силу. На страницах периодики обсуждались вопросы, какие формы найма следует предпочитать, как привязывать рабочих к мызе и земле, не дешевле ли ввозить немецких колонистов.

1880-1890-е годы явились периодом некоторой стабилизации рабочего вопроса. Однако в конце 1890-х гг. на страницах периодики стали появляться первые признаки тревоги о том, что нехватка рабочих в мызных хозяйствах станет всеобщей.¹⁴ Это было понятным, если иметь в виду, что за последнюю четверть XIX в. сельское население росло незначительно, а доля сельскохозяйственного населения в нем быстро уменьшалось. Этому содействовали рост городов и миграционные процессы.

Революция 1905-1907 гг. основательно потрясла эстонскую деревню, и рабочий вопрос встал перед помещиками со всей серьезностью. Снова пытались разрешить его с помощью ввоза иностранных сельских рабочих, как и в 1860-х гг., однако эта повторная попытка провалилась.

С этого момента до начала первой мировой войны и Октябрьской революции самой острой проблемой в мызном хозяйстве была постоянная нехватка рабочих. Разрешился этот вопрос лишь много лет спустя и совсем по-другому, чем это представляли себе помещики.

¹ Балевица Л.Н. О структуре и доходности дворянских имений Лифляндской губернии накануне первой мировой войны. - В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966 г. Таллин, 1971, с. 445.

² Имена Таммисту, Кокора, Ропка, Ряни, Пийскопи, Рингу, Ряпина, Тарвасту, Олуствере, Яска, Аймла, Ызу, Пери, Рийдая, Ливе, Хельме, Паткюла, Ууе-Каристе, Сауга, Аудру, Линди. - ЦГИА ЭССР, ф. 1427, оп. 1, д. 139-192; ф. 1185, оп. 2, д. 8-25.

³ См. подробнее: Розенберг Т. Переход имений на наемный труд и формирование прослойки мызных рабочих в Южной Эстонии в 1860-х годах. - "Известия Академии наук Эстонской ССР. Общие научные науки". 1977, № 3.

⁴ Например, в имении Пуурмани в 1890-х г. арендаторы выполняли не менее одной трети всех полевых работ (ЦГИА ЭССР, ф. 1427, оп. 1, д. 191).

⁵ Розенберг Т. Указ. соч., с. 265.

⁶ Например, в имении Кеэри в 1893 г. требовали, чтобы жена депутатиста работала на мызе за поденную плату 80 дней летом и 20 дней зимой. В 1903 г. требовали уже 100 дней летом и 30 дней зимой (ЦГИА ЭССР, ф. 1362, оп. 1, д. 12).

⁷ Лиги Х. Бобыли и мыза в Эстонии (XVI - начало XIX в.). - В кн.: Проблемы развития феодализма и капитализма в странах Балтики. Тарту, 1975, с. 319.

⁸ Например, в 1906 г. жители местечка Тярва за поденную плату выполняли в имениях Хельме около 23% и в Паткюла - около 12% всех уборочных работ. В имении Вана-Пийтсамаа в течение лета 1900 г. поденщиками работали около 100-130 жителей местечка. Поденщиков использовали там в течение всего года и они выполняли около 40% всех мнзных работ (ЦГИА ЭССР, ф. II85, оп. 2, д. 9; ф. I348, оп. I, д. 393).

⁹ Например, в имении Вийзигу в 1890 г. 25 человек во главе с подрядчиком нанимались на обмолот хлебов (ЦГИА ЭССР, ф. I349, оп. 2, д. I67).

¹⁰ ЦГИА ЭССР, ф. II85, оп. I, д. 602; оп. 2, д. 8-25.

¹¹ Например, в Вана-Пийтсамааской мызе в 1891 г. насчитывалось 74 и в 1904 г. 61 депутатист. В имениях Вийзигу в те же годы было соответственно 31 и 22 и в Сангасте - 40 и 35 депутатистов (ЦГИА ЭССР, ф. I348, оп. I, д. 382, 393; ф. I349, оп. 2, д. I58, I67; ф. I874, оп. I, д. 2970, 3009).

¹² Очерки экономической истории Латвии 1860-1900. Рига, 1972, с. 261.

¹³ "Baltische Wochenschrift" 1880, N 24.

¹⁴ "Baltische Wochenschrift" 1898, N 12.

¹⁵ По приблизительным подсчетам, начиная с 60-х годов прошлого века и до начала XX века в другие губернии России из Эстонии переселилось не менее 11% сельского населения (Моора Л.А. и А.Х. К вопросу об историко-культурных подобластях и районах Прибалтики. - "Советская этнография", 1960, № 3, с. 38).

С. КИВИМЯЭ

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В ПРИБАЛТИКЕ
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Переход от одной формации к другой всегда сопровождается периодом острых политических конфликтов и напряженной классовой борьбы. Таким образом, развитие происходит и тогда, когда правящим классам удастся при помощи реформ держать в своих руках руководство социально-экономическим развитием. Подобная напряженная ситуация затянувшегося перехода сложилась во второй половине и особенно в конце XIX в. в царской России, которую В.И. Ленин характеризовал как страну, где развивался самый передовой промышленный и финансовый капитализм, а на селе было самое отсталое землевладение и преобладали феодальные пережитки. Еще в 1908 г. В.И. Ленин подчеркивал, что это противоречие "глубже всего объясняет русскую революцию"¹.

Противоречие между этими двумя сферами быстро углублялось и обострялось. Одной из главных проблем для царского правительства было преодоление (или, по крайней мере, смягчение) этого противоречия, чтобы можно было и в дальнейшем продолжать традиционную политику определенных уступок и приспособлений, но без революционных потрясений. В условиях аграрного кризиса на исходе века обнаружился кризис дворянско-крепостнической аграрной политики царизма, суть которого заключалась в невозможности настоя-

ними методами обеспечить победу т.н. прусского пути развития капитализма в сельском хозяйстве России.² Царское правительство было больше всего обеспокоено потерями дворянского землевладения во внутренних губерниях. Хотя аграрный вопрос стал центральным объектом обсуждения в правительственных учреждениях и на совещаниях, принципиальных изменений в аграрной политике и практике не произошло.

Размах революции явно выражал крах такой политики царизма. В 1914 г. В.И. Ленин писал: "Движение 1905 года исторически характеризуется именно тем, что громадное большинство населения России, именно крестьянство, выдвинуло земельный вопрос на самое первое место".³ Для борьбы против революционного движения царское правительство использовало прежде всего репрессивные методы, но довольно существенную роль имели при этом и реформы. В области аграрной это была политика, известная в исторической литературе под названием столыпинской реформы, хотя главные ее принципы были выработаны еще до того, как П.А. Столыпин стал во главе правительства. В.И. Ленин четко определил, что "и правительство, осуществляя в системе 3-го июня союз помещиков и верхушки буржуазии, центром своей политики сделало именно земельный вопрос (насильственное разрушение общинного землевладения и насаждение частной собственности на наделенную землю, преимущественно в хуторской системе)".⁴

В данном случае нас интересует, какие различия проявились при проведении политики царизма между центральными русскими и Прибалтийскими губерниями. В обоих регионах аграрное развитие шло по прусскому пути, но с большими местными особенностями.

Если в великорусских губерниях довольно строгий и внимательный контроль со стороны центральной администрации сочетался с обязательной для крестьян точной регламентацией местной сельской жизни (и в связи с этим, менее глубокой социальной дифференциацией), то в Прибалтике доминировало влияние местных сословных органов и развитие аграрных отношений было таково, что крестьянство полностью подпадало под произвол помещиков, обеспечивая им грабительские доходы от крестьянских земель. Но вместе с тем, это сопровождалось и выделением, с одной стороны, довольно сильной сельской буржуазии, а с другой — безземельного сельского пролетариата, больше всего угнетаемого помещиками. В реальной исторической действительности сложились как бы две модели аграрного развития по прусскому пути. Местное дворянство стремилось доказать царскому правительству, что его модель не только экономически эффективна, но и обеспечивает социальный мир. Вокруг этих основных проблем шла аграрно-политическая борьба на рубеже XIX—XX вв. Однако, уже около полусот лет царское правительство существенно не вмешивалось в аграрную политику прибалтийского дворянства, законодательной основой которой, вплоть до Октябрьской революции, являлись крестьянские законы 1849, 1856, 1860 и 1865 гг., определив окончательно крестьянское хуторское землепользование.⁵

В начале XX в. в Эстонии насчитывалось около 50 тыс. хуторян (в том числе на крестьянской земле казенных имений — 6 тыс.), пользовавшихся более чем по 10 дес. земли. Основным потенциалом крестьянской земельной собственности являлась крестьянская земля вместе с квотной/шестидольной рыцарских имений, что составляло в Эстонии лишь 43% всех земель относящихся к частной соб-

ственности, также крестьянская земля казенных имений. Мучительный выкупной процесс крестьянских участков протекал неравномерно и продолжался еще в большей части страны, особенно в северной Эстонии и на островах. Арендные крестьяне, преимущественно на мизной и кватной/мествидольной земле, представляли собой ни-рекий слой порабощенного мизной крестьянства. Но социальный облик эстонской деревни лучше всего характеризует тот факт, что основная масса — 2/3 сельского населения — была вообще лишена земли. В.И. Ленин указывал, что для существования зажиточного крестьянства необходимо образование контингента сельских рабочих и эксплуатация наемного труда.⁶ Так в рамках прусского пути довольно быстро образовалось и развивалось крестьянское фермерское хозяйство, которому содействовало наличие еще целого ряда объективных обстоятельств (в среднем большой размер крестьянских участков, широкая сеть путей сообщения, близость рынка).⁷ Прибалтийский хуторянин, намного больше, чем крестьянин в великорусских губерниях, располагал возможностью проявить при усилившейся конкуренции капиталистическое предпринимательство.

Но формирование зажиточного крестьянства в Прибалтике затянулось из-за феодальных пережитков, в первую очередь сохранения монополии дворянского помещичьего землевладения, бывшего гораздо большим, чем в других краях государства, и тесно связанной с этой системы земского самоуправления. Не завершалось и складывание чисто капиталистического помещичьего хозяйства. Аграрное развитие в Прибалтике шло по наихудшему варианту прусского пути и за половину столетия не одержало победы.⁸

В политике паризма проблемы Прибалтики отодвинулись на задний план, так как здесь не наблюдалось значительных аграрных

волнений, а статистические данные о продукции сельского хозяйства показывали постоянный рост. Отчасти этому способствовала одержанность прибалтийских рыцарств, целью политики которых было любым путем сохранить *statu quo*, и довольно влиятельное положение их представителей в правящих кругах. Пока происходила продажа крестьянских земель по "свободным договорам", что по существу являлось выкупом феодальных повинностей, помещики не желали особых изменений в аграрном законодательстве и стремились лишь получить большую свободу распоряжаться принадлежащей им землей (право продавать крестьянскую землю фидейкомиссных имений, а также квотную/шестипольную землю и др.).

Фактически на рубеже веков аграрный вопрос в Прибалтике стоял на повестке дня в правительстве по инициативе местных губернаторов. Ссылаясь на медленное формирование крестьянской земельной собственности, с одной стороны, и безземелье, с другой, губернаторы неоднократно пытались заставить правительство заняться этим вопросом. Деятельность, основанного в 1882 г., Крестьянского поземельного банка вообще не планировалось распространять на Прибалтийский край. Но в 1896 г. такое предложение высказал в своем рапорте Лифляндский губернатор В.С. Суровцов, мотивируя это необходимостью упорядочения аграрных отношений и улучшения материального положения крестьян.⁹ Предложение было отвергнуто собственноручно царем. В следующем году Эстляндский губернатор Е.Н. Скалон предложил то же в отношении Эстляндской губернии, или просил хотя бы оказать конкретное содействие в деле поземельного устройства, по его выражению "изданна проживающих в Везенбергском (Вирумааском - С.К.) уезде Иллукской волости коренных русских крестьян", вынужденных покупать свои арендные участки.¹⁰

После этого министр внутренних дел И.А. Горемыкин обратился за содействием к министру финансов С.Ю. Витте, и в виде опыта Крестьянский банк выдал этим крестьянам ссуду под залог уже купленных ими земель.¹¹

Витте разделял мнение Горемыкина распространять действие Крестьянского банка на Прибалтийские губернии. Соответствующий проект Управлением банка в 1900 г. был внесен в особую комиссию, в которой участвовали представители министерств внутренних дел, юстиции, финансов, земледелия и государственных имуществ, Эстляндский и Курляндский губернаторы.¹² В течении последнего десятилетия это было собрание с наибольшим количеством участников на таком уровне, когда специально ставились на обсуждение аграрные проблемы Прибалтики. В комиссии возникло существенное разногласие по вопросу: прекратить ли операции местных кредитных дворянских обществ по выдаче ссуд под залог крестьянских участков, сосредоточив это исключительно в руках Крестьянского банка, или нет. Основным соображением при этом являлось то обстоятельство, что сколь велики бы не были выгоды извлекаемые заемщиками банка при предоставлении им ссуд для выкупа участков, при свободной конкуренции кредитных дворянских обществ, эти выгоды в действительности могли бы оказаться очень незначительными, так как выбор кредитного учреждения при заключении сделок по продаже преимущественно зависел от помещиков. На совещании было высказано определенное мнение, что для последних интересы кредитных дворянских учреждений гораздо важнее удобств и выгод крестьян. Такая постановка вопроса отличалась от аграрно-политической линии банка, который, в первую очередь,

защищал экономические интересы помещиков.¹³

Так как в Прибалтийских губерниях крестьянин имел свободу отчуждения и залога своих земель, кроме того, по местному порядку наследования участок переходил к одному лицу, существенным представлялся и вопрос о внесении изменений в уставной порядок действия банка (в частности, не ограничивать выдачу ссуд по ст. 97 Устава банка и допускать свободно залоги под уже купленные крестьянами земли). Окончательного решения совещание не приняло. Витте считал, что необходимо еще подробнее выяснить существующие условия ипотечного кредита и всесторонне ознакомиться с особенностями крестьянского землевладения в губерниях.¹⁴

Вопрос о расширении деятельности Крестьянского банка имел важное политическое значение. Прибалтийские крупные землевладельцы-дворяне, державшие в своих руках весь поземельный кредит в крае, пока упорно возражали против банка и особенно его права раздроблять родовые имения. Сохранение своей земельной собственности было для них вопросом жизни. Хотя в рассматриваемое время имело место сокращение земельной собственности дворян, решающего перелома в этой динамике не произошло. Дворяне сумели, преимущественно с помощью давно практикуемого поземельного кредита, держать этот процесс под своим контролем.¹⁵ Перестройкой деятельности Крестьянского банка в 1895 г. правительство пыталось теснее связать его с общим направлением аграрной политики самодержавия. Вовлечение Прибалтийского края в общеимперскую систему поземельного кредита дало бы центральной власти возможность влиять на местные аграрные отношения изнутри. Но самодержавие видело в прибалтийском дворянстве, сумевшем удержать в своих руках почти все

помещичьи землевладения в крае, пока свою надежную опору и не желало ущемлять его интересы, тем более, что поднятый губернаторами вопрос не был первостепенной важности, и кроме того, осуществление этого мероприятия потребовало бы значительных финансовых затрат.

Во всеподданнейшем отчете за 1902 г. Эстляндский губернатор А.В. Беллегарде вновь поднял данный вопрос, что обратило на себя внимание и царя. В подробном изложении дела к записке министра финансов В.Н. Коковцева, представленной в 1904 г. по этому поводу в Комитет министров, многосторонне анализируется аграрное положение в Эстляндской губернии и в том числе говорится также о состоявшемся массовом переселении крестьян.¹⁶ Коковцев отмечал необходимость, хотя и несвоевременность включения Прибалтийских губерний в круг действия Крестьянского банка.¹⁷ Так как из-за войны размеры операций банка вообще сокращались, Особый комитет по делам земельного кредита предложил этот вопрос решить отрицательно.¹⁸

Аграрный вопрос в Прибалтике завладел вниманием правительства и по другой причине. От бывших государственных крестьян Курляндской губернии в Петербург поступало множество ходатайств, где они жаловались на безземелье и невыносимо трудное экономическое положение.¹⁹ В ходатайствах неоднократно встречается требование разделить крестьянам земли многочисленных в этой губернии казенных имений. Комитет министров, ознакомившись с делом, передал его вместе с извлечением из отчета губернатора Д.Д. Свербеева за 1899 г. министру земледелия и государственных имуществ. Губернатор считал опасным переселение безземельных крестьян, имев-

ших достаточно большие сбережения в банках, и предложили удерживать их на месте, разделив для них казенную землю на небольшие участки (10-15 дес.). Вместе с тем учитывались и создавшиеся трудности при сдаче в аренду мызных угодий казенных имений, а названный путь привел бы к более выгодному использованию этих земель и хотя бы временно отложил надвигающийся сельскохозяйственный кризис.²⁰ Витте поддержал сделанное предложение. Одновременно сочли нужным распространить на губернию действия Крестьянского банка, так как речь шла не только об аренде, но и о продаже участков.

Однако в ответ на это в 1902 г. Управление государственных имуществ Прибалтийских губерний распорядилось лишь в будущем сдавать казенные оброчные статьи в аренду без торгов,²¹ а имения сохранить в настоящем виде в земско-административных целях, в особенности, в связи с ожидаемым введением земств в крае. Казенные имения должны были сыграть немаловажную роль в земских делах как рычаги государственной политики.²² На этом вопросе был исчерпан.

Вслед за распоряжением правительства о необходимости крестьянского переселения и колонизации малонаселенных районов, прилегающих к Транссибирской магистрали, стали изучать возможности заселения принадлежавших казне лесных пространств в северных губерниях Европейской России. В данном случае предполагалось направлять туда переселенцев из Прибалтийских губерний, мотивируя это сходными климатическими условиями.²³

На местные недостатки и общую реакционную направленность аграрной политики прибалтийского дворянства все настойчивее ука-

звали и борющиеся за "единство православной империи" славяно-фили и представители местной государственной администрации, а также представители разных направлений поднимающейся эстонской и латвийской буржуазии. Политическая ситуация в начале века была сложная. Реальной силой становилась национальная буржуазия, которая одновременно с пролетариатом сформировалась как класс. В ходе Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902 г. буржуазия была вынуждена конкретизировать свою экономическую и политическую программу. При оценке существующего аграрного положения выяснились коренные противоречия между помещиками и крестьянами.²⁴ В предложениях крестьянских обществ земледельцев содержались требования преобразования крестной/шестидольной земли снова в крестьянскую, принудительной продажи крестьянской земли, в том числе и пасторатов, а также казенной земли по установленной цене при содействии Крестьянского поземельного банка, продажи меньших по размеру участков, чем зафиксированный законами минимум, установления арендной платы, отсрочки арендного срока, регулирования податей и повинностей и т.д. Помещики попрежнему утверждали, что аграрное положение в крае образцовое и реформы не нужны. Губернаторы признавали обоснованность крестьянских требований и в отчетах о работе губернских комитетов, хотя и сдержаннее, высказывались за необходимость аграрных реформ.

В связи с работой этого совещания Эстляндский губернатор Беллегарде неоднократно бывал у Витте. Привлекает внимание его замечание, что Витте отнесся с большим интересом к сделанным предложениям, но не скрывал, что не имеет абсолютно никакого поня-

тия о положении в Прибалтийской окраине.²⁵

Точку зрения губернаторов можно оценить как политику лавирования, которое вскоре стало характерной чертой всей политики царизма. Довольно непоследовательное выступление за вмешательство правительства в местное аграрное положение свидетельствует о напряженных отношениях и углублении разногласий между представителями государственной власти и рыцарствами. Первые гораздо лучше понимали изменение расстановки классовых сил. Предлагаемые ими незначительные мероприятия правительство оставило без должного внимания, отчасти по финансовым и сложившимся внутри- и внешнеполитическим причинам.

В результате особого размаха революции в Прибалтике, край попал в орбиту внимания правительства. В качестве первого союзника промышленного пролетариата здесь выступил многочисленный сельскохозяйственный пролетариат. Но Витте, как видно из его доклада по аграрному вопросу 10 января 1906 г., считал, что хотя в Прибалтийских губерниях революционное движение может еще резко проявиться, но через несколько недель с ним удастся справиться, "насколько оно не связано с аграрным вопросом".²⁶ Такая оценка движения совпадает с концепцией прибалтийских помещиков и свидетельствует о позитивном отношении со стороны Витте к аграрному строю Прибалтики. Из яркого приверженца общины Витте, руководя Особым совещанием о нуждах сельскохозяйственной промышленности, стал уже убежденным ее противником.²⁷ Его план по аграрной перестройке России, который явился прямым предшественником столыпинской реформы, базировался на признании необходимости преобразования крестьянского наделного землевладения в

буржуазную собственность и делал ставку уже не на все крестьянство, а на его зажиточную верхушку. Таким образом Витте следовал аграрным принципам прибалтийского дворянства. В докладах губернаторов можно найти более достоверное понимание характера и причин революционного движения.

Став самостоятельнее, бюрократический аппарат уже летом 1905 г. взялся за проекты реформ в Прибалтике. В связи с тысячами новых петиций, поступающих от крестьян казенных волостей, реорганизованное Главное Управление землеустройства и земледелия под руководством либерального Н.Н. Кутлера обязало начальника Прибалтийского Управления обратить внимание на каждое ко-дантайство и изыскать возможности для раздачи части казенных имений.²⁸ Констатируя особую остроту земельного вопроса и различия форм землевладения в Прибалтике было решено образование здесь государственного земельного арендного фонда, в то время когда свободные казенные земли в Европейской России предназначались к продаже при содействии Крестьянского банка. 13 марта 1906 г. царь утвердил этот проект.

Разбивка казенных земель на мелкие крестьянские участки затяннулась и оказалась очень ограниченной как по своим возможностям, так и по результатам. В Прибалтийском Управлении государственных имуществ считали это лишь палиативным мероприятием, а в использовании арендного фонда нашла выражение русификаторская политика царизма в Прибалтийском крае.²⁹

Важнейшим государственно-капиталистическим рычагом воздействия на жизнь столыпинской аграрной реформы стал Крестьянский банк. Переворот в аграрной политике царизма в Прибалтике был

поддержан и открытием отделений банка во всех трех губернских городах в июне 1906 г. Деятельность банка развернулась довольно широко, так как крестьяне спешили воспользоваться возможностью избавиться от ипотечных долгов, а также таким путем заплатить сонаследникам. Да и помещики стали предлагать банку купить свои неоднократно заложенные имения, в основном, непроданную крестьянскую землю. Это мероприятие царизма носило явно классовый характер и содействовало расширению зажиточного крестьянского землевладения.

Но правительство и контрреволюционные партии возлагали особенно большие надежды на форсированное переселение крестьян. Разрешение свободно переселяться на льготных условиях нашло в Прибалтике, среди безземельных, живой отклик. Около десяти тысяч эстонцев отправились в Сибирь. В рамках переселенческой кампании правительство осуществило и идею заселения северных краев Европейской России переселенцами из Прибалтики.

Таким образом, внедрение столыпинской реформы в Прибалтийском крае в силу особых аграрных условий и отношений произошло несколько специфически, и, по сравнению с русскими губерниями, изменения не были столь существенны. Меры, принятые царским правительством, частично отвечали требованиям крестьянства, но не смогли смягчить остроту земельного вопроса, так как основная часть земли по-прежнему оставалась в руках помещиков. Прибалтийское дворянство в принципе было против всех этих мер, но могло быть довольно: хотя оно понемногу утрачивало свои господствующие позиции в экономической и политической жизни края, самодержавие не собиралось посягать на его основные привилегии.

Введение земств в связи с противодействием рыцарств было также пока парализовано. Лишь в дальнейшем, с развитием столыпинской политики, проявляется некоторое наступление царизма на прибалтийские рыцарства.

Пред историю революции 1905-1907 гг. в сфере аграрной политики царизма в Прибалтике можно рассматривать как прекрасный пример того, насколько узко царизм пытался решить проблему перехода от отягощенного остатками феодализма капитализма к более развитому капитализму. Революция самым убедительным образом продемонстрировала тщетность таких попыток. Но и проведенные в последующий период меры не привели к значительным сдвигам в аграрном строе края. Царизм использовал сложившуюся ситуацию, чтобы сыграть на противоречиях между дворянством и национальной буржуазией, но в принципе защищая интересы дворянства.

¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 16, с. 417.

² См. Симонова М.С. Кризис аграрной политики самодержавия накануне первой русской революции. - В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1962 г. Минск, 1964, с. 476.

³ Ленин В.И. ПСС. Т. 25, с. 238.

⁴ Там же.

⁵ Проведение в жизнь закона 12 июня 1886 г. о преобразовании оброчной подати бывших государственных крестьян в выкупные платежи (ПСЗ. Ш. № 3807) уменьшило разницу между бывшими част-

ными и государственными крестьянами и ускорило образование крестьянской земельной собственности в Лифляндской и Курляндской губерниях (в Эстляндии казенных владений почти не было). Указ 18 февраля 1893 г. (ПСЗ. Ш. № 9333) говорил о регулировании квотного/шестидольного вопроса, а до этого временно в основном прекратил продажу этих земель. Выделение такой категории из крестьянской земли было фиксировано в крестьянских законах в связи с истощением барщины в мызах.

⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. I, с. 61; Т. 3, с. 169.

⁷ См. также: Козин М.И. Некоторые проблемы аграрного капитализма в Латвии (вторая половина XIX в.). Доклад. П советско-шведский симпозиум. Москва, 11-13 апреля 1978 г.

⁸ См.: Kahk, J., Vassar, A. Lenini õpetus kapitalismi arenemise kahest teest põllumajanduses ja mõningaid Eesti agraarajaloo probleeme. - ENSV TA Toim. Ühiskonnateadused, 1970, 2, lk. 162; Козин М.И. Прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве Прибалтики в послевоенной советской исторической литературе. - В кн.: XXV съезд КПСС и задачи историков-аграрников. XVI сессия симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Тезисы докладов и сообщений. Кишинев, 29 сентября. 2 октября 1976 г. М., 1976, с. 88.

⁹ См.: ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 62, д. 94, л. 16.

¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 592, оп. 38, д. 13, л. 5 и д.

¹¹ ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 62, д. 94, л. 11.

I2 Обзор деятельности Крестьянского Поземельного Банка за 1883-1904 гг. СПб., 1906, с. 85.

I3 См.: Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX века. М., 1963, с. 317 и д. ; Симонова М.С. Крестьянский поземельный банк в системе общей аграрной политики самодержавия (1895 - 3. XI 1905 г.). - В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1966 год. Таллин, 1971, с. 471-478.

I4 Обзор деятельности Крестьянского Поземельного Банка за 1883 - 1904 гг., с. 86-87.

I5 См.: Кивимяэ С. Крупное землевладение в Эстляндской губернии в конце XIX - начале XX вв. - В кн.: Проблемы развития феодализма и капитализма в странах Балтики. Доклады исторической конференции (25-27 ноября 1975 г.). Тарту, 1975, с. 253-278.

I6 ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 62, д. 94, л. 15-50.

I7 Там же, л. 13.

I8 Обзор деятельности Крестьянского Поземельного Банка за 1883-1904 гг., с. 88.

I9 ЦГИА СССР, ф. 396, оп. 3, д. 448; оп. 2, д. 1418.

20 См.: ЦГИА СССР, ф. 396, оп. 3, д. 558, л. 3.

21 См.: Kivimäe, S. Riigimaade jaotamine kehvtalurahvale Eestis XX sajandi algul. - ENSV TA Toim. Ühiskonnateadused. 1975, 2, lk. 133.

- 22 ЦГА СССР, ф. 396, оп. 3, д. 558, л. 12.
- 23 Материалы и соображения по вопросу о колонизации свободных земель северо-западных губерний. СПб., 1902, с. 328 и др.
- 24 О работе Эстляндского и Лифляндского губернских комитетов см.: Karjahärm, T. 1902. aasta erinõupidamine ja Eesti kodanluse poliitiline programm Esimese Vene revolutsiooni eel. - ENSV TA Toim. Ühiskonnateadused. 1974, 1, lk. 37-47.
- 25 Bellegarde, A. V. Minu mälestusi Eestimaa kubernerina. Tartu, 1937, lk. 148.
- 26 Аграрный вопрос в Совете Министров (1906 г.). М.-Л., 1924, с. 70.
- 27 Симонова М.С. Кризис аграрной политики самодержавия накануне первой русской революции, с. 486, 488.
- 28 ЦГА СССР, ф. 396, оп. 3, д. 558, л. 44-45.
- 29 См.: Kivimäe, S. Riigimaade jaotamine kehvtalurahvale Eestis, lk. 138-147.

M. WOJCIECHOWSKI

DIE GRUNDLEGENDEN GESELLSCHAFTLICHEN UND
POLITISCHEN PROBLEME VON POMMERELLEN IN DER
ZEIT DES KAMPFES UM DIE VEREINIGUNG MIT POLEN
(1918-1920)

Das, Ende des 18. Jahrhunderts von Polen abgerissene, Pommerellengebiet war das Ziel intensiver Germanisierungs- politik seitens des preußischen Staates. Am Vortag des Aus- bruchs der Novemberrevolution in Deutschland gehörten die pommerellschen Landgebiete entlang des Weichsel-Unterlaufes der Provinz Westpreußen, derer Hauptstadt Gdańsk war. In der wirtschaftlichen Hinsicht charakterisierte sich Pomme- rellen (in der Fachliteratur mehrmals als Gdańsk-Pommern (Pomorze Gdańskie) oder Weichsel-Pommern (Pomorze Nadwiś- lańskie) bezeichnet), durch entscheidenden Übergewicht der Landwirtschaft über der Industrie. In Pommerellen führte man eine sehr intensive Landwirtschaft, wobei man sich haupt- sächlich in Roggen- und Kartoffelbau spezialisierte, in manchen Gegenden baute man aber auch mit Erfolg Zuckerrüben und andere Industriepflanzen an. Die pommerellische Land- wirtschaft stand auf einem hohen Entwicklungsniveau und ihre Erzeugnisse gelangten weit in das Deutsche Reich hinein. Die Industrie konzentrierte sich hauptsächlich auf dem nördlich-

en Landgebiet (Gdańsk, Elbląg - Danzig, Elbing), wobei vor allem Metallindustrie überwiegt (Werftindustrie) und auch Industriebetriebe, die für die Landwirtschaft produzierten (z. B. Landmaschinenindustrie in Grudziądz - Graudenz). Auf dem behandelten Gebiet hat sich auch die landwirtschaftlich-verarbeitende Industrie entwickelt (Zuckerfabriken, Brenner-eiindustrie, Stärkefabriken).¹

Der wirtschaftliche Charakter von Pommerellen hat die soziale Zusammensetzung der Bevölkerung dieses Gebiets bestimmt. Laut den statistischen Angaben für das Jahr 1907 waren nicht weniger als 57,6% der Gesamtheit der Berufstätigen mit der Landwirtschaft verbunden, dagegen nur 23,0% mit der Industrie. Unter den in der Industrie Beschäftigten fand die Mehrheit (44,9%) im Jahre 1907 Beschäftigung in kleinen Betrieben (die bis 20 Arbeiter anstellten). Aus den vorgelegten Zahlangaben ergeben sich bestimmte Folgerungen, die vor allem die Spezifität der pommerellischen Arbeiterklasse bestimmen lassen. So muß festgestellt werden, daß auf dem Pommerellengebiet größere Sammlungen von großindustrieller Arbeiterklasse nur in Gdańsk und Elbląg auftraten, teilweise auch in Grudziądz und Toruń. In den übrigen Städten war die Arbeiterklasse zahlenmäßig schwach vertreten und gegen die Auswirkungen der sozialistischen Bewegung unempfindlich.²

Das politische Hauptproblem von Pommerellen am Vortag der Novemberrevolution war die Nationalfrage und, strenger genommen, die Frage nach der späteren Zugehörigkeit dieses Gebietes zu einem Staat. Vom komplizierten Charakter dieser

Frage kann die Tatsache zeugen, daß infolge der jahrhundertelangen Germanisierungspolitik, die die Folge des deutschen "Drang nach Osten" war sich auf dem Pommerellengebiet wesentliche Änderungen in der räumlichen Verteilung der polnischen Bevölkerung vollzogen hatten. Demzufolge hat sich in den westlichen und östlichen Kreisen der Übergewicht der deutschen Bevölkerung herausgebildet. Es soll jedoch betont werden, daß der größte Teil von Pommerellen sich durch den Übergewicht der polnischen Bevölkerung charakterisierte (von Thorn bis zur Ostseeküste), und diese Tatsache - neben den historischen Gründen - bestimmte über das Recht der Polen auf diese Region.³

Die polnische und die deutsche Bevölkerung verblieben in zwei sich gegenüberstehenden politischen Lagern. Unter den Deutschen hatten die Rechtsparteien (konservative) den Vorrang, wobei eine ziemlich starke Unterstützung bei der deutschen Bevölkerung der antipolnische Deutscher Ostmarkenverein gewonnen hatte. Die polnische Seite trat nach Außen als ein einheitliches Nationallager auf, das als sein Hauptziel anfangs die Verteidigung des polnischen Besitzzustandes, später aber die Leitung der Tätigkeit zu Gunsten der Vereinigung mit Polen vor sich sah. Die Verhältnisse zwischen diesen zwei Völkergruppen in Pommerellen waren sehr gespannt, wobei der Brand der Feindlichkeit gleichzeitig mit der Annäherung des Weltkrieges zunahm. Der Grund des Anwachsens des Nationalantagonismus war die immer deutlicher werdende Möglichkeit des Wiederaufbaus des polnischen Staates mit Pommerellen in seinen Grenzen.

Angefangen im Jahre 1916 bekam das Problem der Wiedergründung des polnischen Staates einen internationalen Charakter. Die Proklamierung durch die Zentralstaaten des kampfartigen polnischen Staates (5. 11. 1916) gab den ersten Anstoß zu der Diskussion über die Frage der Gründung Polens. Zu dem polnischen Problem hat das russischen Revolutionslager in der Form der berühmten Erklärung des Petrograder Sowjets der Deputierten der Werktätigen und der Soldaten Stellung genommen. Vor allem soll die Stellungnahme der Großen Oktoberrevolution zu dem Problem des Rechtes des polnischen Volkes auf volle Souveränität hervorgehoben werden (eine besondere Beachtung verdient der Erlaß des Sowjets der Volkskommissare vom 29. 08. 1918 über das Annullieren der Teilungstraktate, die von der ehemaligen Regierung des Russischen Zarenreiches mit den Regierungen von Preußen und Österreich geschlossen worden waren). Zu der Sache Polens haben sich auch die Westmächte (USA - die öffentliche Erklärung des Präsidenten Wilson vom 8. 01. 1918), Frankreich und Großbritanniengäußert.⁴

Das Problem des Wiederaufbaus des polnischen Staates war unmittelbar mit dem weiteren Schicksal von Pommerellen verbunden, weil eben dieses Gebiet für den formenden Staat eine entscheidende Bedeutung besaß. Die Rückkehr von Pommerellen zu Polen bedeutete nicht nur die Wiedervereinigung mit dem Vaterland eines mit ihm historisch gebundenen Gebietes, sondern sie garantierte Polen den Zugang zum Meer - was aus ökonomischen Gründen besonders wichtig war. Dieses Problem war nicht nur Gegenstand der Diskussion, sondern auch der Vorbereitungen unter der polnischen Bevölkerung in Pommerellen

vor dem Ausbruch der Novemberrevolution, wobei im polnischen Lager der Wille zur Wiederkehr zu der Heimat eindeutig ausgesprochen wurde. Es ist klar, daß auch auf der deutschen Seite das Problem der staatlichen Zugehörigkeit des Pommerellenlandes mehrmals berührt worden war, wobei man die Notwendigkeit des Verbleibens im Rahmen des deutschen Staates betonte (eine solche Stellung haben auch die linken politischen Gruppen Deutschlands genommen, z. B. Sozialdemokratische Partei Deutschlands und Unabhängige Sozialdemokratische Partei Deutschlands).⁵

Während der lebendigen Diskussionen über das weitere Schicksal von Pommerellen kam der militärische Zusammenbruch des Deutschen Reiches (11. 1918). Infolge dessen kam es in Deutschland zum Ausbruch der Novemberrevolution, die zum Sturz der Monarchie in Deutschland geführt hatte und seit der die Zeit der heftigen politischen und gesellschaftlichen Kämpfe um die Form der späteren Republik begonnen hat. Die Novemberrevolution verlief in Pommerellen in einer spezifischen Atmosphäre. Diese Besonderheit war durch die oben genannten zwei Faktoren bedingt: die geringe Auswirkung der sozialistischen Bewegung unter der pommerschen Arbeiterklasse und den polnisch-deutschen Antagonismus, der sich auf der Grundlage des Kampfes um die nationale Befreiung der einheimischen polnischen Bevölkerung entwickelte. Diese zwei Faktoren haben den Charakter der Arbeiter und Soldatenräte, die im Laufe des November und Dezember 1918 das ganze Pommerellengebiet umfaßt haben, ihr Gepräge verliehen. Den dominierenden Einfluß hat in diesen Räten die SPD erreicht, die ge-

gen die Umwandlung der Novemberrevolution in eine Bewegung mit sozialistischen Charakter eingestellt war. Nur in manchen Räten (Gdańsk, Toruń, Elbląg) kamen zu Wort die radikalen Kräfte, die ideologisch mit dem Spartakusbund, später mit der Kommunistischen Partei Deutschlands verbunden waren. Die im Pommerellengebiet wirkenden Räte (beherrscht durch die kleinbürgerlichen Elemente, und Intelligenz, die oft die nationale Problematik an den ersten Platz stellten) waren nicht imstande, die auf diesem Gebiete auftauchenden Probleme zu lösen. Durch die Unterordnung den Beschlüssen des I. Kongresses der Arbeiter- und Soldaten räte (Berlin 16.-21. 12. 1918) in der Angelegenheit der Übergabe der Macht in die Hände der Nationalversammlung verzichteten die Räte in Pommerellen in der Praxis auf den weiteren Kampf um die politische Macht.⁶

Letzten Endes hat die Novemberrevolution zur Belebung des Rhythmus im politischen Leben in Pommerellen beigetragen, besonders aber durch das Einschließen in dieses Leben der breiten Massen der Arbeiter. Geäußert hat sich das in der Festigung der Reihen der Arbeiterparteien auf diesem Gebiet, hauptsächlich aber - was aus der oben erwähnten sozialen Zusammensetzung der Bevölkerung hervorging - der reformistischen Strömungen in der Arbeiterbewegung. Infolge dieser Belebung haben sich in Pommerellen auch prokommunistische Stimmungen herausgebildet, die die Grundlage für die Gründung von Gruppen der KPRP (Komunistyczna Partia Robotnicza Polski - Kommunistische Arbeiterpartei Polens) auf diesem Gebiet schon im Jahre 1920 bildeten. Man kann auch

feststellen, daß ein Teil der polnischen Arbeiter mit der KPD sympathisierte, besonders im Norden von Pommerellen.⁷

Parallel zu den mit der Novemberrevolution verbundenen Ereignissen in Pommerellen traten ernste Veränderungen in der polnischen und der deutschen Nationalbewegung dieses Gebiets auf. Genetisch waren diese Veränderungen mit der Errichtung des Polenstaates verbunden (die Gründung der polnischen Regierung in Lublin in der Nacht vom 6. zum 7. November 1918) und dem Programm der Einschließung in die Grenzen des neuerrstandenen Staates aller ethnisch polnischen Gebiete, darunter auch des Pommerellenlandes.

Schon im Oktober 1918 begannen sich in Poznań polnische Verwaltungszentren (Centralny Komitet Obywatelski - das Zentrale Bürgerkomitee) zu bilden, die mit ihrer Wirkung auch einen Teil von Pommerellen umfaßt haben. In manchen Städten des südlichen Teils von Pommerellen begannen sich geheime Bürgerkomitees zu gründen, die mit der Übernahme dieses Gebiets durch die polnischen Behörden verbundenen Vorbereitungen unternahmen (u. a. die Besetzung von Posten in der späteren polnischen Verwaltung). Im Moment des Ausbruchs der Novemberrevolution gewann die polnische Bewegung für nationale Befreiung an Kraft. Es entstanden die Organisationsformen dieser Bewegung - die Polnischen Volksräte (Polskie Rady Ludowe), die zentralistisch dem polnischen Dispositionszentrum in Poznań unterstanden (Maczelnia Rada Ludowa - Zentralvolksrat). Von den Wellen dieser Bewegung getragen, aktivierten verschiedene polnische Organisationen ihre Tätigkeit, es erschien

sogar eine bewaffnete polnische Konspiration, die mit der Leitung der Widerstandsbewegung in Poznań (Straße Ludowe - Volkswachen) zusammenarbeitete. Eine Zeitlang trug man sich auch mit dem Gedanken, einen bewaffneten Aufstand gegen die deutsche Herrschaft zu organisieren, wobei man die Truppen der General-Haller-Armee, die in Gdansk erscheinen sollten, nutzen wollte (diese Armee bestand aus Polen und wurde in Frankreich formiert), welche Truppen demnächst von Gdansk in Zentralpolen geschickt werden sollten. Der Fall dieses Plans (Januar 1919) hing auch mit dem Stoppen der Front der großpolnischen aufständischen Truppen (Ende Dezember 1918 kam es in Großpolen zum Ausbruch eines siegreichen Aufstands, der zur Befreiung großer Teile dieser Gebiete von der Macht des Deutschen Reiches geführt hat) an der Grenze von Pommerellen, zusammen.⁸

Die allgemeine Belebung des Kampfes der polnischen Bevölkerung von Pommerellen um die nationale Befreiung begleiteten entsprechende Gegenaktionen von der deutschen Seite. Die antipolnische Propaganda hat gewaltig zugenommen, besonders nach dem Ausbruch des Großpolenaufstandes. Ihre Tätigkeit haben die ultrarechten politischen Kräfte aktiviert, die durch die Deutschen Volksräte repräsentiert waren und welche überzeugt wurden, daß Pommerellen nötigenfalls auch in Form von Kampffaktionen gegen den Polen "verteidigt" werden sollte. Diese Tendenzen unterstützten auch die zentralen Behörden der deutschen Republik, besonders aber die Militärbehörden (u. a. hat man in Pommerellen starke Kampftruppen versammelt, die nicht nur die Unterdrück-

ung der polnischen Bewegungen in Pommerellen zum Ziel hatten, sondern auch zu Angriffsaaktionen in Großpolen bestimmt waren). Auf dem Boden solcher Bestrebungen erschienen Mitte 1919 in preussischen Ostprovinzen, also auch in Pommerellen, Ideen der Gründung eines souveränen Oststaates, der weder zur Zentralregierung von Polen noch von Deutschland gehören sollte. Dieses Gebilde sollte die Beschlüsse des Friedenskongresses in Paris vorwegnehmen, welche, vom deutschen Standpunkt gesehen, ungünstig waren (d. h. die Trennung der polnischen Gebiete von Preußen).⁹

Die zweite Hälfte des Jahres 1919 stand in Pommerellen unter dem Zeichen der Vorbereitungen auf die Übergabe dieses Gebiets an Polen. Im Laufe dieser Zeit kam es in Pommerellen zu Veränderungen sowohl auf der Ebene der Wirtschaft als auch der Politik. Den Beschlüssen des Pariser Friedenskongresses, betreffend die Rückgabe des größeren Teiles des Pommerellengebiets an Polen, ging eine Zeit der Raubwirtschaft der deutschen Behörden voran. Die administrative Macht auf diesem Gebiet ausnutzend, strebten die deutschen Behörden danach, die größte mögliche Menge von Industriestoffen, Anlagen, Lebensmittelvorräten, Holz, Rohstoffen u. a. auszuführen. Im gewissen Grade gelang es der polnischen Seite dieser Tendenz Widerstand zu leisten, durch die Kontrolle der Gütersendungen nach Deutschland, durch das Ernennen der Waldwache, durch Brandmarkung der mit deutschen handelnden Personen u. a. Trotzdem war die Folge solcher Wirtschaftspolitik des Eroberers die Abschwächung der Wirtschaftspotenz

dieses Gebiets, die den wirtschaftlichen Start des Polenstaates in Pommerellen im Jahre 1920 bedeutend erschwert hat. Es kam zwar schon in dieser Zeit zu den ersten Versuchen der Übernahme mancher Objekte oder Grundbesitze durch den polnischen Staat (besonders in der künftigen Freien Stadt Gdansk), dieser Prozeß war aber keine erfolgreiche Gegenwirkung gegen die oben dargestellte Raubexploitation dieses Gebiets durch die deutschen Behörden.¹⁰

Das politische Grundproblem in Pommerellen in der zweiten Hälfte des Jahres 1919 war die Bestimmung der beiderseitigen Relationen zwischen der polnischen und der deutschen Bevölkerung und, was darauf folgt, die Ausarbeitung des entsprechenden modus vivendi für beide Nationalitäten schon in den Umständen des wiederentstandenen Polens. Die Frage nach der Festlegung der Grundsätze des Zusammenlebens beider Nationalitäten war Gegenstand vieler kontroverser Ansichten und Lösungsversuche.

Unter der deutschen Bevölkerung konnte man zwei Einstellungen feststellen: 1) die Ausreise in die kerndeutschen Gebiete, 2) das Bleiben in Pommerellen mit gleichzeitigem Versuch der Festigung seiner Position durch die Konsolidierung des deutschen Elementes in organisierter Form. Unter den ausreisenden Deutschen überwiegte der intellektuelle Teil (Beamte, Lehrer, das höhere und mittlere technische Personal, Berufssoldaten, die bisher in der antipolnischen Bewegung aktiven politischen Funktionäre). In minderm Maße umfaßte diese Emigrationsbewegung die arbeitende, seit längerer Zeit in Pommerellen angesessene Bevölkerung. Außerdem hemmte das Op-

tionsrecht (das Recht jedes deutschen Bürgers auf die Wahl des Wohnortes) die Ausmaße dieser Erscheinung. Die Landflucht der deutschen Bevölkerung war ein wichtiger Faktor der Repopulation von Pommerellen, besonders in den Gebieten, wo statistisch gesehen, das deutsche Element bisher das Übergewicht besaß.¹¹

Die Änderungen im deutschen politischen Leben waren den Versuchen des Schaffens einer einheitlichen Nationalvertretung unterstellt, die in der Zukunft die Interessen der Deutschen gegenüber den polnischen Verwaltungsorganen verteidigen sollte. Die Intensive haben auf diesem Gebiet die Zentren in Gdansk und Bydgoszcz (Bromberg) ergriffen (u. a. war das Resultat dieser Bestrebungen die Gründung der Deutschen Partei, der Deutschen Arbeitsgemeinschaften), bis Ende Januar 1920 gelang es aber nicht, infolge von inneren Meinungsverschiedenheiten, die Konsolidierung zu Ende zu führen. In der zweiten Hälfte des Jahres 1919 aktivierten die mit der KPD verbundenen kommunistischen Gruppen ihre Arbeit, vor allem im Norden von Pommerellen. Es erschienen auch in der deutschen Bewegung ziemlich schwach umrissene Tendenzen zur beschränkten Zusammenarbeit mit Polen. Diese Erscheinung konnte man im Bereich der Arbeiterbewegung feststellen (deutlicher sichtbar im Jahre 1920) und der Tätigkeit von Wirtschaftsorganisationen (Landbund Weichselgau). Diese Tendenzen waren jedoch nicht imstande das Gesamtbild, das Fehlen der Lust auf eine nähere Zusammenarbeit, was in beiden Lagern aktuell war, zu bedecken.¹²

Bezeichnende Änderungen sind in der zweiten Hälfte des Jahres 1919 im Bereich des polnischen politischen Lebens zu verzeichnen. Als das Wichtigste muß man die Sprengung des bisher einheitlichen polnischen Nationallagers betrachten. Schon in der zweiten Hälfte des Jahres 1919 erschienen unter der polnischen Bevölkerung die ersten Versuche der Gründung von Organisationen der Polska Partia Socjalistyczna (Polnische Sozialistische Partei), die organisatorisch sich nicht auf die SPD stützten. Bedeutende Einflüsse gewann in dieser Zeit in Pommerellen die rechte Strömung in der polnischen Arbeiterbewegung, die durch die Nationale Arbeiterpartei (Narodowa Partia Robotnicza) und den Polnischen Berufsverband (Zjednoczenie Zawodowe Polskie) repräsentiert war (in den ersten Jahren nach der Rückkehr des Pommerellengebiets zu Polen überwiegte diese Bewegung im Gesamtbild des polnischen Lebens dieses Gebiets). Es sind auch die Grundlagen der organisierten Erweiterung der rechten politischen Partei in der Gestalt der Nationaldemokratie (Zwiazek Ludowo-Narodowy - Volks-National-Verband) geschaffen worden. Eine charakteristische Eigenschaft des polnischen politischen Lebens in Pommerellen in der zweiten Hälfte des Jahres 1919 war die Dominante in ihm der Rechtselemente mit gleichzeitiger wachsender Verknüpfung der Parteien mit dem allgemeinpolnischen politischen Leben.¹³

In der Zeit vom 18. Januar bis zum 10. Februar 1920 kam es zur Übernahme des Pommerellengebietes durch Polen. An Polen kam ein Gebiet mit ungelösten gesellschaftlichen Grund-

problemen, auch einer Normalisierung in der Praxis forderte die Sache der deutschen Minderheit. Die Jahre 1918-1920 brachten mit sich viele wesentliche Änderungen im gesellschaftlichen, politischen und nationalen Bereich von Pommern und daher bilden sie eine wichtige, deutlich abgesonderte Etappe in der Geschichte dieses Gebiets.

¹ D. Steyer, Organizacje robotnicze na terenie województwa pomorskiego w latach 1920-1939. Toruń, 1961, s. 17-18.

² Ebenda, s. 19.

³ E. Romer, Polacy na kresach pomorskich i pojeziernych. Lwów, 1919, s. 144-151.

⁴ K. W. Kumaniecki, Odbudowa państwowości polskiej. Najważniejsze dokumenty 1912 - styczeń 1924. Warszawa-Kraków, 1924, s. 67; H. Jabłoński, Narodziny Drugiej Rzeczypospolitej. Warszawa, 1962, s. 44.

⁵ Zentrales Staatarchiv /Abk.: ZStA/ Merseburg, Rep. 77, Ministerium des Innern, Tit. 1884, Nr. 4, Bd. I, Bl. 135; Wojewódzkie Archiwum Państwowe /Abk.: WAP/ Bydgoszcz, Landratsamt Konitz, Nr. 766, Bl. 19 ff; Pielgrzym 24 I 1918, Nr. 11; ZStA Potsdam, Reichskanzlei, Nr. 2489, Bl. 107; A. Czubowski, Rewolucja 1918-1919 w Niemczech. Poznań, 1967, s. 155 ff.

⁶ M. Wojciechowski, Dwie koncepcje powrotu Pomorza Gdańskiego do Polski w latach 1918-1919. - In: "Zapiski Historyczne", Bd. 35, H. 1. Toruń, 1970, s. 68-69.

⁷ W. Łukaszewicz, Rewolucyjne tradycje ruchu robotniczego na Pomorzu Gdańskim w latach 1871-1920. - In: Pod czerwonym sztandarem. Szkice z dziejów klasowego ruchu robotniczego na Pomorzu Gdańskim i Kujawach 1871-1948. Bydgoszcz, 1968, s. 31-41.

⁸ M. Wojciechowski, s. a. O., s. 72-83.

⁹ M. Wojciechowski, Próby konsolidacji niemieckiego życia politycznego na Pomorzu /1918-1920/. - In: Acta Universitatis Nicolai Copernici, Historia IX, Toruń 1973, s. 243 ff.

¹⁰ WAP Bydgoszcz, Rep. 39, Podkomisariat Naczelnej Rady Ludowej w Gdańsku, Nr. 1-66.

¹¹ ZStA Potsdam, Reichsministerium des Innern, Nr. 2887, Bl. 137-139; Archiwum Akt Nowych Warszawa, Archiwum Paderewskiego, Nr. 687, Bl. 12-13; Das freie Volk 17 XII 1919, Nr. 293; Danziger Volksstimme 24 I 1920, Nr. 20; E. Basedow, P. Correns, Schicksalsstunden. Unvergessliches aus schweren Tagen in Posen und Westpreussen. Berlin, 1925, s. 42 ff.

¹² M. Wojciechowski, Die kommunistische Bewegung in Pommerellen (Westpreussen) in den Jahren 1918-1923. - In: Kolloquium anlässlich des 55. Jahrestages der Gründung der KPD zum Thema: Zur ideologischen Entwicklung der KPD und ihrer theoretischen Arbeit von 1919-1923. Greifswald, 1974, S. IX.

1-8; M. Wojciechowski, Proby konsolidacji... s. 252 ff.

¹³ D. Steyer, a. a. O., s. 36-37; R. Wapiński, Ruch robotniczy na Pomorzu w latach 1920-1939. Gdynia, 1963, s. 43; R. Wapiński, Endecja na Pomorzu 1920-1939. Gdańsk, 1966, s. 17-19; R. Wapiński, Działalność Narodowej Partii Robotniczej na terenie województwa pomorskiego w latach 1920-1930. Gdańsk, 1962, s. 85-92.

СОДЕРЖАНИЕ. INHALTSVERZEICHNIS

<u>Ю.М.Юргинис.</u> Земельная собственность и землевладение в Литве в XV-XVIII веках	3
<u>Х.М.Лиги.</u> Формирование феодальной ренты в Эстонии	13
<u>М.Ючас.</u> Понятие свободы в крепостнической Литве ..	22
<u>Б.Н.Миронов.</u> К вопросу об особенностях социальной психологии русского крепостного крестьянства	33
<u>J.Kahk.</u> Über die Triebkräfte der Sozialökonomischen Entwicklung beim Übergang vom Feudalismus zum Kapitalismus	44
<u>E.Donnert.</u> Ludwig Wilhelm Koenemann (1751-1794) und die Verbreitung Revolutionär-Demokratischer Gesellschaftslehren in Kurland und Polen in den Jahren der französischen Revolution	58
<u>A.Traat.</u> Carl Gustav Jochmann, der erste Revolutionäre Denker aus Estland	70
<u>K.Wajda.</u> Die Wanderungen der Landbevölkerung von Nordpolen in der Epoche der Kapitalismus (bis 1914)	85
<u>J.Konks.</u> Einige Umrissе des Grundbesitzes und der Landwirtschaft in Estland am ende des 19. und am Anfang des 20. Jahrhunderts	99
<u>Т.А.Розенберг.</u> Состав мызных рабочих Южной Эстонии в конце XIX - начале XX века	110
<u>С.Кивимяэ.</u> Аграрная политика царизма в Прибалтике в начале XX века	125
<u>M.Wojciechowski.</u> Die Grundlegenden Gesellschaftlichen und politischen Probleme von Pommerellen in der Zeit des Kampfes um die Vereinigung mit Polen (1918-1920)	142

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФОРМАЦИЙ
В СТРАНАХ БАЛТИКИ. Доклады исторической конферен-
ции (28-30 ноября 1978 г.). На русском и немецком
языках. Тартуский государственный университет. ЭССР,
г. Тарту, ул. Пилкосли, 18. Ответственные редакто-
ры Х. Лиги, Ю. Кивимяэ. Корректоры М. Раудар, Ю. Тул-
дава. Сдано в печать 21.11.78. Бумага писчая 30x42
1/4. Печатных листов 10,0 (условных 9,3). Учетно-
издат. листов 6,53. МВ 07383. Тираж 500. Типогра-
фия ТГУ, ЭССР, г. Тарту, ул. Пялсони, 14. Зак. №
1477. Цена 45 коп.